

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

*О жизни и творчестве художника Роберта Фалька
читайте на странице 70.*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов	Чудо появления нового	4
Денис Логинов	Историк по зову сердца	15

Рассказ

Дмитрий Игнатов	Он. Она. Осень	26
-----------------	-----------------------------	----

История любви

Валерий Ганский	И снова вечный Пушкин...	42
-----------------	---------------------------------------	----

Это интересно

Евгения Гордиенко	Бразилия: кофе, футбол, Оскар Нимейер	52
Александр Ралот	Начало новой династии	89
Владимир Гриньков	Что едали на Руси 500 лет назад и чего не знали	111

Зеленая панацея

Степан Кащеев	Мята — проводница в потусторонний мир	62
---------------	--	----

Замечательные современники

Елена Воробьева	Семен Шомин: «Для меня театр — это место Силы, где я могу отстраниться от чего-то, или, наоборот, сконцентрироваться...	65
-----------------	--	----

Судьба художника

Ирина Опимах	Роберт Фальк. Портрет Соломона Михоэlsa	70
--------------	--	----

Уголки России

Дмитрий Зелов	Рускеала: погружение в мрамор	79
---------------	--	----

Поэзия

Ирина Путьева	Стихи	84
---------------	--------------------	----

Звезды не гаснут

Георгий Кричевский	«Глаза зрачками в душу»	92
--------------------	--------------------------------------	----

Житейские истории

Лариса Цитович	Несостоявшийся обмен	103
----------------	-----------------------------------	-----

Детектив

Андрей Дышев	Бухта Дьявола	126
--------------	----------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра «Современник»
Семен Шомин.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ПАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.08.2021

« 8 октября 1931 года родился известный писатель и публицист Юлиан Семенович Семенов. В этом году ему бы исполнилось 90 лет. К этой юбилейной дате мы решили опубликовать воспоминания Альберта Лиханова об их знакомстве и встречах. Ведь познакомились они именно в «Смене», где Альберт Анатольевич в начале 1970-х работал ответственным секретарем, а Юлиан Семенов был постоянным автором журнала.

Альберт **Лиханов** «Юлиан. Прикосновение»

« Она была единственной женщиной в мировой истории, которая встала во главе Академии наук и весьма преуспела на этом посту. Наука с того времени стала ее настоящей опорой. Правда, она хотела признания в ином — практическом влиянии на государственные дела. Но, увы, не состоялось, пришлось довольствоваться вторыми ролями... Конечно же, речь идет об Екатерине Дашковой, в девичестве Воронцовой.

Денис **Логинов** «Екатерина Малая»

« С давних пор «плащ» березы служил в умелых руках строительным и поделочным материалом. На бересте писали, из нее делали посуду, детские погремушки и многое другое, что было необходимо в быту. К резчикам и плетельщикам относились с глубоким уважением. Этот вид народного промысла сохранился и сегодня, но, увы, береста выбирает немногих. Среди редких умельцев — берестянщица из Петербурга Лия Галченкова, правнучка Аркадия Васнецова, брата известных художников Виктора и Аполлинария Васнецовых. И этот ее выбор, видимо, не случаен, учитывая ее происхождение...

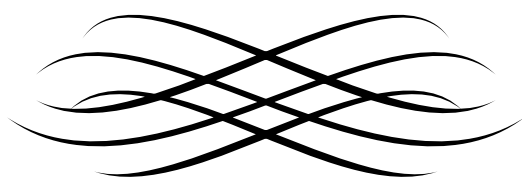
Елена **Чулкова** «Берестянщица из рода Васнецовых»

« Жизненный и творческий путь Виктора Шкловского прекрасно укладывается в сюжетную канву приключенческого фильма. Видный филолог и писатель, кинодраматург, киновед и эссеист, он умудрился вместить в свою бурную судьбу весь XX век, будучи при этом не просто наблюдателем, но активным участником происходивших событий.

Юрий **Осипов** «Талант, помноженный на эпоху»

« Окончание детектива Андрея **Дышева** «Бухта Дьявола»

Чудо ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО

Творчество Юрия Тынянова занимает в отечественной литературе особое место. Он соединил научные исследования и художественно-познавательную прозу — литературоведческие эссе, критические статьи, теоретические работы и исторические романы, повести, рассказы, сценарии, переводы. Все это большое разнообразное наследие продолжает жить в русской культуре, помогая нашему сознанию в осмыслении столь необходимого нам Прошлого. Тем более, когда речь идет о Пушкине и его окружении, а также о Гоголе и Достоевском...

С Тыняновым соглашались, ему возражают, его цитируют, на него ссылаются... Это происходит, несмотря на то, что за 49 лет своей стремительно промелькнувшей жизни Юрий Николаевич не успел осуществить и половины задуманного. В середине двадцатых, когда ему было едва за 30, художественная проза заслонила его перспективную научную работу, но впоследствии он возвращался к ней и перебросил мостик между литературой и филологией: существенно обновил историческую беллетри-

стику и одновременно сумел включить в научную сферу ряд новых понятий, сложившихся в оригинальную систему.

Человек скромный и сдержанный, Тынянов прожил неброскую, наполненную неустанным трудом жизнь, в которой не было суеты, однако было постоянное душевное напряжение. Он изучал живое чудо появления нового — диалектику литературного процесса. Его богатый, хоть и утраченный частично архив, поражающий размахом замыслов и глубиной познаний, свидетельствует, что этот «штучный» писатель-ученый не потерял даром ни часа. И — отличался взыскательностью отбора, как в науке, так и в художественной прозе.

Юрий Николаевич Тынянов родился в октябре 1894 года в местечке Режица Витебской губернии, ставшем впоследствии латвийским Резекне. Семья была интеллигентная. Отец, врач, уроженец Бобруйска, и мать, родом из Борисовского уезда Минской губернии, отличались передовыми взглядами и стремились дать сыну хорошее образование. Можно сказать, что к книге он был приговорен с детства и, окончив с серебряной медалью Псковскую гимназию, поступил в 1912 году на историко-филологический факультет Петербургского университета. Там преподавали такие корифеи, как, например, С. Венгеров, в работе знаменитого пушкинского семинара которого Тынянову довелось принять участие. Так Пушкин еще со студенческой скамьи

стал его путеводной звездой, причем участники семинара отмечали их внешнюю схожесть. Параллельно пылкий студент посещал лекции академика А. Шахматова, крупнейшего лингвиста, филолога и историка, основоположника исторического изучения русского языка и литературы.

Большое влияние оказал на Тынянова курс прикладной лингвистики самого Б. де Куртенэ. Да и среди сокурсников Юрия Николаевича оказались ставшие затем широко известными учеными М. Озадовский, Ю. Оксман, Н. Яковлев и другие яркие личности. Словом, среда, в которой проходило формирование Тынянова-исследователя литературы, была самая, что ни на есть, элитарная. И с первыми научными публикациями он не задержался. Литературный

источник «Смерти поэта», эссе о пушкинском «Каменном госте», большая работа о Кюхельбекере...

Впрочем, серьезные научные занятия не помешали молодому человеку жениться в 1916 году на сестре своего гимназического товарища Л. Зильбера — Елене.

Начиналась взрослая жизнь. По окончании университета Тынянов был оставлен Венгеровым при кафедре русской литературы для продолжения научной деятельности. Тогда же произошло его судьбоносное знакомство с В. Шкловским и Б. Эйхенбаумом, видными исследователями так называемой формальной школы. Вместе с ними он вступил в ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка), что во многом определило его путь ученого.

Подобно Шкловскому, Эйхенбауму и многим своим коллегам-друзьям, Юрий Николаевич бесповоротно встал на сторону советской власти. С 1921 года он в течение десяти лет преподавал русскую поэзию в Институте истории искусств. А до 1924 года совмещал преподавание со службой переводчиком в Коминтерне, а позднее — редактором в Госиздате. Вдумчивый, спокойный, по-настоящему интеллигентный человек, доброжелательный и открытый всему новому — таким запомнили Тынянова его студенты и коллеги. Первая опубликованная научная статья «Гоголь и Достоевский» заложила фундамент всех последующих

тыняновских изысканий. Написанная в 19-м, она вышла через два года отдельным изданием в опоязовской серии «Сборники по теории поэтического языка».

За этой статьей последовал в начале двадцатых годов ряд работ о Пушкине и литературной борьбе той эпохи, отдельные эссе о Тютчеве, Некрасове, Блоке и Брюсове, сочетающие литературный анализ с глубокими историко-психологическими характеристиками героев. Ученый все больше склонялся на сторону «художественности».

В 1924 году, получив от издательства «Кобуч» заказ на популярную брошюру о Кюхельбекере, Тынянов неожиданно за короткий срок написал увлекательный роман «Кюхля», положивший начало его писательской судьбе. В романе он живо и убедительно воскресил для широкого читателя образ полузабытого поэта-декабриста, используя при этом огромный фактологический материал. Но главное, что придавало достоверность художественному повествованию, были интуитивные догадки. Позднее Юрий Николаевич определил свой творческий метод так: «Где кончается документ, там я начинаю».

Первый литературный успех окрылил. В 1927 году Тынянов закончил свой, наверное, самый известный роман «Смерть Вазир-Мухтара» — произведение, в котором творческие принципы автора,

его взгляд на историю и живую современность выразились с наибольшей полнотой. Не просто захватывающая, изобилующая удивительными приключениями биография великого поэта, приятеля и полного тезки Пушкина, но образное сравнение «века нынешнего» с «веком минувшим» развернуто на страницах книги. В ней все та же извечная трагедия «горя от ума», которую неизбежно испытывает мыслящий человек в России.

Несмотря на блестящую дипломатическую карьеру, власти видели в Грибоедове опасного вольнодумца, «чужака» в позолоченном мундире и не слишком горевали по поводу его героической гибели в Тегеране. Возведенный в ранг чрезвычайного и полномочного посла («вазир-мухтара» по-персидски), ко-

торый контролировал сбор шахскими чиновниками контрибуции после поражения Ирана в краткосрочной войне с Россией, Грибоедов как человек не уклонился от грозившей ему там смертельной опасности и как поэт не смирился с неотступным царским деспотизмом.

Эту неразрешимую трагическую ситуацию, описанную в романе, автор проецировал на собственную судьбу и судьбу своих друзей-единомышленников. К тому моменту все они успели разочароваться в революционных идеалах и осознали невозможность продолжения коллективной научной работы в условиях ужесточающегося идеологического контроля, приведшего к распаду их опоязовского сообщества. В том же 27-м Тынянов писал Шкловскому: «Горе от

ума у нас уже имеется. Смею это сказать о нас, о трех-четырех людях. Не хватает только кавычек, и в них все дело. Я, кажется, обойдусь без кавычек и поеду прямо в Персию».

Горькие слова. К счастью, судьба уберегла Юрия Николаевича от повторения участи его гениального героя. Ему суждено было избежать сталинских репрессий и умереть в собственной постели. И — написать еще не одну замечательную книгу. «Вазир-Мухтар» выде-

ляется в их ряду особой пластикой, кинематографической зримостью повествования. Несомненную роль в этом сыграли опыт Тынянова-теоретика кино и работа писателя над сценариями нескольких фильмов, в том числе, «Шинели» Гоголя и в соавторстве с Ю. Оксманом картины о декабристах.

Непосредственно с искусством экрана был связан первоначальный замысел «Поручика Кижее» (1927), задуманного как сценарий немого фильма (фильм по этой

повести будет снят в 1934 году). Гротескная, сюрреалистическая фабула произведения вывела его в разряд притчи о существующем лишь на бумаге в результате канцелярской ошибки офицере, который, однако, благополучно «переселяется» в реальный мир. Повесть про то, как официальный оборот «поручики же» превратился под пером нерадивого канцеляриста в фамилию Кижее, явилась убийственной сатирой на повсеместную модель служебной карьеры в условиях российского самодержавного строя. Впрочем, не только самодержавного... Недаром выражение «поручик Кижее» стало крылатым.

Тынянову такой политический выпад, слава богу, сошел с рук, и он продолжил свою плодотворную деятельность писателя, а также исследователя и теоретика литературы. Как ученого его в те годы занимала методика взаимодействия литературного и социального «рядов» в писательском творчестве. Выехав в 1928 году на лечение в Прагу, Юрий Николаевич встречался там с примыкавшим к русскому авангарду автором выдающихся трудов по общей теории языка, фонологии и морфологии Р. Якобсоном. Они планировали возобновить работу ОПОЯЗа и подготовили совместные тезисы по проблемам изучения литературы.

Важной частью многогранного тыняновского творчества стал в

те годы художественный перевод. В 27-м в его переводах вышел сборник сатир Гейне, а в 32-м — поэма «Германия». Критика писала, что великий немец остался бы доволен поэтическим переводом Тынянова. Как, впрочем, и Шекспир, чью «Зимнюю сказку» Юрий Николаевич тоже блистательно перевел, обнаружив несомненный талант стихотворца. Талант этот проявился, кроме того, в шутливых экспромтах и эпиграммах, многие из которых собрал в своем рукопис-

События повести происходят в самом конце блестящей эпохи преобразований первого российского императора, уже больного и немощного. Однако страдает Петр не только и не столько от смертельной болезни, сколько от сознания незавершенности своего Дела. И еще оттого, что приближенные, на которых он привык полагаться, оказались корыстными обманщиками. Прикованного теперь к постели, ранее неустанно деятельного царя мучают тяжкие сны и неотвязные мыс-

По окончании университета Тынянов был оставлен при кафедре русской литературы для продолжения научной деятельности. Тогда же он вступил в ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка), что во многом определило его путь как ученого

ном альманахе «Чукоккала» Корней Чуковский.

Возвращаясь к литературному творчеству, писатель не оставлял тягостных раздумий о русской истории. Кульминацией их оказалась пронзительная повесть из петровской эпохи «Восковая персона» (1931). И опять же Тынянов проявил в этом произведении смелость на грани безрассудства, поскольку развернул на материале 18-го столетия более чем актуальную для его времени, но абсолютно табуированную тему всеобщего предательства и доноительства.

ли о том, что он не оставляет ни наследника по крови, ни толкового помощника, которому мог бы доверить управление государством после своей смерти.

Сложность образной системы произведения, отмеченная критиками, не затеняет его главного идейного мотива — исключительной меры ответственности исторической личности за судьбы страны и миллионов людей. Нелицеприятные характеристики ближайших сподвижников Петра, таких, как Меншиков и Ягужинский, усугубляют картину. Она превращается в фарс, когда Петр умирает, и начинается бес-

смысленная суэта по поводу похорон и траура, а также возможного преемника и «восковой персоны» (посмертную маску императора, снятую Растрелли, закрепляют на изготовленной в полный рост кукле, которую из-за сходства с покойным все боятся и «ссылают» в столь любимую Петром Кунсткамеру).

К этому безгласному истукану ничтожные сановники начинают бегать за советом. А полуграмотная царица, приведенная к власти фаворитами, лишь норовящими потуже набить карманы, сама оказывается

По воспоминаниям его близкого друга Валентина Каверина, Тынянов работал неровно — то месяцы молчания, то печатный лист в день. Но и месяцы молчания были наполнены напряженной работой писательского воображения. Работая, он разыгрывал сцены, включая в них шаржи на знакомых по 20-м годам, хотя действие в этих сценах происходило в 20-е годы XIX века.

Исторический романист и исследователь литературы, Тынянов всегда оставался «на связи» с современностью. Его житейские мягкость,

По воспоминаниям его близкого друга Валентина Каверина, Тынянов работал неровно — то месяцы молчания, то печатный лист в день. Но и месяцы молчания были наполнены напряженной работой писательского воображения. Он разыгрывал сцены, включая в них шаржи на знакомых по 20-м годам, хотя действие в этих сценах происходило в 20-е XIX века.

в их руках безвольной марионеткой. Последняя глава описывает вакханалию празднеств в связи с окончанием траура по Петру, празднеств, которые предвещают начало кровавого периода дворцовых переворотов.

Концепция исторической прозы Тынянова, со специфическим использованием архивных источников, произвольно «монтирующихся» в литературном тексте, отзовется спустя полвека в захватывающей, метафоричной исторической прозе Булата Окуджавы.

уступчивость, нерешительность на литературу не распространялись. В литературных кругах мнение Тынянова считалось непререкаемым. Когда в 34-м был организован Союз советских писателей, Тынянову лично Горьким был вручен билет за номером один — факт любопытный и примечательный.

Даже несговорчивый и предельно амбициозный Маяковский, встретившись с ним однажды после выхода «Кюхли», сказал: «Ну, Тынянов, поговорим, как держава с державой». Высшим признанием заслуг

Юрия Николаевича в литературе можно считать письмо к нему Горького по поводу «Смерти Вазир-Мухтара». Там есть знаменательные строки относительно образа главного героя романа, Грибоеда: «Должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет». Лучше и не скажешь о силе писательского воображения!

В важнейшем проекте, затеянном Горьким, — книжной серии «Библиотеки поэта», которая представляет собой генеральный смотр всей отечественной поэзии за три века, Тынянов, переехав в Москву, сыграл ключевую роль и после смерти Горького фактически возглавил редколлегия этого уникального издания. Труднейшая, но благодарная работа по выпуску очередных томов серии приносила ему подлинную радость.

Веселый, добрый, исключительно вежливый человек, каким его запомнили современники, любивший шутки и дружеские розыгрыши, Юрий Николаевич Тынянов прожил очень нелегкую, подчас незаслуженно мучительную жизнь. Рано и тяжело заболел, что стало не только его личной трагедией, но и непоправимым несчастьем для семьи, бедой для отечественной литературы и литературной науки.

Рассеянный склероз, болезнь и сегодня неизлечимая, не лишила его душевной бодрости, энергии, живого интереса ко всему происходящему в стране и в литературе. И он с прежним энтузиазмом продолжал

принимать посильное участие в профессиональных делах ленинградских писателей.

В начале 30-х годов Тынянов задумал большое художественное произведение о Пушкине, которое сам определил как «эпос о рождении, развитии, гибели национального поэта». Первая часть романа «Пушкин» («Детство») была опубликована в 1935-м, вторая — («Лицей») — в 1937-м. Над третьей частью («Юность») писатель работал уже очень больным, сначала дома, затем в эвакуации в Перми.

Повествование о трагической судьбе тыняновского кумира доведено до 1820 года. По мнению Шкловского, «работа оборвалась, вероятно, на первой трети» задуманного романа. Однако, несмотря на его незавершенность, он воспринимается как целостное произведение, являясь заключительной частью трилогии, начатой и продолженной книгами о Кюхельбекере и Грибоедове. Пушкину автор отдал весь жар души, всю свою надежду и веру в будущее Отечества, в новый расцвет русской литературы.

Биографический, по сути, роман представляет грандиозную фигуру поэта в широком историческом контексте, в соотнесении его стремительной судьбы с судьбами многих других литераторов и общественных деятелей. Созвучие блоковскому определению: «веселое имя — Пушкин» особенно ощущается в образе юного лицеиста и начи-

нающего стихотворца, жизнелюбивого, пылкого, охваченного творческим вдохновением...

«...Ранним утром он бросался к окошку, а там, миновав Арину, хлопотавшую над чаем, сбегал к озеру... Он бросался в озеро с самого пригорка. Конь верховой ждет его. Он ехал в Тригорское... Здесь Иван Четвертый — он знал об этом — сровнял с землей польскую крепость. Он приехал сюда тотчас, покончив с лицеем, потому что здесь было легкое дыха-

ние. Он приехал сюда писать ту поэму, о которой думал, над которой сидел еще в лицее... Русская древность, вольная жизнь! Он чинил себе легкое длинное перо, думая о ней... Русские древности были здесь. И это вовсе не было мирным стихом, древним русским миром Владимира. Нет, это было древней войной, русской войной. Он приехал сюда, еще ничего не забыв о Царском Селе... Такова была его первая поэма».

Как и в прежних своих книгах, Тынянов широко использовал документы, в том числе свидетельства и воспоминания современников, отдавая себе отчет в том, что мемуарные материалы, вызвавшие полное доверие В. Вересаева (имеется в виду его знаменитая книга «Пушкин в жизни»), представляют не столько подлинного Пушкина, сколько того, каким он хотел казаться посторонним. Вот почему главное значение для писателя имели дошедшие до нас слова самого Пушкина.

Стихи поэта, его переписка, дневниковые записи, наброски, заметки на полях рукописей — все творчески осваивалось и переплавлялось им в художественное повествование.

В период работы над романом Тынянов неоднократно сообщал читателям, что обнаружил новые материалы, которые меняли сложившиеся представления о Пушкине. Это касалось, прежде всего, лица и лицейского периода жизни поэта. Не меньшее значение в творческом процессе имели для Тынянова введенные в научный оборот документы, такие, как, например, сохранившиеся записи лекций лицейских профессоров, которые он использовал и переосмыслял.

кинской «программе» и другими документами, сразу становится понятно, насколько органично автор соединил в себе исследователя и художника, когда каждая сцена повествования является плодом творческого воображения, интуиции, догадки, вымысла, основанных на всестороннем знании фактологического материала и постижении как самой личности главного героя, так и его окружения, эпохи в целом.

И если в первой части романа Пушкин-подросток еще заслонен другими фигурами, то во второй он, юноша, уже выдвигается на передний план. Роман обрывается на третьей части, которую писатель не успел закончить и которая должна

Веселый, добрый, исключительно вежливый человек, каким его запомнили современники, Юрий Тынянов прожил очень нелегкую, подчас незаслуженно мучительную жизнь. Но при этом болезнь — рассеянный склероз — не лишила его душевной бодрости, энергии и живого интереса ко всему происходящему в стране и в литературе

Так рождались убедительные портреты окружающих юного гения, удивительная атмосфера пушкинской эпохи. План автобиографии, составленный Пушкиным и публикуемый в собраниях его сочинений под названием «Программа записок», служил Тынянову путеводной нитью. Однако если сопоставить тот или иной эпизод романа с соответствующей скупой записью в пуш-

была охватить 1816-1820 годы, «годы встречи с Чаадаевым, лицейское вольномыслие. В этой части романа Пушкин предстает уже как политический трибун, показана борьба реакции с Пушкиным». Так определял Тынянов содержание этой части.

Она писалась в эвакуации, в Перми, а затем в Москве, тяжелобольным, прикованным к постели человеком. Причем он был лишен необ-

ходимых материалов и писал по памяти. Однако текст каждой главки продуман, выношен и предельно детализирован.

Мало того, по художественному уровню и эмоциональному напряжению многие страницы третьей части не только не уступают первым двум, но подчас даже превосходят их, поскольку тут найден новый стиль повествования, без установки на обстоятельства, на детали, на бытовые подробности, характерные для первых двух частей романа. Развитие повествования происходит благодаря своеобразной подаче событий и перипетий душевной жизни героя, а слегка ироническая интонация, которой окрашены страницы «Детства» и «Лицея», уступает место поэтически-страстной манере авторской речи, как бы спешащей вдогонку за лирической речью мужающего Пушкина.

В эвакуации Тынянов написал также два любопытных исторических рассказа, посвященных Отечественной войне 1812 года — «Красная шапка» о полковнике Я. Кульневе и «Генерал Дорохов». Они взывали к чувству патриотизма советских людей на примере военного подвига предков.

Александр Николаевич умирал в Кунцевской больнице на исходе 43-го, когда после Сталинградской битвы в Великой Отечественной вой-

не наступил решающий перелом и уже замаячил впереди свет Победы. Он верил в нее и призывал к ней.

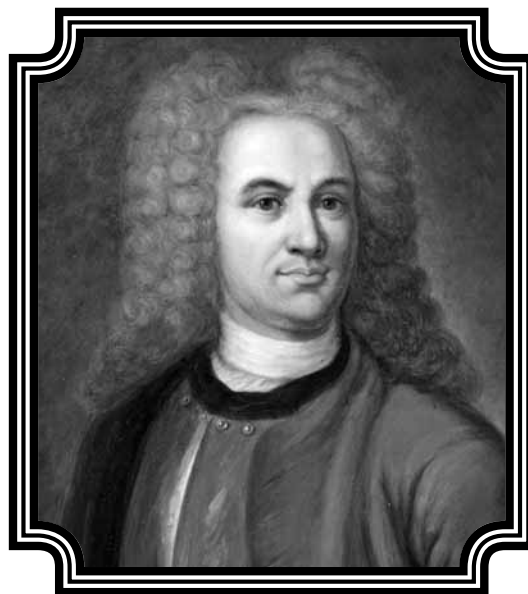
Болезнь то отступала, то наступала. Она лишала сил и уверенности. Необходимость следовать шаг за шагом за своим уникальным героем, огромность поставленных перед собой задач превосходили возможности умирающего писателя. Однако до последних дней жизни этот яркий человек оставался непревзойденным мастером устного рассказа, шутливой актерской пародии на знакомых, у которого учился замечательный мастер таких эстрадных жанров Ираклий Андроников.

Тынянов писал В. Шкловскому из больницы: «...Очень хочется еще пожить: с глазами, с руками, ногами. Головой. Друзьями... Я верю в то, что еще удастся поработать, и в голове (как только есть физическая возможность) разные мысли и желания... Я гуляю все меньше... Лечиться больше не хочу и не буду».

Он умер под Новый год и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Ленинградец, волею обстоятельств осевший в Москве.

Память о нем жива в обеих столицах и за их пределами. Меняются приоритеты и литературная мода, но Тынянов по-прежнему остается учителем поколений студентов-филологов и верным спутником миллионов пытливых читателей. □

Денис Логинов

ИСТОРИК

по зову сердца

«Все, что имею...и,
главное над всем, разум...»

В. Татищев

Имя Василия Татищева сейчас мало кому известно, к сожалению. А этот человек сделал для России ничуть не меньше, чем Ломоносов или Карамзин. За свою жизнь он успел побывать и придворным, и военным, и экономистом, и промышленником, и... узником Петропавловской крепости. А жил он в царствование двух царей, двух императоров и двух императриц. Жил непросто и беспокойно, вечно балансируя на грани опалы, хотя ни в каких политических интригах никогда не был замешан. Удивительная судьба и удивительное забвение, которое постигло Татищева. На его произведения не ссылаются, их не цитируют, самого его редко упоминают в положительном контексте. В тех редких литературных произведениях, где упоминается Татищев, он предстает авантю-

ристом и жуликом, погревшим руки на государственной службе. И все это, увы, не соответствует действительности. История все-таки бывает порой очень несправедлива к выдающимся людям. Впрочем, судите сами.

Василий Никитич Татищев родился 29 апреля 1686 года в Псковском уезде в поместье своего отца Никиты Алексеевича Татищева, выходца из знатного, но обедневшего дворянского рода, который когда-то имел княжеский титул, но утратил его.

Вместе со старшим братом Иваном Василий с семилетнего возраста служил стольником при дворе царя Ивана Алексеевича (стольник занимался обслуживанием трапезы господина) до самой его смерти в 1696 году.

Когда Татищеву исполнилось 18 лет (в начале 1704 года), Петр I лично осматривал 8 тысяч дворянских недорослей — шел набор новых полков. Василий и его брат Иван попали в Азовский драгунский полк.

«Родитель мой, отпуская меня с братом в службу, сие накрепко наставлял, чтобы мы ни от чего положенного на нас не отрицались и ни на что сами не назывались. И когда я оное сохранял совершенно, и в тягчайших трудностях благополучие видел, а когда чего прилежно искал или отрекся, всегда о том сожалел...», — вспоминал Василий Никитич.

Молодой человек участвовал во взятии Нарвы, в Полтавской битве и в Прутском походе против турок. Уже в звании поручика Василий Татищев принимал участие в Северной войне, выполняя попутно различные военно-дипломатические поручения Петра I.

В Полтавской битве со шведами он сражался рядом с царем.

«Счастливым был тот день на поле Полтавском. Я ранен был подле государя, который сам все распоряжался под ядрами и пулями, и когда, по обыкновению своему, он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за отечество. Счастливым был тот день», — вспоминал позднее Татищев.

Но никаких наград Василий не получил и особо отличен государем не был. Возможно, потому, что все-таки тяготился военной службой и не стремился сделать на ней карьеру.

Выйдя в отставку, Татищев окончил Инженерную и артиллерийскую школу в Москве и впоследствии на протяжении четырех лет совершенствовал свое образование в Германии. Он побывал в Берлине, Дрездене, Бреславле, где обучался пре-

имущественно инженерному и артиллерийскому делу.

После окончания учебы Василия Татищева направили на службу в Петербург, где он задался идеей составить географию земли русской и приступил к сбору материалов. Но в начале 1720 года он получил назначение на Урал. Его задачей было определить места для строительства железорудных заводов. Исследовав указанные места, Татищев поселился в Уктусском заводе, где основал Горную канцелярию, переименованную затем в Сибирское высшее горное начальство.

На реке Исеть он положил начало нынешнего Екатеринбурга.

«Ездил по оной реке места осматривать, и хотя за зимнею погодою основания земли видеть не можно, однако ж обрели отсюда расстоянием в шести верстах место положением берегов и довольством лесов весьма удобно... возможно на этом месте построить четыре домны и сорок молотов... Не просто завод появится на берегах Исети, а главный город Каменного пояса», — сообщал Татищев в Петербург.

В сентябре 1723 года Генин доносил Петру: *«...крепость Екатеринбург достроена... хотя многие строения надеюсь нынешней зимой привести в действие... с помощью божьей и твоим счастьем такую великую плотину заперли, и вода в пруд пущена, изрядно устояла».*

Уже в ноябре того же года в день

именин царицы Екатерины Алексеевны, жены Петра I, праздновали именины новорожденного Екатеринбург. С бастионов палили пушки. Прямо на площадь выкатили бочки с вином. Платил за всех Татищев.

Василий Никитич приехал на Урал с большими правами и взятыми на себя обязанностями. Главная из них — заводить на Урале школы при казенных и частных заводах. На поприще просвещения он действовал петровскими методами, заставляя учиться чуть ли не дубинкой. За каждый пропущенный учеником день «от лености» с родителей брали за первый день — одну, за другой — две, за третий и больше — по три копейки.

Около тысячи книг оставил Татищев своему любимому Екатеринбургу. Семена просвещения были посеяны. Как трудно вырастить поколение просвещенных людей, мы можем сами оценить. Ведь сегодня Татищев, как почти 300 лет назад, мог бы повторить:

«Сквернословие и всякие непристойные слова не токмо в школе, но и весьма накрепко запретить. Меж собою не бранитца и не дратца, старших почитать как словом, так и местом, дабы по науке своей всяк садился».

Кроме основания Екатеринбурга, он указал место для строительства медеплавильного завода около деревни Егошиха — это было начало города Перми, развернул в регионе деятельность по строительству школ и библиотек, которые после его

смерти просуществовали без коренных изменений 158 лет.

Занимаясь освоением Урала, Василий Никитич показал себя отличным экономистом и промышленником. Но у него возник конфликт с А. Демидовым, знатоком горнозаводского хозяйства, который в строительстве и учреждении казенных заводов видел подрыв своей деятельности.

Никита Демидов подал на него самому «Отцу Отечества, императору Всероссийскому Петру Великому» жалобу о том, что Татищев чинит обиды и «разорение» демидовским заводам.

Генина из Голландии еще в конце прошлого века. По заданию царя он поднимал заводы, строил суда, отливал пушки. Петр был доволен им и даже удостоил его своей «персональной» — миниатюрным портретом, которым награждал только за особые отличия.

Уже через три месяца Генин закончил розыскное дело и писал царю:

«...не имей на него, Татищева, гневу и выведи его из печали и прикажи ему здесь быть обер-директором или обер-советником».

По донесению, направленному Петру I, Татищев был оправдан и

У же в звании поручика молодой Василий Татищев принимал участие в Северной войне, выполняя попутно дипломатические поручения Петра I. В Полтавской битве со шведами он сражался рядом с царем. Но никаких наград Василий не получил и особо отличен государем не был. Возможно потому, что, скорее всего, тяготился военной службой и не стремился сделать на ней карьеру

В «Духовной сыну» есть такое место:

«Мне случилось в ответе против доноса Никиты Демидова в 722 году на вопрос о взятках произнести апостольское слово: делающему мзда не по благодати, а по долгу. Когда же право и порядочно сделал и от правого возблагодарение приму...»

Чтобы расследовать возникший между Татищевым и Демидовым спор, на Урал послан был инженер Генин. Петр Первый вывез Виллима

произведен в советники Берг-коллегии.

С 1724 по 1726 годы Василий Никитич жил в Швеции и Дании, где осматривал заводы и рудники, собирал чертежи и планы, познакомился со многими местными учеными.

Официальный Стокгольм встретил Татищева неприветливо: шведские министры боялись, что Россия может вытеснить шведское железо с европейского рынка. К неприятностям со шведскими министрами

добавилась еще простуда. Василий Никитич занемог, но не прекращал работы и не представлял, какой страшный удар его ожидает.

Этим ударом была смерть Петра 28 января 1725 года. Весть эта потрясла Василия Никитича. Ослабленный болезнью, он надолго слег в постель. Скоро из Петербурга пришло официальное сообщение: на престоле жена Петра — императрица Екатерина I. Татищев подписал присягу ей только после тре-

тьего обращения к нему русского посланника Бестужева в Швеции.

Довольно рискованный поступок по тем временам, но Татищев понимал, что Екатерина заняла престол незаконно, и не ожидал от этого царствования ничего хорошего. И оказался во многом прав: об Урале, новых городах и развитии промышленности просто забыли. Всесильный в ту пору Меншиков был куда больше занят вопросами власти и личного обогащения, чем государствен-

ными делами. Сама же императрица о них попросту не имела никакого понятия.

Вернувшись из Европы, Василий Никитич женился на молодой вдове Авдотье Андреевской, в браке с которой родились двое детей: дочь, названная Евпраксией, и сын Евграф. Об этой женщине ничего не известно, однако известно, что брак этот оказался несчастливим.

«Любовь часто так помрачает ум наш, что мы иногда наше благополучие, здравие и погибель презираем», — писал Татищев через 20 лет в «Духовной сыну».

Семейная жизнь, увы, действительно не сложилась — по долгу службы Василий Никитич почти не бывал дома, а жена нежных чувств к нему не питала. В 1728 году они расстались.

В это же время Татищев просил поручить ему сочинение обстоятельной Российской географии с ландкартами — ответа не последовало. Предложил проект строительства сибирских дорог — оставили без внимания.

Наконец он послал прошение непосредственно императрице, просил определить его к делу. Удивительно, но на сей раз его услышали: именным указом Екатерины 14 февраля 1727 года послали на Московский монетный двор руководителем монетной конторы.

Место, впрочем, было не слишком завидным: российские финансы переживали кризис. Страна бы-

ла полна обесцененных денег. Кража золота, серебра и инструмента для делания денег на монетных дворах приобрела огромные размеры. Ходила по рукам фальшивая монета.

Очень быстро Василий Никитич зарекомендовал себя на новом месте знающим специалистом. Первым делом он озаботился созданием эталонов — изготовленные под его личным контролем гири стали самыми точными в стране. Затем, дабы затруднить жизнь фальшивомонетчикам, улучшил чеканку монет.

Татищев занимался не только техническими усовершенствованиями. Он составил целый проект реформы русской денежной системы. Но ему снова не повезло: в мае 1727 года скоростижно скончалась императрица. Престол занял внук Петра Первого, совсем еще мальчик, которому не было никакого дела до государственных вопросов.

Зато двор из Петербурга переехал в Москву, и Татищев оказался среди шестерых новых статских советников. Но при дворе он теперь вообще не бывал. В оставшееся от службы в Монетной конторе время занимался... русской историей. Хотя и не предполагал тогда, что именно это станет главным делом его жизни.

Так продолжалось три года. В январе 1730-го придворным объявили о «поручении» российского престола дочери царя Иоанна (брата Петра I) курляндской герцогине Анне.

15 февраля Анна Иоанновна въехала в Москву со своим немецким окружением и фаворитом Бироном. В Кремлевском дворце состоялась ее коронация. Татищев получил чин действительного статского советника и крепостных.

Он забрасывал новую императрицу своими проектами и, прежде всего, программой просвещения России. По замыслу Василия Никитича в Петербурге в мае 1732 года был открыт Кадетский корпус. Среди первых дворян, поступивших туда, был его сын Евграф.

Конфликт со ставленниками Бирона и недовольство местных влиятельных лиц, использовавших отдельные злоупотребления властью со стороны Татищева, привели к его отзыву, а затем отдаче под суд. Но императрица все-таки благоволила к нему, как к дальнему родственнику. Он был освобожден от суда и снова назначен на Урал в должности начальника горных казенных заводов и два года — с июля 1737 по март 1739 возглавлял Оренбургскую экспедицию.

Указ императрицы, назначавший Татищева главным командиром Оренбургской экспедиции, вышел 10 мая 1737 года. Экспедиция была создана для колонизации юго-восточных окраин страны и получилась солидной: в ее состав включили около 200 человек: кроме военных — геодезисты, инженеры, горные мастера. Анна Иоанновна пожаловала Татищеву чин тайного советника.

В это время в Башкирии началось восстание, и экспедиция взяла на себя еще и карательные функции. Башкиры добровольно отдались под власть Московского царства еще при Иване Грозном, но время от времени, не выдержав непомерных поборов, поднимали восстания. Весной 1737 года они восстали снова. Теперь Петербург требовал от Татищева, чтобы «здешний внутренний огонь был потушен как можно скорее». И он его тушил: строил новые крепости, пытался наладить торговлю со среднеазиатскими ханствами.

В 1739 году Василий Никитич вернулся в Петербург, где была устроена целая комиссия для рассмотрения жалоб на него. Его обвиняли в «нападках и взятках» и подвергли аресту и заключению в Петропавловской крепости, а также приговорили к лишению чинов.

В этот тяжелый для Татищева год он написал свое наставление сыну — известную «Духовную». Она трактует о воспитании, о разных родах службы, об отношениях к начальству и подчиненным, о семейной жизни, управлении имением и хозяйством и тому подобное.

Он также составил первый русский энциклопедический словарь «Лексикон» и почтовую книгу России. А главное — продолжил написание «Истории Российской с самых древнейших времен», хотя тюремное заключение, как правило, не слишком способствует творческой деятельности.

Но у Татищева все оказалось иначе. Освобожденный этим заключением от постоянных разъездов по стране и непрестанных трудов в самых различных областях экономики России, он все силы отдал истории того государства, которому посвятил жизнь.

Взявшись за написание этого труда, Татищев ставил перед собой несколько задач. Во-первых, выявить, собрать и систематизировать материал и изложить в соответствии с летописным текстом. Во-вторых, объяснить смысл собранного материала и установить причинную связь событий, сопоставить русскую историю с западной, византийской и восточной.

Но его заключение длилось относительно недолго. Падение Бирона вновь выдвинуло Татищева: он был освобожден от наказания и в 1741 году назначен управлять Астраханской губернией.

Как ни удивительно, затягивание с расследованием спасло Татищева от гораздо более крупных неприятностей. В апреле 1740 года арестовали Артемия Волынского — кабинет-министра, вознамерившегося конкурировать с немецкой кликой, управлявшей Россией от имени императрицы. Подобная участь постигла и участников его кружка, обсуждавших насущные проблемы общественной жизни. От некоторых из них Василий Никитич получал в пользование древние рукописи, с другими находился в постоянной переписке.

В этом кругу авторитет его был непререкаем. В частности, сам Волынский, написав «Генеральный план о поправлении государственных внутренних дел», выражал надежду, что труд его способен угодить «даже Василию Татищеву». К счастью, ни Волынский, ни его конфиденты не выдали своего единомышленника. Летом того же года их казнили.

Татищеву не было еще и шестидесяти лет, но все, кто его видел в это время, называли его стариком. Он был одинок — ни друзей, ни жены. У подросших детей была своя жизнь. Здоровье ухудшалось. Он слал в Петербург одну челобитную за другой с просьбой освободить его от должности губернатора. Ответа не было.

Только 17 ноября 1745 года Татищев, наконец, выехал из Астрахани под Москву в Дмитровский уезд, где у него была усадьба Болдино. Сенатским указом ему определено было жить отныне в своих деревнях и без разрешения никуда не выезжать.

В 1750 году из Болдино Василий Никитич сообщил Академии наук, что закончил переписывать первую часть «Истории Российской». Это известие пришло в столицу тогда, когда самого историка уже не было в живых.

«История Российская» Татищева состоит из пяти книг. Первая книга разделена на две части. Первая часть целиком посвящена характеристике и истории различных народов, населявших Восточно-Европей-

скую равнину в древности. Вторая часть посвящена древней истории Руси. Ее рамки охватывают 860–1238 годы. Особое внимание в ней уделено вопросу о роли варяжского влияния на развитие и становление древнерусского государства.

Во второй, третьей и четвертой частях «Истории Российской» Татищев ведет свое повествование в хронологическом порядке. Наиболее законченный вид имеет вторая часть произведения. Дело в том,

в повествовании Федора Иоанновича, Василия Иоанновича Шуйского, Алексея Михайловича и других.

Василия Татищева по праву именуют одним из отцов российской исторической науки. Его «Историю Российскую с древнейших времен» можно с уверенностью считать одним из самых значительных трудов за все время существования российской историографии. Ее использовали как основу для своих произведений М.В. Ломоносов, Г.Ф. Мил-

Татищев занимался не только техническими усовершенствованиями, но и составил целый проект реформы русской денежной системы. Но ему не повезло: скоропостижно скончалась императрица Екатерина I, и престол занял внук Петра Великого, совсем еще мальчик, которому не было никакого дела до государственных вопросов. В то время двор переехал из Петербурга в Москву, и Татищев оказался среди шестерых новых статских советников. В свободное от работы в Монетной конторе он стал заниматься... русской историей, даже не предполагая, что именно это станет главным делом его жизни

что Татищев не только написал ее на древнем наречии, но и переложил на современный ему язык. Это, к сожалению, не было сделано с последующим материалом. Он так и не довел четвертую часть своего произведения до запланированных временных рамок (1613 год), закончив повествование 1577 годом. Хотя в личном архиве Татищева были обнаружены материалы о более поздних событиях, например, о цар-

лер, И.Н. Болтин и другие. Благодаря Татищеву до нас дошли такие исторические источники, как «Русская Правда», Судебник, «Степенная книга». Они были опубликованы уже после смерти Татищева. В царских гимназиях на уроках литературы изучались труды Татищева. Историк Николай Михайлович Карамзин писал свою «Историю государства Российского», основываясь на «Истории» Татищева.

Василий Никитич собирал и хранил у себя рукописи, необходимые ему для работы. Это и «История Курбского о Казанском походе», и рукопись архимандрита Троицкого монастыря, от царствования царя Иоанна II до царя Алексея Михайловича, и записки «О Пожарском и Минине», и «Сибирская история». Он не копировал и переписывал древние источники, а стремился к их критическому осмыслению. Многие документы, используемые им в работе над «Историей Российской», не дошли до после-

опыта, постигая смысл ранее непонятых фрагментов. Из-за этого различные варианты его трудов содержат в себе противоречия и разногласия.

Позднее это стало основанием для подозрений — Татищева обвиняли в фальсификации, домысливаниях, подтасовках. Даже в том, что его «История» — это просто вымысел от начала и до конца, а ссылки на древние рукописи — сплошная ложь.

Однако своими изысканиями Татищев положил начало становлению

В

тяжелый для него год Татищев написал свое наставление сыну — известную «Духовную». Он также составил первый русский энциклопедический словарь «Лексикон» и почтовую книгу России. А главное — продолжил написание «Истории Российской с самых древнейших времен», отдавая все силы истории того государства, которому посвятил жизнь

дующих поколений ученых и, скорее всего, навсегда утеряны для науки.

Сталкиваясь с непонятными словами, Татищеву приходилось лишь догадываться, что конкретно они означают. Разумеется, он ошибался. Но удивительно то, что этих ошибок оказалось не так уж много. Василий Никитич постоянно переписывал свои тексты, поскольку постоянно отыскивал все новые и новые летописи, а также набирался

исторической географии, этнографии, картографии и ряда других вспомогательных исторических дисциплин. В ходе научной и практической деятельности он все глубже осознавал необходимость исторических знаний для развития России и стремился убедить в этом «власть имущих».

«История Российская» стала величайшим научным подвигом Василия Никитича, вобрав в себя огромное количество уникальнейших

сведений, до сих пор не утративших значения.

«Пущай паук собирает яд, а ты, яко пчела, с того же самого цвета бери себе мед в сладость душевную и телесную», — писал он, обращаясь к потомкам.

Жизнь Василия Никитича подходила к концу. Следствие по его делу, длившееся семь с половиной лет, так и не было закончено, но охрану у дома — офицера и двух солдат — убрали.

Он тщательно готовился к уходу в мир иной. Сам заказал столяру гроб, сам выточил к нему ножки. Вызвал из Москвы сына Евграфа. Тот ожидал увидеть отца в постели, но обнаружил его на ногах: отец договаривался со священником о предсмертных исповеди и причастии. 15 июля 1750 года после всех обрядов Татищев тихо отошел в мир иной. Было ему 64 года.

Сын Евграф наследие отца не сохранил. Многочисленные бумаги пропали. Чудом уцелела в Академии наук отправленная Татищевым рукопись «Истории Российской». Один из немцев, которые ранее доставили Василию Никитичу столько бед, нашел и опубликовал ее. Это был Герхард Миллер, первый академик Российской империи.

«История Российская» стала настольной книгой Екатерины II и Михаила Ломоносова.

А много позже по всему Уралу появились памятники Татищеву и

улицы его имени. От благодарного уральского народа. От Уральских гор, ставших благодаря ему «железным хребтом» России. □

Он. Она. Осень

Виктор отбил заголовок парой пустых строк и закрыл крышку ноутбука, полностью перепоручив муки творчества писательской нейросети. Теперь хитрая программа продолжила сочинительство без него, используя метод свободных ассоциаций и изученный ранее его персональный писательский стиль.

Поначалу Виктор с недоверием относился к машинному творчеству, представляя, что из хаотичного набора слов в своем словаре компьютер сможет соорудить в лучшем случае какое-нибудь шизофреническое, псевдофилософское эссе вроде тех, которыми регулярно грешат неудачники с литературных сайтов. Но после нескольких пробных текстов нейросеть научилась писать довольно складные рассказы с сюжетными поворотами и интригами. В какой-то момент Виктор решил рискнуть и отправил такую рукопись издателю. Его удивлению не было предела, когда текст, в котором человек не написал фактически ни одной связной строчки, был принят к печати.

Устоять перед соблазном оказалось слишком сложно, поэтому и следующий «свой» рассказ Виктор «написал» точно так же. После третьего машинного «шедевра» обманывать стало легче. Однажды писатель дополнительно скормил компьютеру немного Чехова, а потом с нескрываемым злорадством читал в редакторской колонке литературного альманаха, что у него появился «неповторимый стиль: иронический и немного грустный».

Надо сказать, что ноутбук у Виктора был не из новых, но он не предъявлял к нему особых требований, поэтому компьютер долгие годы исправно служил пишущей машинкой. Теперь же устаревший аппарат с заметным

скрипом проворачивал инструкции нейронного движка. Он быстро накидывал описания мест и интерьеров, потом тщательно подбирал слова, лакируя стиль, и надолго зависал, обдумывая диалоги персонажей. Вероятно, более современная машина справилась бы с задачей в разы быстрее. Зато так у Виктора создавалась полноценная иллюзия сложного творческого процесса, а свободное время, которого у него оставалось в избытке, он с удовольствием проводил бездельничая.

Писатель сунул ноги в поношенные, но удобные теннисные туфли, набросил на себя вытертую на рукавах ветровку и вышел из дома. Небольшой загородный коттедж с заостренной на готический манер крышей когда-то считался в его семье летней резиденцией. Сюда, как тогда говорили — «на дачу», отец вывозил всех в середине мая и почти до самого конца августа. Мать пыталась разводить какие-то цветы, но тень окружающего леса так и не позволила ей развернуться в полную силу своих творческих планов. Теперь он стал еще гуще и темнее, а из-за множества накренившихся и упавших стволов казался каким-то неопрятным. Впрочем, это совершенно не мешало прогуливаться по хорошо вытоптаным дорожкам и тропинкам.

Это место всегда ассоциировалось у Виктора с воспоминаниями из детства. Самыми светлыми и счастливыми моментами — наверное, как и у всех. В отличие от тесной городской квартиры, где долгое время болели и скончались оба его старика. Поэтому когда после смерти родителей перед Виктором встал вопрос, где оставаться жить, выбор для него был очевиден.

Жизнь скучающего на природе писателя прельщала его как внешним антуражем, так и искренним желанием сбежать, наконец, от городской суеты. К тому времени он уже приобрел достаточную популярность, издатель с удовольствием брал в печать его сборники и романы, а авторские гонорары, когда-то помогавшие стареющим родителям, теперь с лихвой покрывали все его скромные потребности.

Погрузившись в свои невеселые воспоминания, Виктор углубился в лес. Сухая листва шуршала под ногами и делала его раздумья еще более тоскливыми. Интересно, но в последнее время он почти разучился размышлять на отстраненные темы и совсем перестал фантазировать. Выдуманные истории казались ему какими-то пустыми и бесполезными; возможно, кроме того, что они хорошо продавались. Когда-то давно желание излить мысли на бумагу шло изнутри, било ключом, вырывалось наружу. Чуть позже его сменило желание заработать на жизнь, и Виктор мог днями просиживать за клавиатурой, совершенно не выходя из дома. Теперь же заниматься писательством по старинке у него не было ни желания, ни потребности. Он стал полностью свободен и мог, наконец, просто прогуляться по лесу.

Писатель не помнил, куда именно ведет дорожка, на которую он свернул, поэтому просто шел вперед, пока не вышел на берег реки. Лес здесь обрывался почти у самой воды узкой полоской полудикого пляжа, а ряд из нескольких старых деревянных скамеек, поставленных кем-то давным-давно, создавал впечатление небольшой набережной, протянувшейся вдоль воды. Виктор присел на лавочку и провел рукой по доскам с облупившейся краской. Он помнил это место. Они с отцом часто приходили сюда и купались чуть ли не по полдня, а иногда даже пропускали обед. Мама ругала их, когда они приходили назад мокрые, но довольные, с всклокоченными волосами и улыбающимися лицами. Писатель грустно вздохнул. Неужели ему больше не о чем думать? Почему внутри не осталось ничего, кроме воспоминаний? Кажется, этот момент наступил слишком рано.

Он сидел, задумчиво глядя на воду, но неожиданно от этого тоскливого размышления его отвлек чей-то кашель. Виктор обернулся и увидел в десятке шагов от себя девушку с фотоаппаратом. Она увлеченно нацеливала объектив на какие-то одной ей ведомые листочки, ветки, кроны деревьев и довольно часто щелкала затвором. Виктор нашел ее интерес странным и отвернулся, решив, что это, вероятно, кто-то из периодически приезжающих туристов, спешащих бездумно запечатлеть каждый понравившийся вид, чтобы потом запостить кадр в социальных сетях.

Впрочем, денек выдался довольно приятным и красивым. Солнце ярко золотило красноватые кроны и серебрило мелкую рябь на воде. И эта девушка с рыжими крашеными волосами, в каком-то смешном оранжевом шарфе тоже казалась какой-то осенней и странным образом весьма уместной, словно специально вписанной в окружающий пейзаж. Ему вдруг захотелось еще раз на нее взглянуть. Он осторожно и чуть нерешительно обернулся, но девушки уже не было видно.

Наталья проснулась ранним утром. Она лежала на раскладушке прямо так, как и уснула прошлым вечером, не снимая верхней одежды, укрывшись колючим верблюжьим одеялом. В доме было пусто и холодно. Двухконтурный бойлер вчера так и не захотел заработать, а старенький масляный обогреватель явно не справлялся с кубатурой помещения.

Она потянулась, поправила высокий и толстый как бублик ворот своего вязаного свитера, отключила от удлинителя обогреватель и вместо него включила пузатый электрический чайник. Разровняв пальцами свои спутавшиеся за ночь огненно-рыжие волосы, Наталья связала их резинкой в хвост и принялась с обезьяньим проворством копаться в небольшом рюкзаке.

Прежние жильцы не побеспокоились о том, чтобы оставить хоть какую-то мебель. Поэтому и электрочайник, и рюкзачок, и небольшой кофр для

зеркального фотоаппарата лежали прямо на полу рядом с раскладушкой. Зато в этом совершенно неуютном доме можно было оценить геометрию пространства и ощутить какую-то особую визуальную магию конструктивной пустоты, требующей, чтобы ее заполнили.

Вчера Наталья потратила почти два часа, запечатлевая отдельные, как ей казалось, интересные детали. Неровности досок, фрагменты несущих балок, отдельные царапинки и выбоинки, нарушающие целостные текстуры стен, пола и потолка. Вероятно, все это будет скрыто под новой отделкой после того, как она примет решение об окончательном переезде, и эта информация надолго, а возможно, и навсегда окажется потеряна. Истинный облик помещения скроется под типовыми и безликими обоями, стеновыми панелями, напольным покрытием и потолочной плиткой. Пройдет год или два, пока новые поверхности окажутся вновь естественным образом «зафактурены». И в каком-то смысле это будет уже совсем другое пространство.

Чайник забурлил и щелкнул, изрыгая в холодный воздух струйку горячего пара. Девушка налила кипяток в крышку от термоса и высыпала из пакетика растворимый кофе. Не лучший вариант, но, за неимением другого, вполне подходящий. Отказаться себе в утренней чашечке кофе она никак не могла.

Окончательно проснувшись, Наталья еще раз окинула взглядом пустой дом, обмотала шею длинным оранжевым шарфом, перекинула через плечо кофр с проверенной «зеркалкой» и уверенным шагом отправилась в осенний лес.

В чуть обжигающей нос утренней прохладе ощущалось скорое приближение зимы. Лес уже начал местами обнажаться, словно когтями царапая чистое голубое небо острыми черными ветками. Но золото не опавшей до конца листвы все еще горело яркими красками, словно отдавая весь тот солнечный свет, который впитало за лето.

Наталья вынула «зеркалку» из кофра, открыла объектив и со щелчком включила фотоаппарат, отозвавшийся легким приветственным писком.

Она начала фотографировать довольно рано. Еще в школе дедушка подарил ей небольшой, но довольно хороший фотоаппарат, и с тех пор она практически не помнит случая, когда расставалась с объективом. Желание снимать все подряд — начиная со своего завтрака, отражения в зеркале и заканчивая собственными вытянутыми в кадр ногами — быстро прошло. Наталья решила заняться фотографией всерьез и стала разборчивее в выборе объектов для съемки.

Сначала она, как, возможно, и многие другие, представляла себя фотохудожником, создающим в своих оригинальных фотосетях уникальные образы. Процесс выглядел со стороны весьма эстетичным и привлека-

тельным, к тому же сулил неплохой доход. Но на десятый раз Наталью уже буквально тошнило от очередной тупой курицы с надутыми губами, желающей запечатлеть себя в образе лесной нимфы. Глядя на свою новую клиентку, девушка вновь и вновь ловила себя на мысли, что ничего путного из этой болотной кикиморы все равно не получится.

И в один прекрасный день она просто не пришла на съемку. Проходив в подавленном состоянии два или три дня, Наталья, от нечего делать, пересмотрела весь свой архив, а потом взяла и выложила его целиком в Сеть для платного скачивания. Снова все подряд: свой завтрак, вытянутые ноги в кадре, верхушки деревьев, виды из окна... Каково же было ее удивление, когда в течение нескольких минут уже была продана первая фотография. Очень старый кадр с шишкой, лежащей на пеньке, который она сняла на свой первый, подаренный бабушкой фотоаппарат. Она воодушевилась и снова взялась за камеру.

Быстро поняв все прелести цифровой торговли и почувствовав вкус успеха, Наталья принялась за дело с удвоенной силой. Изучая статистику скачиваний, определила, что больше всего дохода ей приносят пейзажная съемка и зарисовки природы. Всевозможные макропланы с листиками, ягодками и жучками превосходно раскупались для оформления сайтов и журналов, обширные пейзажи охотно брали редакторы глянцевого издания и рекламщики для своей полиграфии, а фото, заполненные травой, листвой или камешками, с удовольствием использовали для текстур разработчики компьютерных игр.

Постепенно в электронной коллекции Натальи были накоплены все мыслимые и немыслимые кадры весенней и летней тематики. По крайней мере, почти все, что можно было собрать в длительных прогулках по городским паркам, скверам и дворам. К осени девушка решила подготовиться более обстоятельно, и в ее голове родилась мысль о переезде на природу. Поиск подходящего места продлился недолго. Отфильтровав предложения на сайте недвижимости по цене, она наткнулась на дом, в который моментально влюбилась. С треугольной крышей, огромными витражными окнами под самый потолок, двумя просторными комнатами-студиями на первом этаже и импровизированном втором ярусе под крышей, а главное — совершенно пустой, без отпечатка жизни предыдущих жильцов.

В тот же вечер Наталья необдуманно внесла залог, а уже на следующий день, забрав заветные ключи, поехала осматривать будущее место своего обитания. Ни старый автоматический бойлер, отказавшийся работать, ни полное отсутствие каких-либо светильников не расстроили восторженную покупательницу. Она уже мечтательно представляла, как все обустроит тут под прибежище одинокого фотохудожника.

Пока же девушка просто занималась любимым делом, снова и снова нажимая на кнопку затвора и каждый раз думая, что никогда не смогла бы сделать такой звенящий и яркий кадр в проклятом и пыльном городе. Двигаясь по лесной дорожке и часто сворачивая с нее в поисках интересного вида, она постепенно углубилась в лес и неожиданно для самой себя вышла к реке. Запечатлев вид на воду и противоположный берег, сняв засыпанную пожелтевшей листвой деревянную лавку и макроплан с одиночным листиком, лежащим на старых растрескавшихся досках, Наталья сконцентрировалась на ветках огромной разросшейся ивы. Ее вытянутые листья красиво свисали на фоне воды, чудесно размывающейся солнечными бликами в короткофокусном объективе.

Сделав несколько кадров, она вдруг ощутила чье-то присутствие и обернулась. На одной из скамеек, стоящих вдоль воды на манер небольшой импровизированной набережной, сидел человек. Он показался ей каким-то странным и немного отрешенным. По крайней мере, сидел совершенно неподвижно, задумчиво глядя на воду, вероятно, полностью погруженный в собственные мысли. Девушка машинально подняла фотоаппарат, посмотрела на человека в прицел видоискателя и уже занесла, было, палец над кнопкой, но остановилась — слишком ярко вспомнились ей вдруг привередливые «красавицы» с накаченными губами. К тому же, как разумно рассудила она, оправдывая свое решение, такое фото вряд ли кто купит. Без указания имени модели, задействованной в съемке, коммерческое использование будет затруднено. Покупатели в Сети не рискуют связываться с фотографиями, на которых запечатлены случайные люди.

Она еще раз придирчиво взглянула на иву, огляделась по сторонам и пошла в глубь леса, где виднелись ярко-алые кроны осин...

Каждое утро Виктора было похоже на предыдущее. Позавтракав на скорую руку, он позвонил издателю, выслушал избыточно восторженные новости о том, как прекрасно продаются его книги, статистику платных скачиваний электронных версий и сомнительные измышления о возвращении интереса читателей к печатному слову. Потом какое-то время еще повалился на диване, щелкая кнопкой пульта и бессмысленно переключая каналы. Подошел к книжным полкам с классикой, долго пересматривал корешки, но так и не решил, что хотелось бы ему перечитать. За полдня он так и не притронулся к своему ноутбуку, где уже, вероятно, во всю развивался сюжет «его» нового рассказа. В итоге Виктор не придумал ничего лучшего, как одеться и еще раз пройти по лесу к берегу реки.

День выдался не по-осеннему теплым. Солнце заметно пригревало. Река, играя яркими искорками, так и манила, словно приглашая окунуться в

себя с головой. Виктор осторожно подошел, стараясь не съехать вниз по топкому илистому берегу, и опустил руку в воду. Она была ледяной, прозрачной и совершенно пустой. Летом здесь кишела жизнь, внутри бегали мальки, с берега в ряску хлопались пухлые лягушки, над водой летали стрекозы, а теперь же не было видно ни единой водомерки. Жизнь засыпала, ощущая приближение холодов.

Он направился к скамейке, на которой сидел вчера, и только сейчас обратил внимание на то, каким толстым ковром из желтой опавшей листвы покрыто все пространство вокруг. Виктор сделал пару шагов по этому пушистому шуршащему покрывалу и вдруг, подчиняясь какому-то ребяческому чувству, лег на него, раскинув руки в стороны, и закрыл глаза. В его сознании вспыхивали и улетали отрывочные воспоминания о детстве, летних днях, проведенных на этой реке, и вдруг — совершенно неожиданно для него — появился образ вчерашней девушки с фотоаппаратом.

— Вам плохо? — прозвучал сверху приятный женский голос.

Виктор открыл глаза и увидел ту самую девушку, о которой только что думал. Она была точно такой же, как и вчера: огненно-рыжая, чуть растрепанная, в нелепом оранжевом шарфе. Ее лицо было слегка взволнованным, а зеленоватые глаза смотрели прямо на него.

— Нет, мне хорошо, — ответил он и, заметив фотоаппарат на шее девушки, добавил: — Только не надо снимать.

— Почему вы решили, что я буду вас снимать?

— Ну, вы же, судя по всему, фотограф.

— Да... Но я не снимаю людей.

— Почему?

— Это не важно, — чуть замялась девушка, а потом вдруг спросила: — Можно к вам?

— Пожалуйста... Если вы считаете, что это уместно, — ответил Виктор и даже чуть пододвинулся.

— Ну, вы же считаете. — Она легла в листву буквально в двадцати сантиметрах от него. — Хм... А тут и правда очень интересный ракурс.

— Я смотрю, вас сложно поставить в неудобное положение... — заметил писатель, наблюдая, как девушка фотографирует снизу вверх оранжевые кроны деревьев, обрамляющие небольшой клочок голубого неба.

— Да, мне вполне удобно, — не отвлекаясь от процесса, ответила она и, слегка улыбнувшись, добавила: — Учитывая, что последнюю пару суток я сплю примерно в таких же условиях.

— У вас нет дома?

— Дом у меня есть. В нем нет отопления... Кстати, — повернув голову набок, посмотрела на Виктора девушка, — вы случайно не инженер?

— Нет, я писатель.

— А... Я вас узнала... Вы писатель... Тот самый...

— Да, я тот самый писатель.

— Жаль...

— Непривычно такое слышать, — хмыкнул Виктор. — Обычно читатели сразу хотят взять автограф или сделать селфи.

— Ну, я же не читатель. Я вас не читаю, — улыбнулась она.

— Обидно.

— Не расстраивайтесь, в последнее время я не читаю не только вас, но и других писателей.

— Это немного утешает. Так, а что с вашим отоплением?

— Что-то с котлом... Но разве вы в этом что-то понимаете?

— Совсем немного. Но достаточно, чтобы в моем доме отопление работало.

— Думаю, действительно достаточно. Не хотите мне помочь?

— Уверены, что вам не следует поискать настоящего профессионала?

— Ау-у-у! Профессионал! Кажется, поблизости их нет. Придется все-таки прибегнуть к вашей неквалифицированной помощи.

— Хорошо, — ответил писатель, поднимаясь с земли и отряхивая с себя листву. — Но вы можете об этом пожалеть...

— Даже не сомневаюсь в этом. Пойдемте!

Оба пошли по дорожке среди осеннего леса и довольно быстро скрылись за деревьями.

Виктор и Наталья вошли в пустой дом. Помещение, лишенное отделки и какой-либо мебели, показалось ему безжизненным, а воздух внутри почти не отличался от уличного.

— И здесь вы живете? — оглядываясь по сторонам, спросил он, как показалось Наталье, с легким пренебрежением.

— Да. Уже два дня.

— Понятно... — задумчиво протянул Виктор.

— Считаете, что это был плохой выбор?

— Нет... Почему же? Вовсе нет. Дело не в этом...

— А в чем же?

— Просто когда я вас вчера увидел, ваше лицо мне показалось очень знакомым. Словно воспоминание из детства... — Виктор сделал несколько шагов вверх по лестнице на второй уровень и еще раз оглядел помещение с этой высоты. — Я сейчас живу в доме родителей, недалеко отсюда. Он не такой просторный, но чем-то напоминает... Вот и решил, что было бы забавно, окажись мы старыми соседями.

— Да, это было бы интересным сюжетом. Встреча старых соседей... — согласилась девушка. — Но нет.

— Да, было бы... — задумчиво произнес Виктор.

— Но ведь мы можем стать хорошими новыми соседями? — Наталья улыбнулась и вопросительно посмотрела на писателя.

— Думаю, что да, — кивнул он. — Так, а где ваш бойлер?

— Да вот! — указала на массивный блестящий корпус, закрепленный на стене, Наталья.

— Посмотрим... — Виктор нажал единственную плоскую кнопку, чуть утопленную в поверхность, и на передней панели зажегся сенсорный дисплей.

Какое-то время аппарат пошумел, потом издал пронзительный и протяжный писк и замолчал. На дисплее горела лишь загадочная надпись «E1».

— Вот так он все время и делает, — грустно проговорила Наталья.

— Это же «ГлобалАвтоматикс», — констатировал писатель, изучая металлическую бирку на боку корпуса, — у них 25 лет гарантии... Почему не пробовали звонить в поддержку?

— Связь тут очень плохая. А Интернет тем более не тянет.

— И инструкция, конечно, не сохранилась... — пробормотал Виктор. — У меня похожая модель. «E1» — это код ошибки, говорящий о разгерметизации. Бойлер продувает все трубы и пытается понять, есть ли утечка, поэтому в инструкции было написано, что при первом включении надо закрыть все краны.

— У вас хорошая память. Но у меня и кранов-то пока нет...

— А гаечный ключ?

— Вроде где-то был...

— Давайте. Попробуем все пересоединить...

Наталья какое-то время копалась в картонных коробках, сваленных под лестницей, и, наконец, достала оттуда блестящий гаечный ключ. Виктор взял инструмент и молча принялся за работу.

— Я вот все думаю о том, что вы сказали, — вдруг заговорила девушка, наблюдая, как он сосредоточенно откручивает гайки. — Что видели меня в детстве. Это странно... Не находите?

— Ничего странного. Воспоминания из детства мне приятны. Вы тоже показались мне приятной и симпатичной. Теплые воспоминания и теплое ощущение от милой девушки. Вероятно, это удачно совпало. Как неожиданное ощущение дежавю.

— Вы что, флиртуете со мной?

— Нет. Подержите, пожалуйста, эту шайбу-прокладку.

— Просто вы так легко говорите о том, что чувствуете, — проговорила Наталья, крутя в руках черный кругляш.

— Я же писатель. Это часть моей профессии: понимать и объяснять человеческие чувства, превращая их в слова.

— Вы, писатели, вечно все придумываете... То, чего нет.

— Да, а вы, фотографы, просто снимаете то, что есть. Давайте шайбу.

— Я называю это оцифровкой реальности. Какой бы образ я не снимала, он навсегда остается в моем компьютере.

— Интересная мысль. В таком случае мои тексты — это оцифрованная фантазия.

— Логично.

— И то и другое, в конечном итоге, просто последовательность нулей и единиц, — задумчиво проговорил писатель. — И мы считаем достаточно важным тратить на это свою жизнь.

— А вы — пессимист...

— Нет. Был бы я пессимистом, то не считал бы, что сейчас ваш бойлер должен заработать, — сказал Виктор и шлепнул по кнопке на передней панели.

Аппарат включился, выдав на сенсорном дисплее показатели температуры и кнопки для управления. В трубах зашумела вода, наполняя систему отопления. Постепенно по дому начало растекаться тепло.

— А вы, оказывается, мастер не только слова, но и дела.

— В основном, конечно, мастер слова, — ответил Виктор и, как ему показалось, немного покраснел.

Девушка нажала на кнопку электрочайника, и тот с нарастающим шумом начал торопливо нагревать воду.

— Теперь я просто обязана предложить вам чашечку кофе, — сказала она, высыпая содержимое пакетика в открученную крышку термоса. — Правда, это не совсем чашка... И не совсем кофе... Но больше у меня ничего нет. Обещаю, что в следующий раз подготовлюсь лучше.

— Спасибо, — поблагодарил Виктор, беря из рук Натальи импровизированную чашку и отпивая горячий напиток.

— Паршивый, да? — настороженно спросила девушка.

— Самый вкусный паршивый кофе, который я пил на этой неделе, и я... — Он вдруг замолчал, задумчиво уставившись куда-то в пустоту.

— Что с вами? Настолько плохо? — разволновалась Наталья.

— Нет... Просто... Еще одно странное ощущение.

— Снова дежавю?

— Нет, другое... Я вдруг ощутил, как все сегодня было странно и необычно. Наша встреча. Этот пустой дом. Вы в этом осеннем шарфе. Все выглядит каким-то нереалистичным...

— Ой, перестаньте! — рассмеялась девушка. — Просто вы явно давно не выходили из своего дома. И вообще, одичали тут...

— Возможно, но... Вот вы сказали об оцифровке реальности... Что, если не только наши фантазии и то, что мы видим вокруг, но и мы сами можем быть оцифрованы? Что, если мы уже являемся чьей-то оцифрованной фантазией? Последовательностью нулей и единиц...

— Кажется, вам нужно смотреть поменьше фантастики на ночь, — заботливо проговорила Наталья. — Пожалуй, я провожу вас.

— Считаете, что я не вполне адекватен?

— Да. Переутомились от непривычной работы. — Наталья внезапно взяла Виктора под руку и вывела из дома. — Срочно на свежий воздух!

Сумерки начали сгущаться над лесом. В лучах заходящего солнца, которое вот-вот готово было скрыться за горизонтом, золотые кроны казались вишнево-красными. Между деревьями растеклась налетевшая с реки ночная прохлада. Еще немного, и теплый яркий день плавно перейдет в холодную и сырую осеннюю ночь.

Виктор и Наталья неторопливо шли вдоль берега. Она держала его под руку, словно они знали друг друга уже очень давно, а не познакомились только сегодня.

— Я бы хотел вам признаться, — прервал затянувшуюся паузу писатель.

— Неужели в любви? — игриво спросила Наталья.

— Нет... Намного хуже.

— О, господи! Что может быть хуже?! Вы уверены, что готовы доверить такие серьезные тайны малознакомой девушке?

— Почему бы нет?

— Вы рискованный человек!

— Вы все равно никому не расскажете... И вам никто не поверит...

— Ну, говорите уже! — Наталья дернула его за рукав. — Я обожаю чужие секреты! Не томите, интриган!

Виктор сделал паузу, тяжело вздохнул, а потом проговорил:

— Дело в том, что последний десяток моих книг на самом деле написал не я.

— То есть? Как это? — удивилась девушка и вдруг рассмеялась: — Понятно. У вас имеется персональный литературный негр, которого вы держите в подвале. Угадала? Вы опять все сочиняете! Хотели меня разыграть?

— Вовсе нет, — грустно ответил писатель. — Мой приятель, программист, поставил мне на компьютер самообучающуюся программу... Нейросеть. Она умеет читать тексты, которые ей даешь, а потом начинает сочинять сама. Получается очень складно и неплохо. Так я делаю весь послед-

ний год. И ни издатель, ни читатели даже не догадываются, что это написал не я. Сам же я давно не пишу ни строчки...

— Это очень забавно, — неожиданно спокойно отреагировала девушка. — Выходит, теперь вы не просто талантливый писатель, но и талантливый мошенник!

— Находите это забавным?

— Довольно-таки... А еще мне это напомнило историю, которую я читала на прошлой неделе. Точно таким же образом поступал художник-импрессионист. Критики восхищались, как точно в своих работах он передает всю гамму человеческих чувств. А картины за него рисовал компьютер. Когда же обман раскрылся, то, по иронии, его картины только выросли в цене...

— Действительно забавно. Думаете, мне стоит поступить так же?

— Кто знает... — пожала плечами Наталья. — В любом случае я не вижу в этом ничего особо постыдного. Люди платят за цифровые копии, покупают подписку на тупые онлайн-сериалы. Почему бы им не читать книги, написанные нейросетью? И вы сами говорили, что все это — всего лишь последовательности нулей и единиц...

— Но разве в таком «творчестве» есть настоящая ценность?

— Настоящая? А разве в этом мире есть еще что-то настоящее?!

— Вы... Я... Этот вечер...

— Неужели?! — Наталья резко отдернула руку и сделала шаг в сторону. — А знаете, почему я перестала фотографировать людей?! Люди постоянно лгут! Когда пишут, когда говорят... Друг другу, самим себе, всем... Даже когда смотрят в мой объектив!

— Думаете, я обманываю вас в чем-то?

— Думаю, вы просто все выдумываете... — уже спокойнее и с какой-то безысходной грустью в голосе сказала Наталья и отвернулась.

Она стояла в своем нелепом свитере с елочками и оленями, скачущими на бежевых и коричневых полосках, в намотанном на шею легкомысленном оранжевом шарфе и задумчиво смотрела на воду, в которой своими огненными красками горел закат. Почти тем же взглядом, каким вчера на ту же воду смотрел Виктор.

— Что ж, я не давал себе обещания не фотографировать людей... — проговорил писатель и, достав смартфон, вдруг сфотографировал Наталью в лучах заходящего солнца.

— Зачем вам это? — чуть нахмурившись, спросила она, но, тем не менее, в последний момент повернулась к камере наиболее выгодным образом и чуть улыбнулась.

— Мы же, писатели, все выдумываем... А так у меня будет доказательство вашего существования, — усмехнулся Виктор. — Привяжу в списке контактов к номеру телефона, который вы мне сейчас дадите.

— А вы нахал... Не хотите для начала хотя бы узнать мое имя?

— Это не важно, — ответил Виктор, продолжая копаться в телефоне. — Я уже записал вас как «Соседка». Других соседок у меня тут все равно нет. Давайте номер...

— Ну, записывайте... Восемь... Двести тридцать три... — начала диктовать Наталья, чуть наклонившись и заглядывая в экран, а потом вдруг произнесла: — А что, если у вас тут появится еще одна соседка?

— Не менее симпатичная? — отводя взгляд от экрана, без видимых эмоций спросил писатель.

— Ну, допустим.

— Я запишу ее как «Соседка 2».

— Вот это обидно.

— Не расстраивайтесь. Как минимум для моей телефонной книжки вы навсегда останетесь номером один.

— Какой же вы все-таки мерзкий тип! — заметила девушка и, чуть прищурившись, посмотрела на Виктора.

— Я непременно вспомню об этом и включу в счет, когда в следующий раз буду оказывать свою неквалифицированную помощь, — улыбнулся он.

— И весьма расчетливый мерзкий тип, — добавила Наталья.

— Вот моя визитка. Там так и написано. — Виктор вдруг вытащил из кармана немного потрепанную карточку и протянул девушке.

— Зачем вы их носите по лесу? — спросила она, забирая потертую визитку из рук писателя.

— Случайно завалилась.

— А я думала, на случай встречи с симпатичными соседками.

— Хороший вариант. Учту на будущее. Там и номер, и имя...

— Я все равно запишу вас как «Тот самый писатель», — улыбнулась Наталья и взяла Виктора под руку. — Кстати, насчет вашей неквалифицированной помощи... В конце недели мне должны доставить мебель. Кому-то нужно будет ее собрать.

— Предполагаю, что мне?

— А вы проницательный человек... Писатели и правда видят людей насквозь. Не то, что мы, поверхностные фотографы, — чуть язвительно заметила она.

— Значит, мы с вами увидимся уже в конце недели?

— Нет... Вы что, и правда решили сегодня меня обидеть? Я вам настолько не понравилась?

— Напротив, — смутился Виктор. — Понравились...

— Ну, так зачем же нам ждать до конца недели? Почему бы не увидеться прямо завтра? Встретимся здесь... Можете сидеть на этой лавочке. Ну, или, как вы любите, зарыться в листву. Только не очень глубоко, чтобы я могла вас найти...

— Я, в общем-то, не против... — пробормотал писатель, явно не ожидавший такого решительного поворота.

— Еще бы вы были против! Когда сами чуть ли не силком выудили у меня мой номер телефона и всучили свою визитку!

— Значит, до завтра?

— Да, до завтра.

— А может, мы поцелуемся на прощанье? — набравшись наглости, вдруг спросил Виктор.

— Вот вы нахал... Такие вещи нужно делать, а не говорить, — засмеялась Наталья и внимательно посмотрела ему в глаза. — И вообще... Сейчас еще слишком рано. И уже слишком поздно. Поэтому мы просто пойдем по домам.

— Вы правы, — согласился писатель. — До завтра...

Он уже хотел, было, развернуться и уйти, но она вдруг проговорила:

— Знаете, что пришло мне в голову? А может, мы и правда были с вами знакомы в детстве? Ваш дом был вон там, за тем поворотом, в конце длинной кленовой аллеи. Вы приезжали почти на все лето и целыми днями купались с папой в реке. А меня только на месяц оставляли здесь у бабушки. Я подолгу бегала по лесу, играла в какие-то прятки, воображала себе какие-то приключения, а потом, когда уже начинало темнеть, бежала домой, и бабушка готовила вкусный пирог с вишней...

— Возможно, — пожал плечами Виктор и слегка улыбнулся.

— Мы ведь можем просто взять и выдумать эту историю? И она будет существовать. Ведь выдуманные истории ничем не хуже настоящих. Правда?..

Виктор проснулся, когда за окном вовсю светило солнце. Впервые за месяц он прекрасно выспался и теперь был бодр и даже весел. Он отдернул пыльную штору, открыл настежь окно и впустил в дом прохладный воздух осеннего леса. Откуда-то сверху на подоконник с еле заметным шорохом плавно опустился осенний лист. Виктор улыбнулся и не стал его убирать.

Взгляд его вдруг упал на картонную коробку под столом, перетянутую скотчем. Он вспомнил, что было там. Поискав ножницы, но так и не найдя их, отодрал скотч руками и извлек из коробки старую пишущую машин-

ку. Друзья как-то подарили ее Виктору на какой-то праздник. Это был скорее символический и шуточный, нежели практический подарок. Тем не менее, сейчас он поставил древний агрегат на стол, вставил чистый лист бумаги, поправил перекрученную ленту и, задумчиво посмотрев в окно, начал печатать.

Поначалу Виктор часто спотыкался, чертыхался, что с непривычки путает или недостаточно сильно пропечатывает буквы, но потом процесс всецело поглотил его. Стрекотание пишущей машинки, вылетая из открытого окна, казалось, словно дрожало в прозрачном и прохладном осеннем воздухе и далеко расходилось по лесу.

Наталья сидела на скамейке одна. Несколько раз она порывалась взять мобильный телефон и позвонить, но дисплей останавливал ее надписью «Нет сети». Девушка прислушалась к звукам в лесной тишине и слегка улыбнулась. Откуда-то сзади раздался веселый детский крик. Она обернулась и увидела прогуливающуюся чуть поодаль семью. Очевидно, горожане, решившие в последние теплые осенние деньки выбраться на пикник.

Оставив родителей позади и вырвавшись на свободу, в осенней листве играла девочка лет десяти. Она весело хватала своими ручонками ворох желтых листьев, подбрасывала их в воздух над своей головой и заливисто смеялась. Наталья даже слегка удивилась, что современные дети еще способны на подобное первозданное веселье. Не ожидая этого от самой себя, она вдруг взяла фотоаппарат и, взглянув на играющего ребенка через видоискатель, сделала несколько снимков.

Впрочем, прыгать в листве девочке быстро надоело. Она стала что-то искать в карманах курточки и достала смартфон. Все еще глядя на это через свой фотоаппарат, Наталья вдруг погрустнела. Но тут произошло нечто совершенно неожиданное: девочка внезапно подняла с земли небольшую сосновую шишку, положила на пенек и сфотографировала.

Виктор машинально проверил последний абзац текста, добавил пару пустых строк, напечатал дату и удовлетворенно закрыл крышку ноутбука. На этот раз получилось просто прекрасно: он, она, осень... Определенно, так хорошо он не писал еще никогда. Читатели будут в восторге. Эх, знали бы они... Писатель улыбнулся, набросил на себя старую ветровку и вышел прогуляться по осеннему лесу. □

И СНОВА
ВЕЧНЫЙ ПУШКИН

Помните, в конце бессмертной пушкинской повести «Пиковая дама» Германн, сошедший с ума и помещенный «в 17 номере» Обуховской больницы, бормочет: «Тройка, семерка, туз. Тройка, семерка, дама!..» А в эпиграфе к ней — текст из гадательной книги: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Три карты, три карты, три карты...

Всю жизнь преследовали великого поэта не три карты, а три дамы, одна из которых была роковой. Кто же эти дамы?

Амалия Ризнич, жена «коммерции советника» Ивана Степановича Ризнича, ведшего обширную торговлю в портах Средиземного, Черного и Азовского морей, директора Одесского театра. Она была дочерью

венского банкира по фамилии Рипп; полунемка, полуитальянка. Амалия страстно любила играть в карты. Поэт бывал у нее, играл и, по своему обыкновению, волочился за хозяйкой. Кроме мужа у Пушкина был еще один серьезный соперник — богатый польский помещик Исидор Собаньский.

Второй женщиной была графиня Елизавета Воронцова, полька по отцу, урожденная графиня Браницкая, а по матери она приходилась внучатой племянницей князю Потемкину Таврическому. Муж графини М.С. Воронцов был генерал-губернатором Новороссийска, и Пушкин служил чиновником в его канцелярии. И в этой любви к Елизавете у поэта был соперник — Александр Раевский, младший сын генерала Н.Н. Раевского и брат знаменитых сестер Марии Волконской, Екатерины Орловой, урожденных Раевских, и Елены Раевской, в которых ранее был влюблен Пушкин. Снова три карты, три карты, три карты...

Графиня Воронцова подарила поэту золотой перстень с резным восьмиугольным сердоликом. На нем была выгравирована таинственная надпись. Этот талисман Александр Сергеевич хранил до самой смерти. Вторым подарком графини стала дочь Софья, рожденная в апреле 1825 года. О том, что у Пушкина был ребенок от прекрасной графини, рассказала правнучка поэта Наталья Сергеевна Щепелева, узнавшая об этом от Анны Александровны, дочери старшего сына Пушкина.

И третьей была та самая «пиковая дама» — Каролина Собаньская, урожденная графиня Ржевуская.

В Киеве в феврале 1821 года, в День Святого Валентина, находясь на балу у губернатора Ивана Яковлевича Бухарина, наш «первый поэт» увидел двух знаменитых тамошних красавиц — дочерей предводителя дворянства графа Адама Ржевуского. Обе были замужем. Младшей Эвелине, по мужу Ганской, было 17, о ней говорили, что она «как ангел». Красота старшей, Каролины, по мужу Собаньской, — высокой и стройной, с необыкновенными глазами, с низким чарующим голосом — была, как считали многие, демонической. И обеим сестрам суждено было прославиться.

Поместье графов Ржевуских находилось близ местечка Погребище, на реке Роси, в 70 верстах от Бердичева. Мрачные легенды рассказывали, что над родом владельцев поместья тяготило проклятье. Когда-то старая хозяйка замка, замурованная в башне своим сыном, прокляла все его потомство. И с тех пор, будто бы, по ночам ее призрак, гремя костями и цепями, бродит по комнатам замка. И еще говорили, что все, кто рождается в поместье, не имеют сердца.

Ветви генеалогического древа восходили и по отцовской, и по материнской линии к известным в истории гетманам, воеводам и фельдмаршалам. По отцу дочери являлись племянницами княгине Розалии Ржевуской, урожденной Любомирской,

Каролина Собаньская

мать которой казнили в Париже вместе с королевой Марией-Антуанеттой.

Отец, Адам Ржевуский, за несколько лет умудрился промотать огромные владения плодороднейшей земли, повергнув в страх своих потомков тем, что они кончат свои дни с протянутой рукой. Предводитель дворянства Киевской губернии Ржевуский был не просто консерватором, а настоящим, что называется, ретроградом. Он написал политический трактат «Мысли о форме республиканского правления», в котором доказывал вред реформ и конституции. Его взгляды по достоинству были оценены россий-

ским правительством: после разделов Польши он переселился в Петербург, присягнул на верность царю и империи, сделался сенатором и крупным масонским деятелем.

Вот как вспоминал Пушкин о первой встрече с Каролиной: «Сегодня девятая годовщина с того дня, как я увидел Вас впервые. Этот день решил мою жизнь. Я родился, чтобы любить Вас и следовать за Вами. Только вдали от Вас я испытываю угрызения совести — счастье было рядом, и я не смог им насладиться...» Каролина Собаньская была на шесть лет старше Пушкина и произвела на поэта неизгладимое впечатление. Ее полное имя Каролина-

Розалия-Текла. Девочкой Каролина жила в Вене у своей тетки Розалии Любомирской, хозяйки знаменитого салона, который «слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей». Здесь Лолина (так близкие называли Каролину) многому научилась: играть для гостей на фортепьяно, разбираться в живописи, постигать искусство красноречия (в чем потом не знала себе равных), а еще... слу-

что счастье без состояния. Красота тогда имеет цену, когда ее венчают две драгоценности: искусство жить и ловкость». Племянница оказалась прекрасной ученицей и продолжательницей своеобразного таланта своей учительницы. Юную Каролину выдали замуж за богатого помещика, торговца зерном Иеронима Собаньского, который был на тридцать лет старше. Отныне ее стали величать «пани Иеронимова из Ба-

В присутствии Каролины Пушкин становился каким-то удрученным, был скован, неловок. Куда исчезали его непринужденность, остроумие, веселый смех? Казалось, это какой-то рок, а она — злой дух, его околдовавший

шать, ибо уши, внушала ей тетка, служат не только для того, чтобы выслушивать любовные клятвы. «На свете есть много вещей достойных, чтобы их видеть, слышать, говорить о них», — нашептывала тетушка. Она жила в Вене, но бывала в Петербурге и одно время пребывала в дружбе с Александром I. Позже Розалию Ржевускую весьма ценил Николай Павлович, ходили слухи, что она оказывала важные политические услуги русскому правительству.

Молодой податливый ум Каролины быстро впитывал тетушкины наставления. Лолина была очень красива, но «красота без разума, — говорила наставница, — все равно,

лануфки». Но скучная провинциальная жизнь и роль жены предводителя Ольгопольского повета ее никак не устраивали. Каролина не желала похоронить себя в глуши — не для того получила она прекрасное образование и воспитание. От Иеронима Собаньского, человека дурно воспитанного, пьяницы, невежды и развратника, Каролина родила дочь Констанцию. Воспользовавшись временным нездоровьем, она сумела получить от Подольской Римско-католической консистории разрешение впредь до выздоровления жить отдельно от мужа. Но только в 1825 году после смерти отца она добилась развода. Это не помешало ей иметь свой са-

Граф Иван Осипович Витт

лон в Одессе, где ее муж имел доходный торговый дом. Каролина проводила жизнь в бурных, беспорядочных связях, бросая вызов общественной морали. Ее боялись жены, ей отказывали во многих светских домах, а она вела себя независимо и гордо, как королева. Искусством обольщения или, иначе говоря, умением распалить страсть в мужчине она владела как никто. Все пересекавшиеся с ней мужчины, видя, как она идет по улице, сидит, молится, шутит или играет на фортепьяно, теряли головы. В ее тенетах оказался и граф Иван Осипович Витт. Отец Яна Витта был генералом Речи Посполитой. Многолетняя связь с этим начальником военных поселений на юге России и одновременно руководителем тайного сыска сыграла

определяющую роль в жизни Каролины. Витт, по отзывам современников, был очень красив, пользовался репутацией донжуана и был талантливым и бесчестным интриганом. Собаньская знала, что из-за связи с графом ее называют наложницей, но умела и в этом униженном положении сохранять достоинство, не замечая осуждающего шепота за своей спиной, и оставаться «душой общества». Об ее необыкновенно огненных глазах, которые, раз увидев, невозможно было забыть, вспоминал другой ее современник Б.М. Маркевич: «Очи эти обжигали каким-то затаенным пламенем и, казалось, тайно сулили неземные радости». Под гипнотическое действие этих глаз попал и двадцатичетырехлетний Александр Пушкин. На одном из приемов одесского генерал-губернатора графа Воронцова он заметил ее пунцовую току со страусиными перьями. В этом головном уборе она производила потрясающее впечатление, которое немного подпортил муж сестры Эвелины Венцеслав Ганский. Заметив, с каким нескрываемым обожанием поэт смотрит на Собаньскую, как робеет перед ней, он счел долгом предупредить юного друга об ее коварном нраве, жестоком холодном кокетстве и бесчувственности к тем, кто ей поклоняется. В присутствии Каролины Пушкин становился каким-то удрученным, был скован и неловок. Куда исчезли его непринужденность, остроумие, веселый смех? Это какой-то рок, а она — злой дух, его околдовавший.

Глубина и сила чувств к Каролине Собаньской наиболее ярко выразились в стихотворении, которое Пушкин написал в то время, но не опубликовал при жизни:

*Как наше сердце своенравно!
... томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать покой и яд.*

Вот еще одно письмо Пушкина, помеченное «Неизвестной». Июнь — июль 1823 год. Кишинев — Одесса.

«Не из дерзости пишу я Вам, но я имел слабость признаться Вам в смешной страсти и хочу объяснить откровенно. Не притворяйтесь, это было бы не достойно Вас — кокетство было бы жестокостью легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, — Вашему гневу я так же поверил бы не более — чем могу я Вас оскорбить. Я Вас люблю таким порывом нежности, с такой скромностью — даже Ваша гордость не может быть задета.

Будь у меня какие либо надежды, я не стал бы ждать кануна Вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладеть, которое дошло до изнеможения. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, — тем не менее, я Вас...»

Нет сомнения, встречаясь тогда в Одессе, они беседовали о литера-

туре, это значит, поэт ценил ее ум и вкус. Оба упивались романом Бенжамена Констана «Адольф». В одном из своих писем он называет Каролину именем его главной героини. «Дорогая Эллионора, позвольте мне называть Вас этим именем, которое напоминает мне и пылкие чтения в мои молодые годы, и нежный призрак, который тогда меня обольщал, и Ваше собственное существование такое неистовое, такое бурное... Именно Вам я обязан познанием того, что в опьянении любовью больше конвульсивного, больше болезненного, чем глупого!»

А в другом письме называл ее демоном, существом выдающимся и зловещим, говорил об ее иронии и злобе, которые ожесточают и повергают в отчаяние, об ее могуществе, которое он испытывал на себе. Ахматова считала Собаньскую роковой светской злодейкой, доведившей своей игрой Пушкина до отчаяния.

«Черная мутная страсть» к этой красавице «с обугленной душой» губила его, он бился в ее сетях, ревновал. Она была женщиной, простершей над поэтом черные крыла, околдовавшей его. Но Ахматова называла ее «демоницей» не столько потому, что многие видели в Собаньской роковую женщину-вамп, сколько зная об ее секретной службе у Витта и фон Фока — начальника тайного сыска.

В 1827 году Каролина Собаньская пристроила свою вторую сестру Паулину замуж за бывшего богача вдовца Ивана Ризнича. Бывшего,

потому что Ризнич обанкротился, и с новой женой переехал в Киев, где получил должность директора банка. Об этом писал Пушкину из Одессы русский поэт Василий Иванович Туманский, который вместе с декабристами Рылеевым и Бестужевым был членом «Вольного общества любителей российской словесности»: «Одна из наших новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, виттовой любовницы... Новая мадам Ризнич, вероятно, не заслуживает ни твоих, ни моих стихов; эта малютка с большим ртом и с польскими ухватками». Ризнич давал в честь Каролины пышные обеды, и его дом превратился в своеобразный филиал ее салона.

Вернувшись в Одессу, Собаньская, не имевшая никакого состояния, продолжала жить с показной роскошью. Современники звали ее «одесской Клеопатрой». (Она прожила в Одессе много лет, ей было пожаловано 15 000 десятин земли, и теперь эта местность носит имя Каролина-Бугаз.)

Между тем Александр Пушкин не забывал Собаньскую, «этого донжуана в юбке», как говорил о ней Мицкевич. Шедевром его лирической поэзии является стихотворение:

*Я вас любил: любовь еще,
 быть может,
В моей душе угасла не совсем...*

*Я вас любил безмолвно,
 безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;*

*Я вас любил так искренно,
 так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть
 другим.*

Немного позднее поэт вписал это стихотворение в альбом Анне Олениной, хотя роковая страсть была не к ней.

Встреча с Каролиной в 1830 году всколыхнула воспоминания об Одессе и молодости, загля как будто уснувшие чувства с новой силой. «Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с Вашим. Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к Вашим ногам». Письма Пушкина к Собаньской убеждают в том, что поэт испытал поистине роковую страсть.

Перечитывая их, видишь, что флирт давно превратился в душевный стриптиз, любовная игра — в болезнь. 5 января 1830 года — вечер и половину ночи — он провел у нее, вставил в ее альбом листок со стихами, которые могли растопить сердце любой женщины мира, только не ее. По просьбе Каролины поэт расписался на обороте листа. Позже Собаньская приписала по-французски: «Пушкин, которого я просила написать свое имя» — и поставила дату. Альбом с этим стихотворением нашли в киевском архиве в 1934 году. Собаньская никогда на протяжении своей долгой (90 с лишним лет) жизни ни разу публично не вспомнила о Пушкине, ни словом не обмолвилась об этом его автографе в своем альбоме.

Судьба Каролины Собаньской сложилась не просто. С началом польского восстания она сразу же влилась в ряды «патриотов». Сторожевые контрольные посты повстанцев повсюду пропускали ее: именно тогда она убедилась, что фамилия Собаньская — лучший мандат для поляков. И не мудрено, ведь братья Собаньские Александр и Исидор (давний любовный соперник Пушкина) — уроженцы Подолии, участники восстания. Ржевуские, напротив, верно служили русскому царю.

Через полтора года русские войска под командованием фельдмаршала князя Ивана Паскевича подавили в крови восстание в Польше, и Каролина вместе с Виттом, назначенным военным губернатором польской столицы, отправилась в Варшаву. Вскоре поползли слухи о том, что за спиной царского наместника действует чудо-женщина, которая спешит на помощь каждому, кого генерал собирается покарать. Двойная жизнь, тайная власть над доверявшими ей людьми — кредо красивой коварной полячки. Из Варшавы она поехала в Дрезден — видимым поводом было предстоящее венчание ее дочери Констанции с молодым князем Сапегой. За несколько недель, проведенных в Дрездене, Каролина стала «своей» в среде польских эмигрантов, посещала их закрытые собрания, где узнавала много разных сведений, которые сообщала Витту, и которые помогли ему сделать важные разоблачения. Можно сказать, что она верно служила царю.

Ее стараниями была раскрыта подпольная сеть патриотов в Кракове и Галиции; она сообщала имена всех эмиссаров, перебрасываемых в Польшу для организации партизанских отрядов.

После стольких лет совместной жизни с Виттом выйти замуж за него Собаньская не могла, поскольку гра-

*Предположительно на рисунке
А.С. Пушкина изображена
К.Собаньская*

финя Витт была еще жива. Они венчались тайно. Преданность российскому сыску в Варшаве не была вознаграждена: несмотря на все старания Собаньской, отношения ее с Третьим отделением не складывались, она использовала родственные связи, чтобы предавать поляков, а ее

подозревали в связях с польскими революционерами. Николай I не доверял Собаньской, царь писал наместнику Польши И.Ф. Паскевичу: *«Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая под личиной любезности всякого уловит в свои сети. А Витта будет за нос водить в смысле своей родни... Долго ли граф Витт даст себя ду-*

графия с изумительного портрета немолодой женщины в роскошной раме. Ни об оригинале, с которого сделано это фото, ни о художнике никаких сведений нет, но имеется запись, что это Каролина Собаньская. На портрете ей лет сорок. Посадка головы, прямой нос, лоб и волосы удивительно похожи на рисунки, сделанные Пушкиным.

Письма Пушкина к Собаньской убеждают в том, что поэт испытывал почти роковую страсть. Флирт давно превратился в душевный стриптиз, любовная игра — в болезнь. 5 января 1830 года весь вечер и половину ночи он провел у нее, прощаясь, вставил в ее альбом листок со стихами и по ее просьбе расписался на обороте листа. Альбом этот нашли в архиве только в 1934 году. Собаньская никогда на протяжении своей долгой жизни ни разу публично не вспоминала о Пушкине и ни словом не обмолвилась об этом его автографе в своем альбоме

рачить этой бабе, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданности, и столь же верна Витту как любовница, как России, быв ее подданной». Для Каролины это был неожиданный удар. Она написала письмо А.Х. Бенкендорфу, в котором просила: «Благоволите окинуть взором прошлое: это уже даст возможность меня оправдать».

В архиве фотодокументов Варшавского музея литературы имени Адама Мицкевича хранится фото-

Граф Витт расстался с Собаньской в 1836 году. Ей назначили место жительства в глухой украинской деревеньке Ронбаны-Мост. Там Каролину часто навещал адъютант Витта капитан С.Х. Чиркович, за которого она позже вышла замуж. Они переехали в Крым и жили у Голицыной. В 1845 году Чиркович получил должность бесарабского генерал-губернатора, но уже через год ушел в отставку и вскоре умер. Надежда на обеспеченную старость не оправдалась,

и Собаньская навсегда покинула Россию.

Почти сорок лет Каролина провела в Париже. Она по-прежнему была очаровательна, привлекала к себе внимание, пользовалась успехом в литературном мире французской столицы, где и выбрала себе очередного мужа — писателя и драматурга Жюльа Лакруа. И снова у нее блестящий салон на улице Сент-Оноре, где собирался весь цвет французского литературного общества.

Среди гостей салона мадам Лакруа был и Оноре Бальзак, и уже немолодой Адам Мицкевич. «Величайший польский поэт», — представила Каролина Мицкевича, усаживая его между собой и Бальзаком. Не вспоминали ли они великого русского поэта Пушкина, которому Мицкевич посвятил некролог и подписался как друг Пушкина. *«Пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной России жестокий удар. Ни*

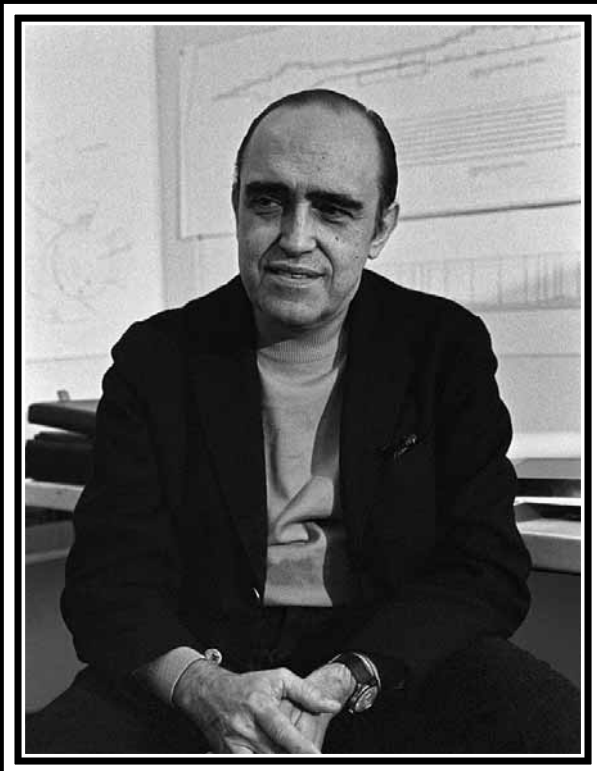

одной стране не дано, чтобы в ней больше нежели один раз мог появиться человек, сочетающий в себе столь выдающиеся и столь разнообразные способности...»

В 1832 году Пушкин опубликовал в «Северных цветах» свое стихотворение «Анчар», где упоминаются «отравленные стрелы». Наверное, Каролина Собаньская и была для поэта таким «деревом яда». Она принесла много душевных страданий Пушкину, но от этого его произведения не стали менее гениальными, и они несут читателю не яд, а светлое и радостное чувство живительных родников прозы и поэзии.. □

БРАЗИЛИЯ:

кофе, футбол,
Оскар Нимейер

Мало найдется в истории людей, имена которых прочно ассоциируются с постройкой (или перестройкой) целого города. В этом ряду Оскар Нимейер стоит в одном ряду с Петром Первым, отстроившим Петербург, и бароном Османом, сделавшим Париж таким, каким мы знаем его сегодня.

Но бразильский архитектор творил в своем времени, в своей стране, а главное — в полном соответствии со своими непоколебимыми убеждениями. И потому столица Бразилии — Бразилиа — получилась городом, не похожим ни на какой другой. В основе построения этого города — уверенность Нимейера в том, что главное в архитектуре не функциональность, а красота. Как же он пришел к этому постулату, с которым прожил почти 105 лет?

Детство и юность будущего архитектора, родившегося в 1907 году, прошли так, как и должно быть у обычного бразильского подростка. Основное его время занимали футбол и танцы. Немногим меньше времени посвящал он чтению и посещению школы. Семья была зажиточной, а школа — привилегированной, но Оскар ее так и не окончил. По воспоминаниям

родни, он постоянно что-то чертил, а если под рукой не было бумаги и карандаша, просто рисовал пальцем по воздуху, витая в своих мыслях. Именно это увлечение и стало причиной того, что по велению семьи (напомним, дело происходило в католической Южной Америке, где семья — это главное) поступил в лучшую архитектурную школу Бразилии.

Директором этой школы, на счастье юноши, был молодой архитектор Лусио Коста. Нимейер подружился с ним и именно от него узнал о принципах дизайна Ле Корбюзье, который был кумиром Косты. В Бразилии в те годы о великом швейцарце мало кто слышал. После ухода из школы (с такими взглядами Косте долго директорствовать не при-

шлось) он основал собственную проектную мастерскую, куда позвал и Нимейера.

Вскоре им поступил заказ на постройку министерства здравоохранения, который и принес архитекторам первую славу. Для консультаций они пригласили самого Ле Корбюзье, помощником которого Оскар Нимейер и трудился целых два

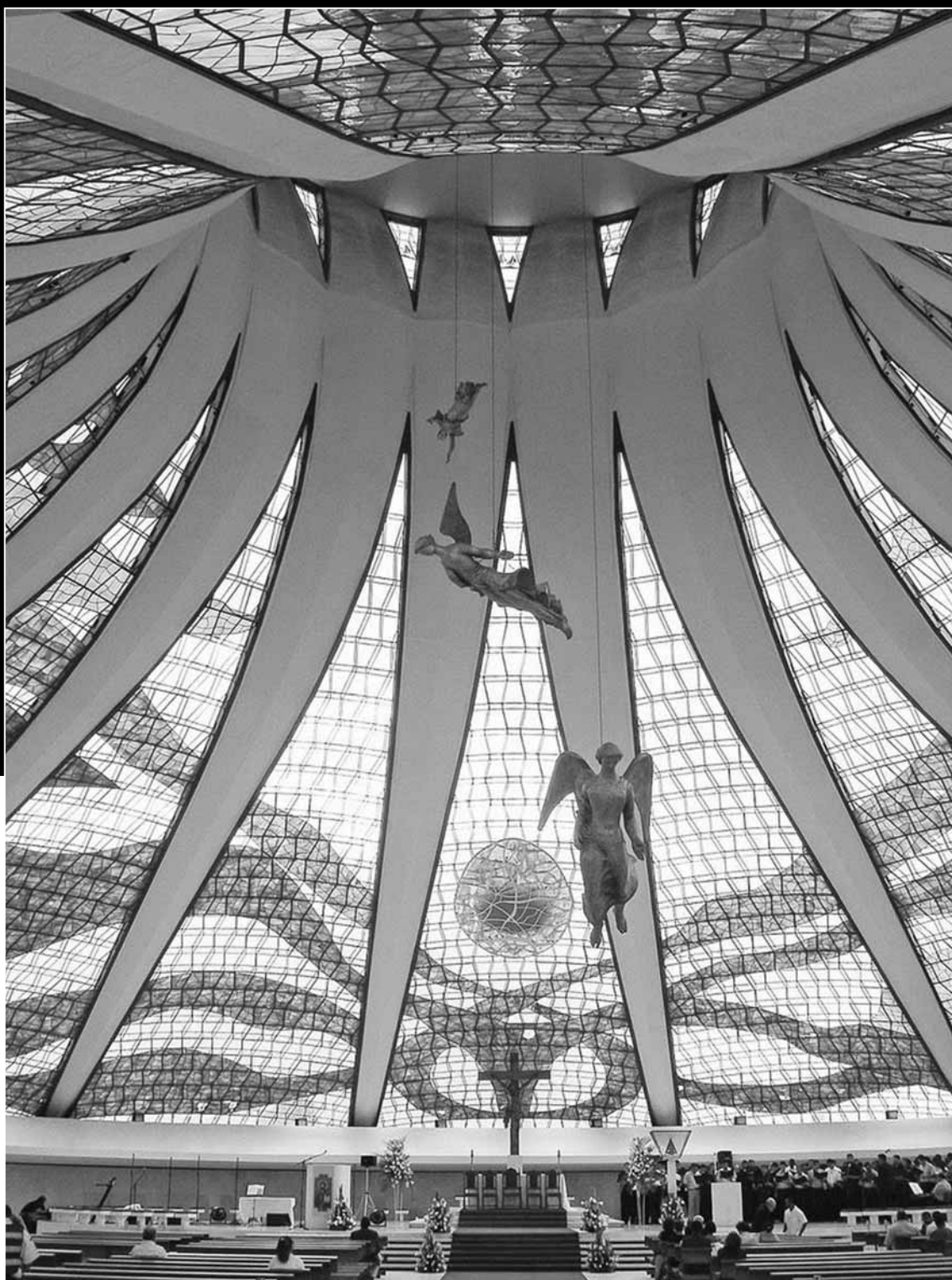
Кафедральный собор

года. Впечатление от этого знакомства осталось с ним на всю жизнь — именно основоположника модернизма он считал своим учителем и вдохновителем.

Нимейер быстро освоил правила, в соответствии с которыми проектировал Ле Корбюзье: дом должен стоять на столбах-опорах, крыша обязательно должна использоваться, например, под сад, планировка каждого этажа должна быть отлична от других, окна — от пола до потолка во всю длину стены, фасад дома выдвинут вперед. Но он не мог долго оставаться в рамках придуманного кем-то. Когда «консультант» Ле Корбюзье уехал, бразилец по собственному вкусу изменил ди-

зайн здания, выбрал другие материалы.

В отличие от своего учителя, Оскар ценил форму, то есть красоту, гораздо больше функциональности. Именно поэтому многие здания Нимейера напоминают скульптуры. Еще одним правилом стало то, что архитектура должна вписываться в ландшафт. Что же касается форм, то Нимейер считал, что они должны быть пластичными, ведь большинство из создаваемого человеком и так имеет прямые линии и жесткие углы. *«Меня никогда не привлекал ни прямой угол, ни жесткая, негнущаяся линия, созданные человеком. Меня манит чувственная, свободно изогнутая линия, та, которая напо-*

минает мне причудливые изгибы рек, горы моей страны и тело любимой женщины», — говорил он.

Признанием нового стиля, придуманного Нимейером, стали посы-

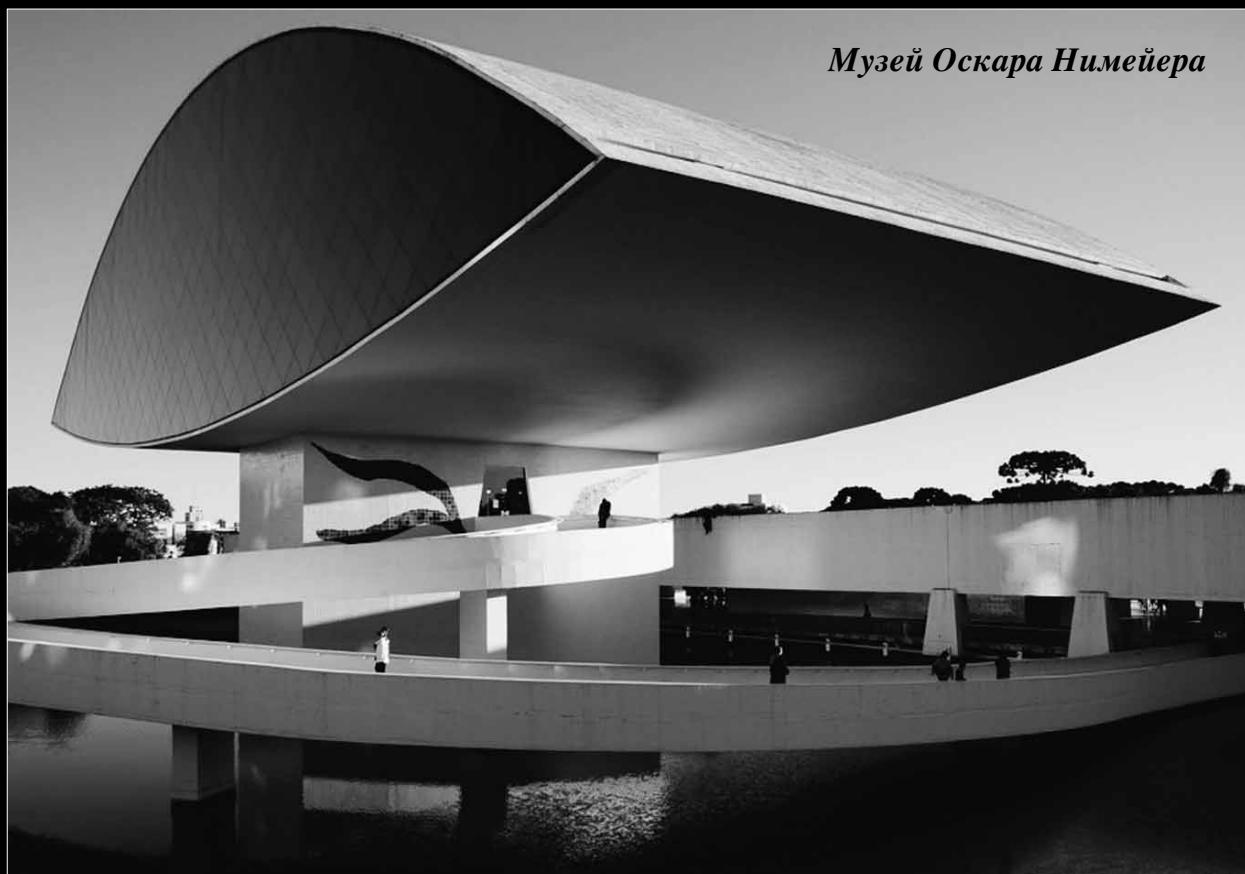
павшиеся на мастерскую заказы. Чтобы предъявить новое архитектурное слово всему миру, Нимейеру в 1940 году предложили построить павильон Бразилии на Всемирной

*Здание бразильского
электорального суда*

*Дворец национального
конгресса в Бразилии*

Музей Оскара Нимейера

Штаб-квартира французской коммунистической партии

*Дом
семьи
Нимейера*

выставке в Нью-Йорке. Здание, построенное им, вызвало ажиотаж своими совершенно новыми формами. Сам архитектор так отзывался о своих постройках: *«Я всегда хотел, чтобы мои здания были настолько легкими, насколько это возможно. Чтобы они мягко касались земли, взлетали, парили и удивляли».*

Что и говорить, удивлять он умел. В 1947 году среди других архитекторов Нимейер участвовал

в разработке проекта штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Среди прочих в этой международной команде был и Ле Корбюзье. И вот тут ученик уже превзошел учителя, потому что отдельно от проекта, над которым трудились все, он представил свой собственный проект, который в итоге и был принят заказчиком. Корбюзье разгневался, уехал домой, а затем потребовал, чтобы его имя убрали из всех документов, имевших отношение к зданию ООН.

По завершении строительства Нимейеру предложили место декана в Гарварде, но правительство США отказало ему в визе, так как архитектор был убежденным членом коммунистической партии.

В 1950 году Нимейеру повезло так, как редко везет другим архитекторам — его близкий друг стал президентом Бразилии. Впрочем, если учесть, что в детстве Оскар жил на улице, названной в честь его деда, министра по делам Верховного суда Бразилии Рибейру де Алмейды, то стоит ли удивляться таким друзьям? Жуселину Кубичек нанял старого друга, чтобы спроектировать для страны новую столицу — Бразилиа.

Если взглянуть на план города, то можно увидеть взлетающую птицу. А первый план архитектор, получив этот заказ, набросал в кафе прямо на салфетке.

Работу над строительством новой столицы архитектор вспоминал так: *«Строительство Бразилиа было чудесным временем. Я, инженеры, рабочие и даже Жуселину жили*

в одинаковых домиках, ходили в одни и те же бары и танцы. Казалось, рождается новое общество, а все традиционные барьеры остаются позади».

Бразилиа была такой же «социалистической» по духу, как и ее создатели. Все жилье принадлежало государству и распределялось между жильцами, его нельзя было продавать в частные руки. Не было богатых и бедных кварталов.

Сегодня Бразилиа имеет статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО и находится под охраной.

Новое общество, которое вместе строили Нимейер и Кубичек, недолго существовало в Бразилии. Всего через четыре года власть сменилась военной диктатурой. Вера в коммунистические идеалы не согласовывалась с новой политикой, и Оскару пришлось покинуть страну. Эмигрировал он во Францию, куда вперед него добралась его слава. Министром культуры там был друг Нимейера Андре Мальро, который у самого де Голля добился разрешения на работу для бразильского архитектора.

Перед отъездом Нимейер спроектировал здание в Рио-де-Жанейро. Из-за отъезда контролировать строительство он не смог. А по возвращении через 21 год увидел, что фасад был выполнен не совсем так, как на чертежах. Не в силах видеть это, Нимейер сам оплатил реконструкцию фасада.

Его приглашали строить по всей Европе, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В этот период были построены здание издатель-

ства Mondadori в Милане и здание штаба Французской Коммунистической партии в Париже.

Для Бразилии он бесплатно разработал проект аэропорта, который вызвал восторг архитектурной общественности. Но военные власти страны не позволили возвести этот объект, так как проектировал его коммунист.

Когда диктатура была свергнута, Нимейер смог, наконец, вернуться на родину. Два дела, которые он сделал в первую очередь, — открыл собственную мастерскую и возглавил коммунистическую партию Бразилии.

Мастерская его была удивительна — в ней он числился единственным сотрудником. Как только Нимейер заканчивал чертеж, тот отправлялся в архитектурную ма-

стерскую дочери Оскара. Там делались расчеты, велась документация, контролировалось строительство и происходили прочие «бюрократические» вещи. Таким образом, сам мастер мог целиком посвятить свое время только тому, что ему интересно. За свою карьеру Оскар Нимейер спроектировал более 600 зданий.

В 1988 году за проектирование католического Кафедрального собора Пресвятой Девы Марии Нимейер был удостоен Притцкерской премии — своеобразный «Оскар» среди архитекторов. Здание собора состоит из 16 колонн, которые символизируют руки, воздетые к небу. Просветы между колоннами заполнены витражами. Благодаря такому проекту все внутреннее пространство всегда заполнено светом.

Музей современного искусства в Нитерое

В 1996 году, в возрасте 89 лет, Оскар Нимейер завершил пятилетний труд по строительству Музея современного искусства в городе Нитерой. Здание многим напоминает космический корабль, но сам архитектор объяснял свой замысел так: «Летающая тарелка, пролетавшая когда-то над городом, так была восхищена красотой этих мест, что приземлилась и решила навсегда здесь остаться, положив начало Музею».

Увлекался он и проектированием мебели — в своем, разумеется, стиле. Его диваны с «пружинящими» ножками и кожаные кресла, созданные в соавторстве с дочерью Анной-Марией, часто выставлялись как в Бразилии, так и за рубежом.

Сам о себе Оскар Нимейер говорил: «У меня внутри уживаются, по крайней мере, два человека. Когда я

работаю над чертежами, тот второй, который умнее меня, всегда со мной спорит, доказывает свое, иногда я на него покрикиваю. Вообще, он отличный парень, любит женщин и море. Нам всегда удается прийти к согласию относительно того, каким будет новое здание. Когда появляются чертежи с обязательным сопроводительным текстом, я внимательно все перечитываю, чтобы удостовериться, что он доносит общий замысел. Если это не так, я вновь дискутирую сам с собой и переделываю чертеж. Когда все легко читается, появляется здание».

Оскар Нимейер не дожил до своего 105-летия всего 10 дней. И до последнего своего дня продолжал работать. На его столе остался незавершенным чертеж, над которым он трудился накануне. □

Степан Кащеев

МЯТА

проводница
в потусторонний
мир

Ароматная и душистая мята вот уже много столетий пользуется заслуженной славой среди ботаников и садоводов всего мира. По преданию, название растения восходит к имени греческой нимфы Минфы (Минты), богини горы Менте в Элиде, что на северо-востоке Пелопоннеса. Эта загадочная нимфа была возлюбленной бога подземного царства Гадеса (Аида), и именно с веточками мяты древние греки проводили тайные погребальные мистерии и обряды.

Мята — многолетнее травянистое растение семейства яснотковых. Все виды мяты, а их существует около полусотни, сильно ароматичны, ибо большинство из них содержит много ментола. Мятую можно встретить практически повсеместно: в садах и огородах, в раздольных луговинах и вдоль лесных ручьев и озер, — ареал ее произрастания невероятно обширен. Люди выращивают и культивируют мяту с незапамятных времен. В наши дни в разных странах и континентах стало популярным разведение таких экзотических видов мяты как лимонная, бергамотовая, шоколадная, ананасная, апельсиновая, лакричная, банановая и ряд других, обладающих удивительной смесью мятного и тропическо-цитрусовых ароматов.

Одним из наиболее популярных видов у многочисленной армии садоводов и огородников заслуженно пользуется мята перечная (менее известные ее названия мята холодная или мята английская). Кстати, это культурное растение — мята перечная — было получено путем гибридизации двух дикорастущих сортов: мяты водной и мяты колосистой. Использование мяты перечной началось с древнейших времен, она высоко ценилась еще в Древнем Риме. Мятной водой опрыскивали комнаты, а столы натирали листьями мяты, чтобы создать у гостей жизнерадостное настроение.

Перечная мята — ценный медонос и дает прекрасный нектар. По-

лученный мед имеет янтарный цвет и обладает приятным мятным вкусом. В современной кулинарии и парфюмерии мята невероятно популярна. Сразу вспоминается вкус приятно охлаждающих и освежающих дыхание мятных леденцов.

Из собранных во время цветения листьев и надземной части растений изготавливают эфирное масло и ментол, также листья мяты в качестве пряности добавляют к многочисленным блюдам в кухнях многих стран. В медицине листья мяты входят в состав желудочных, успокоительных и желчегонных чаев, мятных капель от тошноты и как средство,

повышающее аппетит, а также как противоспазматическое желудочное средство. В народной медицине вот уже много веков с успехом наружно применяют мяту как действенное антисептическое средство при воспалительных процессах и ожогах, а также как успокоительное при различного рода невралгиях. Эффективна мята при заболеваниях верхних

дыхательных путей, хрипоте, осиплости голоса, при лечении бронхита и зубной боли. Ментол, выделяемый из мятного масла, используется при стенокардии, он входит также в состав капель и мазей от насморка, карандашей от мигрени, в производстве ряда популярных сердечных препаратов — валидола, валокордина и других.

В России селекционные сорта мяты перечной в промышленном масштабе выращивают в Краснодарском крае и Воронежской области — помимо использования в медицине и парфюмерии, в последнее десятилетие мята стала очень популярна в качестве основы для фиточая.

А что же с магическими свойствами мяты? Они были известны еще в седой древности. Уже тогда наши предки использовали ее во всевозможных эзотерических целях. Мятный дым вдыхали для улучшения памяти, концентрации внимания и повышения интуиции. Людям творческих профессий мята также помогает привлечь то, чего они хотят больше всего на свете — получить божественное вдохновение. С этой целью «для привлечения музыки» мастерам красивый букет с веточками мяты и ставят его на рабочий стол или даже плетут венок и надевают его на голову. В Древней Руси молодые девушки часто использовали мяты в колдовских ритуалах для привлечения суженого. Мята — сильнейший защитный талисман от порчи и сглаза, сведущие люди советуют всегда носить ее с

собой в небольшом холщовом мешочке или просто положить в карман. Такой оберег обязательно поможет вам в ходе важной встречи, а также в повседневных делах.

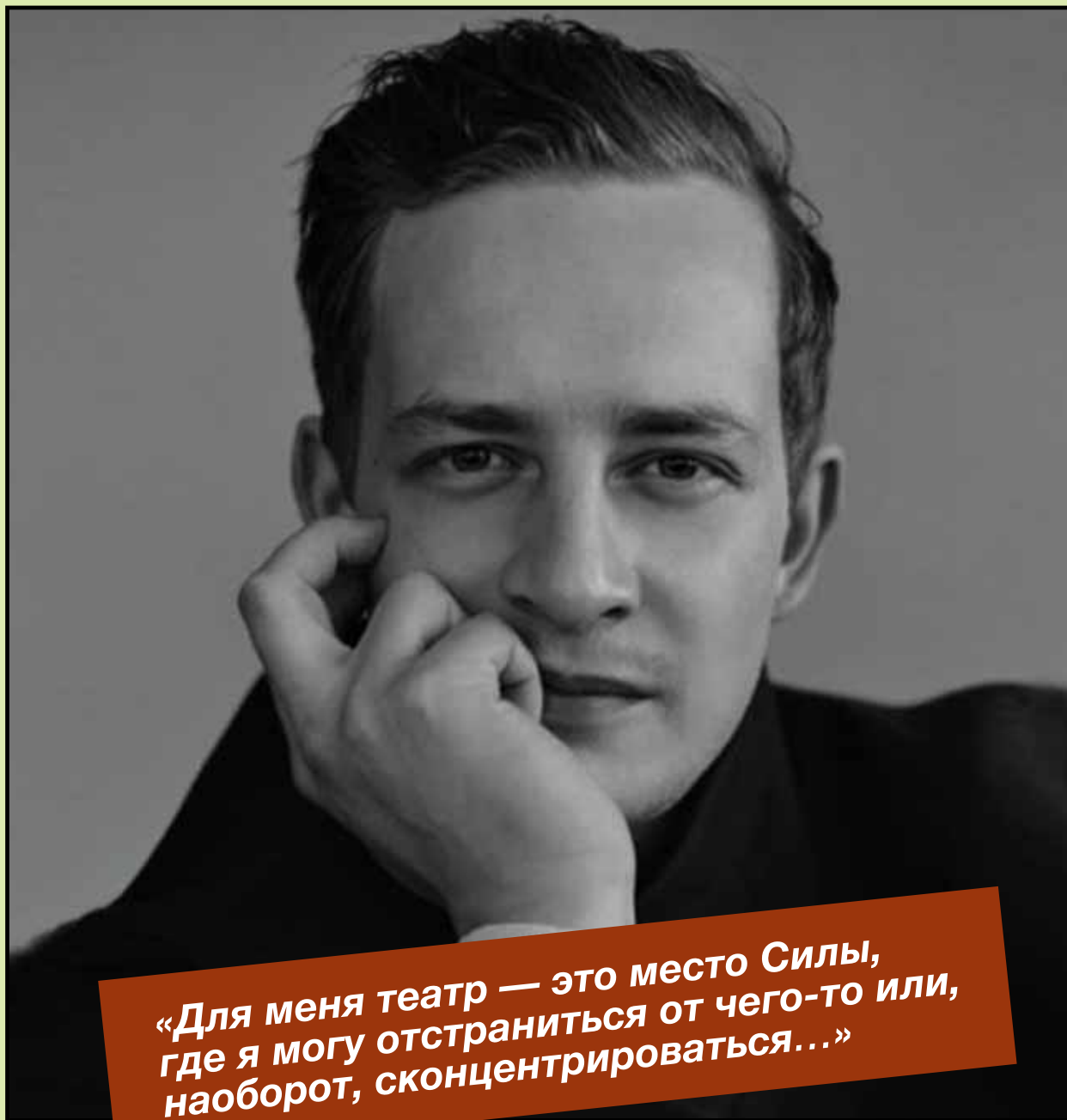
Аромат мяты — настоящий магнит для денег. Если хотите, чтобы в бумажнике всегда шелестели купюры, положите в кошелек один-два листочка мяты и вскоре сами убедитесь в позитивных изменениях вашего финансового благополучия.

По возможности старайтесь чаще использовать мяту в чае или как приправу для блюд: аромат мяты дарит бодрость и уверенность в своих силах. А собственноручно собранный букетик из мяты, висящий в вашей спальне, будет способствовать укреплению отношений с избранником и не даст потухнуть огню взаимной любви. Если вы хотите почистить свой любимый дом от скопившейся в нем негативной энергии, то используйте эфирное масло в аромалампе. Запах мяты изгонит негативные лептоны и подарит вам не только приятный аромат, но и благополучие.

Если же мята будет расти у вас дома на окне в горшочке — в таком жилище всегда будут царить мир и уют. А если вы поместите горшочек с мятой на своем рабочем столе в офисе, то душистое растение придаст вам уверенности в себе и своих силах и будет способствовать вашему карьерному росту. Берегите себя и своих близких — а помощниками в этих благих начинаниях пусть будут листья ароматной мяты! □

Семен ШОМИН

Фото из личного архива

«Для меня театр — это место Силы, где я могу отстраниться от чего-то или, наоборот, сконцентрироваться...»

Семен Шомин — артист театра «Современник». Зрители знают этого яркого, талантливого актера по спектаклям «Три товарища», «Амстердам», «Соловьев и Ларионов», «Нэнси», а также по работам в сериалах «Свидетели», «Магия превыше всего», «Презумпция невиновности», «Обычная женщина», «Про любовь...» и другим.

Фото Александра Россоловского

— Семен, артистом, наверное, хотели стать в детстве?

— Никогда не собирался быть актером, так распорядилась судьба. До восьмого класса я занимался в музыкальной школе по классу фортепиано в городе Кемерово. По окончании школы стал ходить в театральную студию, потому что было много свободного времени, и с удовольствием там занимался. Прошло какое-то время, и мы поехали в Новосибирск на международный творческий конкурс-фестиваль «Будущее планеты». Я получил Гран-при и сразу был приглашен в Москву, в ГИТИС, в мастерскую Сергея Голомазова на второй курс. Был вольным слушателем на курсе, а на следующий год поступил на курс к Леониду Ефимовичу Хейфецу. По окончании режиссерского факультета ГИТИСа,

в 2016 году, меня приняли в труппу театра «Современник».

— Семен, кто является вашими учителями в профессии?

— Леонид Ефимович Хейфец, Наталья Алексеевна Зверева, Галина Борисовна Волчек, в данный момент — Виктор Анатольевич Рыжков мой учитель.

— Что нового в вашей творческой жизни сегодня?

— В театре выпустили «Иллюзии» в постановке Ивана Комарова по пьесе Ивана Вырыпаева. Это история двух супружеских пар, которые всю жизнь искусно обманывали друг друга.

Занят в спектакле «Живой» — постановка Виктора Рыжкова, художественного руководителя театра «Современник». На мой взгляд, спектакль очень яркий, пронзительный. В нем участвуют мо-

лодые артисты — двадцать один человек: звучит двадцать одна история о Викторе Цое и двадцать одна его песня.

Сценой спектакль не ограничился, в фойе театра прошла выставка, посвященная Цою, ее авторы — молодые художники московских арт-школ. Таким образом получился спектакль как неразрывная связь поколений.

Репетируем спектакль с народной артисткой РФ Лией Меджидовой Ахеджаковой «Первый хлеб» — по пьесе молодого драматурга из Екатеринбурга Рината Ташимова, режиссер — петербуржец Бениамин Коц.

Пьеса о жизни простых людей: в татарской семье пытаются женить сына, а он хочет уехать по контракту в горячую точку.

— А в кино что у вас нового происходит?

— Планируется проект «Фитин» — шестнадцатисерийный фильм для Первого канала, о советских разведчиках времен Великой Отечественной войны.

Павел Фитин — это известная историческая личность, он был самым молодым начальником внешней разведки СССР.

— Семен, какие спектакли вы посоветуете посмотреть в «Современнике»?

— Мы играем спектакль «Девочка Надя, чего тебе надо?» в постановке Ивана Комарова по киносценарию Геннадия Шпаликова. Премьера спектакля состоялась в октябре 2020 года на Второй сцене «Современника». Сценарий «Девочка Надя,

Фото Анастасии Трошиной

чего тебе надо?» при жизни автора не получил экранного воплощения, он, как и многие другие работы Шпаликова, был отвергнут на Мосфильме.

В нашем театре идут замечательные спектакли: «Шиллер» и «Врагин — история любви». Я в них не занят, но как зрителю они мне очень нравятся. Рекомендую посмотреть.

— В драматические театры вы ходите как зритель?

— Конечно, бываю в других театрах, по мере возможности, смотрю работы своих друзей. Тем, кто еще не видел спектакль Егора Перегудова «Месяц в деревне», советую пойти в МХТ имени Чехова.

Посмотрите спектакли режиссеров Юрия Бутусова и Дмитрия Крымова. Очень советую увидеть в Театре Наций «Иранскую конференцию» — режиссера Виктора Рыжакова, также постановку Алвиса Херманиса «Горбачев» с Евгением Мироновым и Чулпан Хаматовой в главных ролях.

— Какие качества вы больше всего цените в людях?

— Я люблю смелых и свободных людей, уважаю честных людей, которые не мимикрируют...

**— Любите ли путешествовать?
Где уже успели побывать?**

— Мы, артисты, много гастролируем, с театром побывали в разных странах, но особенно мне понравилось в Лондоне, в Иерусалиме — красивейшие города с древней историей, мне нравится Израиль — готов туда постоянно возвращаться. Славится своим гостеприимством Тбилиси — там можно совершить замечательные прогулки по старинному городу, вкусно поесть. Нравится Азия с ее буддистским духом свободы...

— Что лично для вас означает театр?

— Для меня театр — это место Силы. В театре я могу отстранить-

ся, отвлечься от чего-то или, наоборот, сконцентрироваться...

**— У вас есть увлечения?
Чем занимаетесь в свободное время?**

— Я люблю кино, чтение, иногда что-то пишу, зимой мне нравится сноуборд. Если есть возможность, стараюсь проводить время с семьей. Сейчас увлекаюсь написанием сценариев и в будущем сам планирую снимать кино.

— Что могли бы пожелать читателям «Смены»?

— Держите руку на пульсе и чувствуйте время! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Роберт Фальк

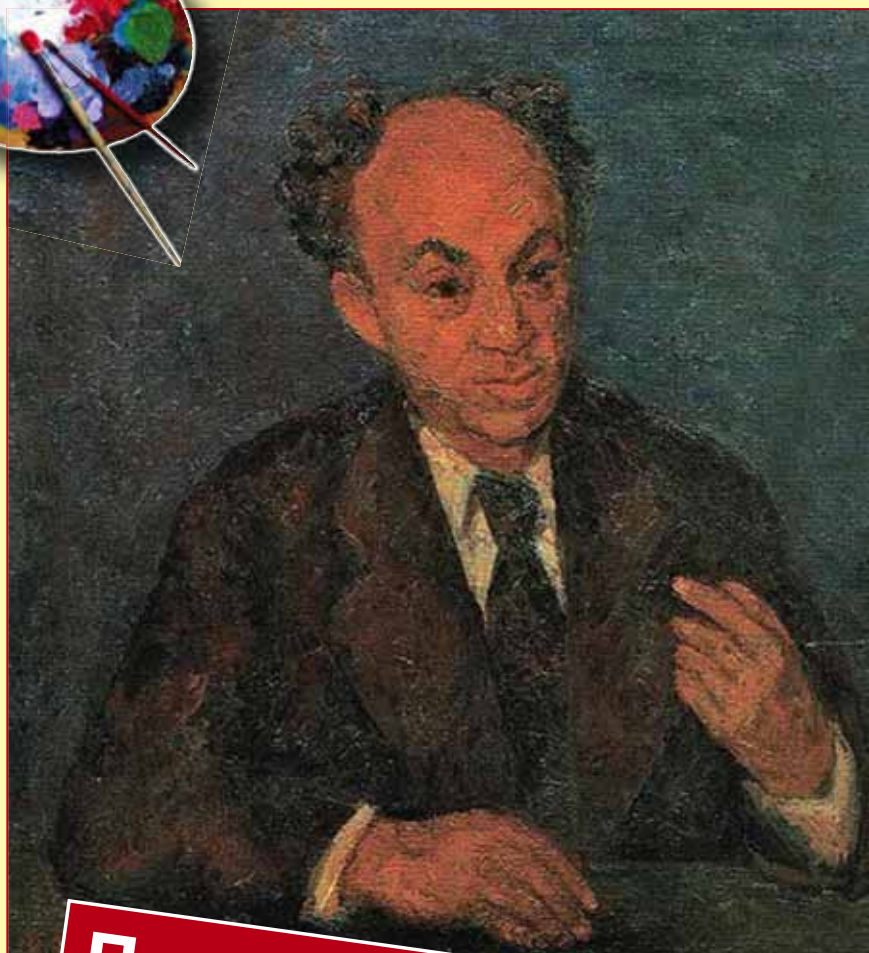
Ирина Опимах

*Роберт Фальк.
Автопортрет*

Эти два ярчайших, талантливейших человека, художник Роберт Фальк и актер Соломон Михоэлс, были знакомы и дружны много лет. И недаром портрет Михоэлса кисти Фалька так выразителен — он написан с большой любовью и с глубоким пониманием судьбы и всего того, что Михоэлс сделал для искусства и своего народа. Судьба этого портрета была непростой...

**Портрет
Соломона Михоэлса**

Роберт Фальк родился в Москве, 15 октября 1886 года. Его отец был преуспевающим московским юристом, присяжным поверенным, да к тому же — известным шахматистом.

Родителям очень хотелось, чтобы их сыночек, их Роберт стал если не адвокатом или врачом, как принято в приличных еврейских семьях, то хотя бы музыкантом — на это у них

были основания, он проявлял незаурядные музыкальные способности. Но однажды ему подарили краски... «Летом 1903 года, — рассказывал сам Фальк в автобиографии, — мне подарили масляные краски, и я страстно увлекся живописью. По целым дням я проводил время со своим этюдником и старался передать все подробности любимшегося мне пейзажа. Это был, может быть, единственный счастливый период, когда я был вполне доволен своими произведениями. Я решил бросить музыку и стать художником».

Быть художником — значит, обречь себя на нищету, голодное божественное существование — так думали родители Роберта. Однако отговорить сына, поставить его на верную дорогу никак не получилось. Однажды отец ему сказал, что он бездарен. Ответ Роберта был таков: «Пусть я буду совсем плохим художником, но я хочу быть только им». И Роберт стал учиться — в школах-студиях Юона и Машкова, а затем в Училище живописи, ваяния и зодчества, где его преподавателями стали Валентин Серов и Константин Коровин. Вскоре Фальк был уже членом объединения «Бубновый валет». Начались выставки, пришел первый успех. Продав одну картину, Фальк на полученные деньги отправился в Италию: Рим, Верона, Парма, Милан, Пиза, Венеция, Ассизи, Сиена... Он впитывал в себя роскошные итальянские пейзажи, за-

вораживающую архитектуру и, конечно же, потрясающее искусство старых итальянских мастеров.

Наступил 1917 год, в стране произошла Октябрьская революция. Фальк принял ее как неизбежность, как нечто, что изменить нельзя. Для него это было время голодное, когда нужда преследовала во всем — не хватало еды, одежды, красок. Но это было и время необыкновенных надежд! Он преподавал и много работал. Тогда и началось его сотрудничество с ГОСЕТом, Государственным еврейским театром, которым руководил его основатель, выдающийся режиссер Алексей Грановский и в котором работал великий советский актер Соломон Михоэлс. Фальк очень серьезно и с большим увлечением относился к своей сценографической работе и, по сути, был вторым режиссером спектакля. Он говорил: «У меня всегда есть стремление вести спектакль по своему пути. ... Я вижу внутри себя всю сцену в целом: и декорации, и актеров в костюмах и гримах. Поэтому часто посещаю репетиции, чтобы представить мизансцены и учесть их в своей работе».

Он был автором декораций к нескольким спектаклям, поставленным в 1920-х годах, среди них «Ночь на старом рынке», «Человек воздуха», «Беньямин из Туделы».

В 1928 году ГОСЕТ отправился в Европу на большие гастроли. И Фальк как художник театра поехал вместе с труппой. Первой оста-

новкой был Париж. Великолепный Париж, запечатленный импрессионистами. Яркий, полный жизни, света и цвета. Столица мирового искусства, где был Лувр и где в это время работали лучшие художники XX века. И он решил остаться в столице Франции. Поменять обстановку, окружение. И, может, устроить здесь выставку своих работ. «Жизнь у нас здесь весьма деловая, — рассказывал Роберт матери в одном из писем. — Заводим знакомства, не простые, а всякие такие, имеющие отношение к будущей выставке. Критики, знакомые критиков, торговцы картинами. С утра к нам приходят люди, которым приходится показывать картины, а после этого выслушивать комплименты... И, как всегда, у меня начинается раздражение против такой жизни. Хочется писать, писать и писать, чтобы обо всей этой прозе забыть...»

Шло время, и очарование Парижа постепенно рассеивалось. Много оказалось совсем не таким, каким выглядело поначалу. Понемногу Фальк стал понимать, что тут, в Париже, «до тебя нет никому дела, никто к тебе не пристаёт, но никто о тебе и не думает, там можно спокойно подохнуть, и никто не заметит». Он жил небедно, в комфорте и уюте, его выставки имели успех и картины продавались, но первым художником Парижа он не стал. Умный, тонкий человек, он чувствовал, что на Европу надвигается страшная волна фашизма. Все ча-

ще и чаще приходила мысль о возвращении в Россию...

Фальк вернулся в СССР в 1937 году. В страшном 1937-м, году жесточайших сталинских репрессий. Одним из первых его встретил друг Михоэлс. «Нашел время возвращаться!» — с горечью сказал он. Из далекого Парижа все происходившее в стране выглядело вполне невинно, но Михоэлс, уже давно вернувшийся из зарубежных гастролей, не испытывал никаких иллюзий. Он все хорошо понимал, этот уже немолодой, мудрый еврей. Людей арестовывали по разным поводам, иногда и вовсе без повода. Но случилось чудо — Фалька не арестовали! А ведь легко могли сделать его французским шпионом, сгноить в лагере или просто расстрелять как врага народа. Возможно, его спасло то, что одно время его женой была дочь Станиславского, а возможно, помог Андрей Юмашев, летчик-испытатель, герой Советского Союза, которому Фальк давал уроки живописи. Так или иначе, он уцелел в годы сталинского террора. Его просто не заметили — в СССР такой художник был не нужен. Его забыли. И это тоже была смерть — не физическая, но очень страшная для любого художника.

Друзья подкидывали ему работу — чтобы не умер с голода. Эренбург устроил ему дело в Камерном театре, и Михоэлс привлекал его снова к работе в ГОСЕТе. (Бывший руководитель театра Грановский остался в эмиграции

«Старая Руза»

и теперь главой ГОСЕТа был Михоэлс).

А потом началась война. В эвакуации Фальк жил в Самарканде. Голодал, болел, но продолжал работать — писал картины и давал уроки живописи; брался за все, что могло принести хоть какие-то деньги. И играл на пианино — музыка ему помогала пережить тоску и одиночество.

После войны он вернулся в Москву. И снова был рядом с Михоэлсом. А Соломон уже был не просто руководителем одного из лучших московских театров — он стал главой Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), организованного,

конечно, при участии советского правительства и спецслужб. В 1943 году Михоэлс вместе с поэтом Фефером в качестве представителей ЕАК посетили США, Канаду, Мексику и Англию. Задача перед ними была поставлена грандиозная — собрать деньги на строительство, как минимум, 1000 самолетов и 500 танков. Эту задачу посланцы Советского Союза перевыполнили! Но у них была и вторая задача — убедить Запад, что СССР является гарантом и спасителем всего мирового еврейства. Михоэлс и Фефер выполняли и это задание правительства — на огромных митингах, на которых собиралось десятки тысяч

«Канал Сен-Мартен, Париж»

человек, Михоэлс говорил о том, что в Советском Союзе нет никакого антисемитизма, даже намек на него. Вдохновленные услышанным, десятки женщин снимали с себя драгоценности и отдавали их на нужды Красной армии. На одном из митингов зрители в ажиотаже устремились прямо на сцену, чтобы обнять Михоэлса. Сцена не выдержала, пол проломился, Соломон рухнул вниз и — сломал ногу. В таком состоянии, на костылях или в инвалидном кресле, он ездил по Америке, Мексике и Канаде. И приобретал все большее влияние и за рубежом страны, и в самом СССР...

Фальку был интересен Михоэлс и как человек, и как актер, и как выдающийся общественный деятель, каким он стал в конце войны. Он работал над его портретом многие годы. Сделал множество набросков. А портреты ему всегда удавались. В знаменитой книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург писал: «...Писателю потребовались бы тома, чтобы рассказать о своем герое, а Фальк этого достигает цветом: лицо, пиджак, руки, стена — на холсте клубок страстей, дум, пластическая биография». «Пластическая биография» — очень точное определение. Однаж-

«Московский дворик»

ды Фалька спросили, почему все его портреты написаны анфас. «Да ведь профиль — это то, что дано человеку от природы, — ответил художник, — а фас есть результат того, что жизнь сделала с человеком или он сам сумел из себя сделать...»

В 1948 году Фальк снова начал писать Михоэлса. Теперь это уже был большой, настоящий портрет. И он получился. На портрете — мудрый, много испытавший в жизни человек. Человек, отдающий все свои силы людям и искусству.

А вскоре его не стало. Последний спектакль, в котором участвовал

Михоэлс, был «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема. История его смерти сегодня известна почти всем. Злодейское убийство случилось в Минске, в ночь с 13 на 14 января 1948 года. В столице Белоруссии он был в командировке — должен был посмотреть спектакли минских театров, выдвинутых на соискание Сталинской премии. Народу сказали, что Михоэлса задавил грузовик. Мол, несчастный случай. На самом деле, это была великолепно спланированная операция по ликвидации человека, ставшего ненужным и, по тем или иным причи-

«Дворик в Крыму»

*Автопортрет
в красной феске*

нам, мешавшего Сталину и его окружению.

Рассказывают, что накануне отъезда в Минск Михоэлс обошел все примерные и каждому актеру своего театра пожал руки, а своему другу Зускину сказал: «Ты скоро займешь мое место». Объехал всех друзей — прощался, как будто навсегда, хотя уезжал всего на не-

сколько дней. А перед самым отъездом заехал к жене еще раз попрощаться. Она удивилась: «Зачем? Мы же увидимся через пару дней. «Ты думаешь?», — ответил он. Как чувствовал...

После смерти Михоэлса и арестов его друзей обстановка в стране была напряженной. Все спали очень чутко, боясь ночью услышать

скрип лифта, звонок в дверь. Боялся, что его арестуют, и Фальк.

«В 1949 году, — рассказывает дочь Михоэlsa Тала, — когда возобновилась волна массовых арестов, Роберт Рафаилович, уверенный, что на этот раз ему не избежать общей участи, стал придумывать способ, как спасти портрет отца. Наша с ним подруга Майя Левидова говорила мне, сколько вариантов он отверг, прежде чем решил замазать полотно маслом, — «когда придет время, отмоем!» И он действительно отмыл, когда пришло время, и подарил портрет папиной жене Асе».

А Фалька снова не тронули. Но по-прежнему не замечали. Правда, иногда, походя, обвиняли в формализме, упадничестве, «уходе от проблем советского народа». Его картины никто не видел на выставках, а, следовательно, и не покупал. Эренбург писал, что «Фальк считался живо похороненным». Но несмотря ни на что, этот мужественный человек не изменял себе и продолжал работать — так, как считал нужным. И мастерство его только набирало силу... «Как грустно и обидно! Прожил целую жизнь, и только теперь понял, как надо по-настоящему работать. Но нужных сил больше нет,

их будет все меньше и меньше...»
Он всегда был к себе предельно требователен.

В 1957 году Фальк написал автопортрет — «Автопортрет в красной феске». Это — его прощание с миром. С картины на нас смотрит ус-тавший, разочарованный, однако не сломленный испытаниями человек. Вдова художника Ангелина Васильевна Щекин-Кротова вспоминала: «Первая попытка его (без фески) не удовлетворила, а меня просто испугала — такой мукой был наполнен этот образ. Я запротестовала, заплакала: "Разве в твоей жизни не было счастья, достижений, свершений?" — спрашивала я с горечью». И тогда появилась эта феска — красное яркое пятно, символ надежды.

Он просил о выставке в 1954 году. Ему отказали. Впервые за много лет его выставка состоялась в 1958-м — в маленьком старом помещении МОСХа. Борис Слуцкий в стихотворении «Старое синее» писал:

*Громяхая костями,
но спину почти не горбят,
в старом лыжном костюме
на старом и пыльном Арбате,
в середине июля,
в середине московского лета —
Фальк!*

*Мы тотчас свернули.
Мне точно запомнилось это.*

...

*Я же рядом шагал,
Молчаливо любясь мундиром
Тех полков, где
Шагал — рядовым, а Рембрандт —
командиром,*

*И где краски берут
Прямо с неба — с небес отдирают,
Где не тягостен труд
И где мертвые не умирают.
Так под небом Москвы,
Синим небом, застиранным,
старым,
Не склонив головы,
Твердым шагом, ничуть не усталым,
Шел художник, влачил
Свои старые синие крылья,
И неважно, о чем
Мы тогда говорили.*

Фальк в это время был уже смертельно болен. Но, наверное, все-таки радовался, что хоть какие-то его картины увидят друзья и те, кто его еще помнит. И эта выставка действительно стала очень важной для артистической Москвы. А потом туда же, в это же самое помещение, вскоре пришли люди попрощаться с ним — Фальк умер 1 октября, и гроб поставили в центре этого большого зала.

А совсем недавно большая выставка Фалька прошла в Третьяковской галерее. Это было огромное событие для всей России. В Москву привезли картины из разных музеев и из разных стран. Там было много выдающихся полотен мастера, и среди них — его последний автопортрет, в красной феске, и тот самый портрет Соломона Михоэлса. Документ времени, прекрасная работа и памятник большой дружбы выдающегося актера и выдающегося художника, Соломона Михоэлса и Роберта Фалька. □

Дмитрий Зелов

РУСКЕАЛА: погружение в мрамор

Фото автора

Может ли обычный заброшенный карьер превратиться в притягательный для тысяч туристов объект культурного наследия? Да! — если это карельский горный парк Рускеала.

На берегу реки Тохмайоки, что в 30 километрах к северу от карельской Сортавалы, расположился бывший мраморный карьер, а ныне популярный природный парк Рускеала. Суровая красота северной природы и величие каменных гор, резко обрываю-

щиеся вниз скалы и прозрачная до дна, невероятная в своей голубизне вода в обрамлении подступающих к самому краю расцвеченных золотом осени разноцветной листвы деревьев, — вся эта картина завораживает и притягивает как магнит.

Добыча мрамора активно велась здесь в позапрошлом и прошлом веках. А Сортавала в русской истории хорошо известна под именем Сердоболя — многие дворцы и набережные северной Венеции облицованы камнем из окрестных ломок, как называли, согласно отечественной дореволюционной традиции, месторождения гранита и мрамора тех мест.

Ломки мрамора в Рускеале были обнаружены еще в начале правления матушки Екатерины. В 1765 году

пастор Самуил Алолеус, а по совместительству вездесущий краевед и неутомимый минералог-практик, обнаружил здесь большие залежи мрамора, которые вскоре пошли на строительство культовых символов северной столицы России — Казанского и Исаакиевского соборов. Кстати, во время их сооружения рускеальские горные выработки неоднократно посещали главные зодчие соборов Андрей Воронихин и Огюст Монферан. Мраморный дворец Санкт-Петербурга тоже в значительной степени обязан своему существованию карельскому мрамору из Рускеалы.

Первыми же разработками мрамора в 1765–1767 годах здесь руководил «каменных дел подмастерье» Андрей Пилюгин, которого консультировали итальянские специалисты.

В сентябре 1767 года в Рускеалу из столицы приехали горные инспекторы — гвардии капитан Кожин и полковник Иван Васильевич Зверев. Они осмотрели месторождение и составили подробный отчет о проделанной работе. В итоге, 19 января 1768 года императрица Екатерина II подписала указ Сената о начале разработки мрамора в Рускеале. И уже на следующий год Кожин с привлечением итальянских мастеров организовал в сих краях обширную добычу мрамора.

На ломке ценного камня в Рускеале было заложено аж целых пять карьеров, на которых с помощью бурения и пороховых зарядов добывался мрамор четырех цветов — пепельно-серого, серо-зеленого, белого с серыми прожилками и бело-

сине-серого. Добычей ценного камня занималось до полутысячи местных жителей.

Пастор Алолеус был пытливым естествоиспытателем и свои практические изыскания по минералогии обобщил в труде «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии», который посвятил генерал-адъютанту Екатерины Великой, графу Федору Евстафьевичу Ангальту. За свои научные штудии Алолеус в 1789 году был избран членом Вольного экономического общества.

Но как же бывший некогда горный карьер по добыче мрамора превратился в водный каньон? Все дело в том, что из-за трагических событий Второй мировой войны большая часть месторождений в те годы не функционировала. Грунтовые воды постепенно заполнили многие из некогда бывших штреков и штолен Рускеалы, а откачать воду не представлялось возможным.

Добыча мрамора в блоках по инерции еще производилась вплоть до 90-х годов прошлого столетия, но в небольшом объеме и преимущественно для вспомогательных целей:

производства извести, декоративной крошки, известковой муки и щебня разных фракций.

Новая жизнь Рускеалы началась на рубеже тысячелетий, когда на месте бывшего карьера был создан быстро завоевавший популярность у туристов горный парк «Рускеала». В наши дни это не только место, где можно великолепно отдохнуть на природе всей семьей, попутно познакомившись с историей Карелии. Помимо стандартных пеших маршрутов или прогулке на лодке по бирюзовой глади Мраморного каньона туристы могут пощекотать нервы, устроив себе скоростной спуск вдоль всего каньона (400 метров) на троллее или прыгнуть (с веревочной страховкой) с мраморного утеса высотой в 20 метров. Причем весь этот экстрим абсолютно безопасен!

С 2017 года в горном парке проводятся летние музыкальные фестивали «Ruskeala Symphony», биле-

ты на которые тут же разлетаются как горячие пирожки. А с позапрошлого года в Рускеалу из Сортавалы прибывает специальный ретропоезд на паровой тяге, стилизованный под фирменный «Николаевский экспресс» начала XX столетия. Одно лишь только зрелище старинного, окутанного парами дыма, призывно собирающего на станцию своим свистом пассажиров паровоза завораживает невероятно и надолго остается в памяти. Кстати, на сегодняшний день «Рускеальский экспресс» — единственный в стране ежедневный поезд на паровой тяге!

...Золотая осень — прекрасная пора, чтобы отправиться в путешествие. И Карелия, которая непременно будет вам долго сниться, и горный парк «Рускеала» подарят вам гамму незабываемых впечатлений и эмоций, зарядив здоровьем, бодростью и оптимизмом на грядущую, уже не за горами, зиму. □

Ирина Путяева

Любите друг друга!
Любите друг друга —
пока над землею шумит листопад —
как будто бы пущена шапка по кругу
со звонкой монетой минутой назад.
Любите друг друга!
Миг вспыхнул от спички,
к свече поднесенной,
но что это — сон?
Земля — как последний вагон электрички?..
Ты счастлив, успевший в последний вагон?

Любите друг друга!
Любите друг друга!
Почаще бы нам выходить на крыльцо!
Ты бесчеловечна,
вселенская вьюга,
покрывшая воском
в морщинках лицо.

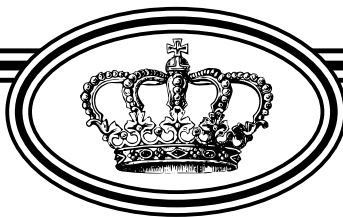
Любите друг друга!
Мы скрипки и флейты.
Мы тени и звуки...
А значит, вольны однажды порваться
— ну что ж, не жалейте! —
со скоростью кем-то задетой струны...

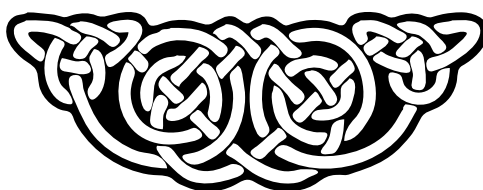
О, как пленительны орбиты
ромашки, облака, луны —
как будто кружева разлиты
по тонким лезвиям спины.
Иное их предназначенье
себе не мыслю...
Видит бог,
прекрасна жизнь;
ее течение —
неубедительный предлог.
Ты существуешь ежечасно
в сплетенье рук, колоколов...
Я слышу музыку причастья
сквозь веки синих васильков.
Тому, что будет,
не перечу.
Из прежних, недопетых снов,
иду, иду тебе навстречу
в лохмотьях алых парусов.

Дождь заплачет, за платье заплатит —
отпоет, отгуляет звонарь...
Под окном затоскует фонарь —
верный мой оловянный солдатик.
Будет снег кружевной, как во сне,
будет свет полусонный струиться.
Оттанцует капель по весне...
Будут сцены меняться и лица.
Но однажды в сумятице лет,
боже, дай мне на миг оглядеться:
спит ромашковый кордебалет
в голубых декорациях детства.

НАЧАЛО НОВОЙ ДИНАСТИИ

Царю Михаилу шел третий десяток. Он уже не раз был женат, правда, по странному стечению обстоятельств, его супруги после свадьбы начинали страдать сильным недугом, а посему ни о каком здоровом потомстве не могло быть и ре-

чи. Но негоже государю российскому холостяком оставаться, не похристиански это. Не дай бог, что случится, и все! Конец династии. Опять на народном вече нового царя-батюшку на царство звать придется.

*Царь
Михаил*

Писцы Посольского приказа докладывали, что у короля Дании имеются девицы на выданье. К сожалению, не родные дочери, но все же «чистая кровь», потому как — племянницы. Ан не вышло. Не захотели датчане их в далекую Московию отдавать. Припомнили, что был в прошлом прецедент. Королевича Иоанна отправили в Москву для сватовства к Ксении Борисовне Годуновой. А тот в столице российской неожиданно заболел, да и скоропостижно преставился. Кроме того, кандидатки в невесты не соглашались на главное требование русичей: переход в веру православную. Ни знатные бояре, ни простолюдины даже в страшном сне не допускали такой возможности, чтобы государыня-матушка была с народом своим не одной веры. Искали невесту в заморской Скандинавии. Посылали сватов к Екате-

рине, сестре бранденбургского курфюрста. И везде отказ. Все дамы, как одна, не желали переходить в православие.

Время шло... Минул год со дня смерти супруги царя Михаила, и траур закончился. Государь, наконец-то, прислушался к уговорам матери и повелел устроить смотрины местных, русских невест. По высшему разряду.

Шестьдесят девушек из самых знатных родов были вызваны в царские палаты. В Белокаменную со всех концов государства потянулись ряды повозок с потенциальными царицами. Их сопровождали близкие и дальние родственники. Михаил от щедрот царских каждой претендентке пожаловал расшитые золотом одежды и велел, чтобы именно в них девушки являлись пред его очи. Мать государя, инокиня Марфа, лично осмотрела каждую и тайно побеседовала. После этого родственникам претенденток было велено разъехаться по домам. Девушкам же отвели специальные комнаты и позволили оставить при себе по одной прислужнице.

Затем уже Михаил, как до этого его матушка, беседовал персонально с каждой. Правда, не долго, перекидывался парой фраз, для знакомства. Специально созданная «отборочная» комиссия выбрала сначала двадцать четыре девушки, из которых в конечном счете осталось двенадцать. Их тут же еще раз осмотрели придворные медики. Ведь царю-батюшке требовалась не ткачиха или повариха, а очень здоровая де-

вица. Ей же предстояло самого царевича рожать.

— Не томи, сын мой, выбрал-таки? — Инокиня Марфа заламывала руки. — Уж сколь раз вызываем бедных девушек. Тебе-то легко. Надел летний камзол и расхаживаешь гоголем по хоромам. А они, бедняжки, в тяжелых парчовых нарядах, да еще бус на себя целый пуд напялили, того и гляди, в обморок брякнутся. Этого никак допустить нельзя, ведь все из самых знатных родов.

— Ладно, будь по-твоему! Вечером объявлю свою волю. Жена моя, будущая, точно сейчас присутствовала в палатах.

— Имя назови. Матери, почитай, уже сейчас знать можно. Не терзай душу, государь!

— Я сказал — вечером! А сейчас ступайте к себе. Мне подумать надобно. Хорошенько.

Вечером девиц собрали в палате, и Михаил, внимательно оглядывая каждую, вдруг произнес:

— Избранницы моей нет здесь.

— Государь, не извольте сомневаться. Все здесь. Двенадцать. Давеча вы сказали матушке Марфе, что уже приняли решение, и наша будущая царица-матушка одна из этих.

— Сказал, нет ее здесь, значит, нет! И не смей перечить государю! Я ведь могу и палача кликнуть! Была днем еще одна такая, шустрая, остроглазенькая. Ее выбираю. Вот вам мое царское слово! Разыщите! И немедленно сюда! Пове-

леваю, чтобы отныне сидела подле меня. Всегда!

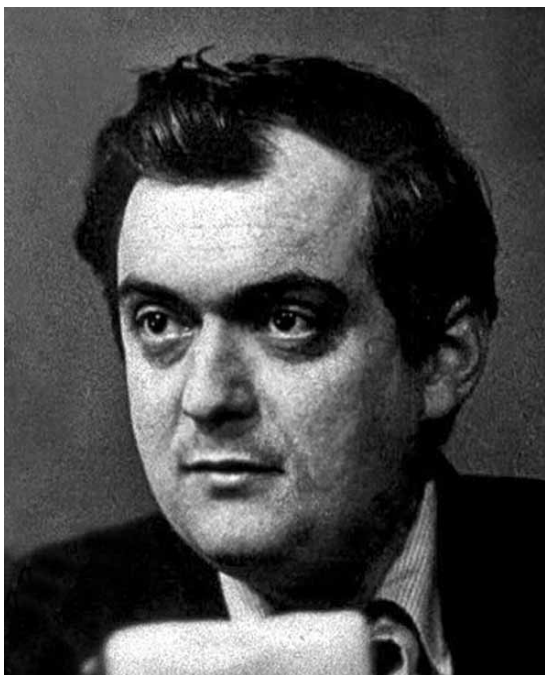
— Кто это? Кто? — зашептали придворные, а по щекам претенденток потекли слезы. Минуту спустя стены дворца уже сотрясал несдерживаемый разноголосый девичий рев.

— Ба! Да это же Евдокия! — наконец догадался один из придворных. — Прислужница вон той боярышни. Надо же! Во девке счастье-то привалило! Пошлите скорее за ней, пока царь окончательно не осерчал! Смотрите, как грозно очами сверкает.

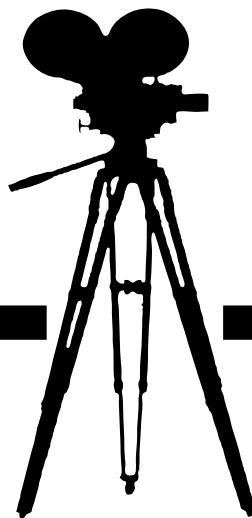
Пока бегали и искали Евдокию, Михаил заглянул в палату к матери.

— Матушка! Запомните! На сей раз будет по-моему! И я от своего слова более не отступлюсь! Люба она мне! Из худого рода — так и что? Наш же род, русский. И отныне он будет знатен. Эй, писарь где? Ходь сюда! Бери перо. Пиши. Свадьба. Скромная. Не пышная. Неча казну на пиршество изводить! Состоится...

На этот раз избранницу сторожили лучше, чем царскую казну. Очень сильно опасались случая «внезапной хвори». Через год царские палаты огласил крик первенца. Увы, это была девочка. Затем родилась еще одна дочь, Пелагея. А вот третьим был будущий царь Алексей Михайлович. Выбор государя оказался верным. Царица произвела на свет аж десять детей. Род Романовых продолжал свое существование триста лет. И прервался в одна тысяча девятьсот... На этом и остановимся, ибо конец династии — это уже совсем другая история. □

«ГЛАЗА зрачками в душу»

*Стэнли
Кубрик*

Через четыре дня после сдачи первой монтажной версии фильма «С широко закрытыми глазами» умер кинорежиссер Стэнли Кубрик, один из последних гигантов экрана минувшего века. Художник и человек, вызывавший резкую антипатию у одних и восторженное поклонение у других. Дотошный педант и одержимый перфекционист, годами шлифовавший каждую свою картину, он поляризовал мировое общественное мнение собственным творчеством, которое не укладывается в привычные нормативные рамки. Поклонники в разных странах называли его «открывателем новых горизонтов визуальной выразительности», «проводником в область неизведанных смыслов». Противники же находили Кубрика маловразумительным, претенциозным и скучным.

Неуживчивый, язвительный, бескомпромиссный, абсолютный диктатор на съемочной площадке, он мечтал экранизировать роман Умберто Эко «Маятник Фуко» и отказался от постановки, не желая уступить прославленному писателю право написать сценарий экранизации собственной книги. В послужном списке Кубрика насчитывается всего 15 фильмов (включая короткометражные), однако для понимания их

масштаба достаточно назвать только три: «2001: Космическая одиссея», «Заводной апельсин» и «Сияние». Причем в последней картине, «оскароносной», он использовал один процент отснятого материала, а премьеру ее откладывал в течение почти трех лет, держа в напряжении киноманов по всему миру...

Им владели навязчивые идеи, всплывавшие в каждом его фильме — война и дегуманизация Человека. Он раз за разом воспроизводил знаковые образы, снимая лабиринты и коридоры, непременно ванную комнату, часто включая в «картинку» число 114. В фильмах Кубрика торжествует Образ в чистом виде, разум в них отодвинут на второй план, а язык, речь выступают не его продуктами, но производными окружающей среды, своеобразным «шумовым фоном», либо же несут чисто служебную функцию. Такое подчеркнуто пренебрежительное отношение к словам было вызвано убеждением режиссера в том, что слова — весьма неточное средство для выражения истины.

Он был затворником, причем его самоизоляция являлась вполне осознанной. Кубрик очень редко давал интервью и чуть ли не единственный раз позволил запечатлеть себя на киноплёнке и то лишь — дочери, допущенной им снимать рабочие моменты «Сияния». При этом он многое сказал своими фильмами миру об угрозах цивилизации и занимал определенную гражданскую позицию.

Стэнли Кубрик родился в июле 1928 года в Нью-Йорке и стал первенцем еврейской семьи Джейкоба Кубрика и Сэди Гертруды Первелер. Отец окончил медицинский колледж и работал хирургом в больнице. Семья по местным меркам считалась обеспеченной и не слишком придерживалась иудейских традиций, так что Стэнли вырос атеистом.

Детство его прошло в Бронксе. В 12-летнем возрасте отец обучил мальчика игре в шахматы, которой он был одержим всю жизнь. Через год ему была куплена фотокамера, положившая начало увлечению Стэнли фотографией. Учеником старших

классов он освоил ударную установку в школьном свинг-ансамбле и одно время даже собирался стать джазменом. Подросток вообще занимался только тем, что ему было интересно, поскольку родители его очень любили и предоставляли полную свободу действий.

Школу он окончил со средними баллами и в университет поступить не смог. Родители отправили его на год к родственникам в Лос-Анджелес. Вернулся Стэнли убежденным фотографом, начав практиковаться еще в школе, и нашел работу независимого фотокорреспондента в престижном журнале «Look». Кроме то-

*«Заводной
апельсин»*

Справа:
*«Поцелуй
убийцы»*

го, подрабатывал игрой в шахматы на лужайке Вашингтон-сквер и в шахматных клубах Манхэттена.

В 1948 году будущий режиссер женился на Тоби Метц и поселился с ней в районе нью-йоркской артистической богемы Гринвич-Виллидж. Брак оказался неудачным, в 1951 году супруги развелись, и Кубрик продолжил «автономное плавание», которое привело его на кинопоказы в эталонном манхэттенском Музее современного искусства. Молодой человек постепенно стал завзятым киноманом, особенно вдохновляясь творчеством немецкого мастера М. Офюльса, который снискал известность образцовыми экранизациями литературной классики и оказал существенное

влияние на авторский стиль самого Кубрика. Пройдет, однако, еще десять лет, прежде чем он отважится на свой первый режиссерский опыт — снятию на собственные деньги короткометражку «День схватки».

Кубрику повезло продать ленту за 100 долларов кинокомпании RKO. Воодушевленный успехом, отважный дебютант уволился из журнала и взялся за вторую документалку «Летающий падре», а затем и за третью — «Морские наездники», представлявшую собой получасовой рекламный ролик и ставшую его первым цветным фильмом. Ну а стартом к авторским, но еще достаточно заурядным фильмам будущего великого режиссера послужила художе-

ственная короткометражка 1953 года «Страх и вождделение», рассказывающая об отряде солдат, пойманных в тылу врага во время боевых действий. Увы, получив положительные отзывы критики, картина провалилась в прокате, и Кубрик впоследствии называл ее любительской работой.

Во время съемок «Страх и вождделения» распался первый брак Кубрика (как говорится, одно к одному). Вскоре, правда, он встретил свою вторую жену, танцовщицу и театральную художницу австрийского происхождения Рут Сobotка, с которой счастливо прожил в Ист-Виллидж до 1955 года, когда состоялась их свадьба. Летом они переехали в Голливуд, где Стэнли про-

должил на собственные средства и пожертвования друзей штурмовать бастионы киноискусства, сняв еще один небольшой по хронометражу и весьма скромный по художественным достоинствам фильм «Поцелуй убийцы», в котором Сobotка сыграла эпизодическую роль и который свел его с продюсером Дж.Харрисом. Они подружились и даже стали соучредителями независимой кинокомпании «Kubrick productions», запустившей в производство три следующих ленты Кубрика.

Первой из них стал фильм «Убийство» по роману Л.Уайта «Перерыв на чистку». Кубрик рискнул приобрести права на экранизацию книги и сам написал сценарий. Несмотря на восхищенные

рецензии и отзывы критиков, фильм финансового успеха не имел. Жанр нуар, в котором он был снят, прошел пик популярности еще в 1940 году. Тем не менее, сюжетные коллизии, приемы режиссуры и изобразительное решение картины вдохнули в этот жанр новую жизнь, и сегодня «Убийство» считается неоклассикой нуара.

Громкая известность ленты побудила гиганта голливудской киноиндустрии — студию «Мэтро Голдвин Майер» предложить Кубрику

свою богатейшую коллекцию купленных прав на экранизации произведений именитых писателей. Режиссер выбрал довоенный роман Х. Кобба «Тропы славы». Одноименный фильм Кубрика 1957 года уже по-настоящему прославил его имя. Спилберг называет этот фильм в числе своих самых любимых. Библиотека Конгресса США включила «Тропы славы» в Национальный реестр хранения. Картина стабильно входит в первую сотню списка 250 лучших фильмов мира.

Стоит отметить, что в период создания «Убийства» и «Троп славы» экранные приоритеты постепенно менялись. К концу пятидесятых главным для режиссера, продюсера и исполнителей главных ролей стало умение справляться с киноэпопеей. Ее эру открыла в 53-м широкоформатная голливудская «Багряница». Теперь массовый зритель жаждал масштабного, панорамного кинозрелища в сопровождении стереозвука. Только таким зрелищем можно было уцелеть в жесточайшей конкуренции со стремительно развивающимся телевидением.

Кубрика все это не волновало, он преследовал в творчестве свои, мало кому понятные цели. В «Тропах

славы» сохранил сюжет литературного первоисточника, но почему-то изменил все имена и снимал фильм в Германии, доставив туда полный состав американских актеров. (Подобная история повторится и в последнем фильме мастера «С широко закрытыми глазами», где необходимые уличные локации Нью-Йорка заменили улицы и перекрестки Лондона с «подложенными» на экран задними планами мегаполиса на Гудзоне.) При этом, доводя до бешенства продюсеров, 28-летний режиссер снимал невероятно медленно, порой чуть ли не всего по два кадра за смену, руководствуясь только ему одному понятным замыслом, акцентируя еле уловимое

движение камеры и одновременно ее долгие крупные планы лиц.

Не слишком большое значение придавал он звучащему на экране слову. Это проистекало из его убеждения, что слова неточно выражают суть вещей, саму истину. Кубриковские фильмы раз за разом стараются доказать, что существуют сферы бытия, в которых язык как средство коммуникации уступает увиденному глазами. Напрашивается вывод: если изображение достаточно убедительно рассказывает историю, зачем в ней нужны слова? Вот почему в фильмах Кубрика, окрашенных черным юмором, либо же исполненных безнадежной горечью, душевные порывы, стремления, любовь — все исчезает, кроме власти, но и она быстротечна и обречена. Навечно остается только проникновенный взгляд человеческих глаз...

Экономия изобразительных средств, сжатый хронометраж и пун-

ктирное развитие действия в картине «Тропы славы» подчинены стремлению режиссера раскрыть психологические аспекты мировой бойни не только в окопах, но и на паркете светских салонов. Манера повествования исполнена едва сдерживаемым гневом, когда камера бесконечно панорамирует по траншеям, открывая в них все новые и новые детали на контрасте светотени, дыма и грязи — контрасте, усиленном монохромностью изобразительного решения фильма. В таком стиле камера почти 10 минут блуждает по промозглым траншеям, которые для свободного передвижения операторской команды пришлось на треть расширить по сравнению с реальными ходами сообщения. Эти сцены, буквально на грани документального репортажа, согласно съемочным стандартам середины прошлого века, признаны эталоном кинореализма.

Слева:

*Стэнли Кубрик
с третьей
женой
Кристиной*

*«С широко
закрытыми
глазами»*

Война представлялась Кубрику проявлением массового безумия, на фоне которого лишеным всякого смысла оказываются действия даже таких героических личностей, как полковник Добс, образ которого блестяще воплотил на экране звезда Голливуда Кирк Дуглас. Впечатленный работой с Кубриком, он пригласил его постановщиком на их следующий совместный фильм «Спартак», где Дуглас выступал также исполнительным продюсером.

На съемках картины у Стэнли произошла еще одна судьбоносная встреча. После окончания оспоренной критиками финальной сцены с участием единственной в фильме женщины — немки Кристиан Харлан, чья героиня попадает в плен к союзникам, молодой режиссер объяснился ей в любви. На следующий год они поженились (предваритель-

но Кубрик развелся со своей второй женой) и оставались вместе до самой смерти маэстро в 1999 году. Артистическую карьеру Кристиан оставила, взяла фамилию мужа, посвятив себя заботе о нем и живописи.

Вернувшись в США из Европы, Кубрик оказался на полгода задействован в съемках вестерна с Марлоном Брандо «Одноглазые валеты». Творческий альянс двух столь неуживчивых и противоречивых индивидуальностей не сулил ничего хорошего. Так оно и вышло. Их представления расходились по поводу целого ряда решений, ожесточенные споры не прекращались, и Брандо в конечном счете уволил Кубрика, решив закончить фильм собственноручно. Режиссер вздохнул с облегчением и отправился снимать «Спартак» (1960 г.)

«Спартак»

Справа:

«Лолита»

Фильм, основанный на реальной истории грандиозного, но все же обреченного на поражение восстания рабов в Древнем Риме, был очень трудным проектом. Между Кубриком и Дугласом постоянно возникали творческие разногласия, выливавшиеся в открытые конфликты. Кубрика буквально бесило отсутствие полной творческой свободы, и впоследствии он негативно оценивал свое участие в создании фильма, который удостоился четырех «Оскаров», полностью окупился в прокате и упрочил громкую славу режиссера. Дружба двух выдающихся кинодеятелей, родившаяся на съемочной площадке «Троп славы» была уничтожена в процессе съемок «Спартак». Годы спустя так и не остывший Дуглас назвал Кубрика «талантливым дерьмом».

Взявшись за картину с колоссальным бюджетом, по сценарию маститого Д. Тамбо и с участием К. Дугласа, Л. Оливье, Т. Кертиса, П. Устинова, 32-летний постановщик вспоминал потом, что «в фильме было все, кроме хорошей истории». Его сомнение и самоуверенность просто зашкаливали. Готовые выйти на площадку солисты, триста человек массовки в грубых домотканых хламидах под палящим калифорнийским солнцем на склоне холма долины Сан-Фернандо, где воссоздавался 71-й год нашей эры в римских предместьях; оператор с помощником, припавшие на колени к камере, осветители, колдующие у десятков мощных диггов, декораторы, костюмеры, гримеры... — все многочисленные члены съемочной группы нетерпеливо ждали, когда невзрачный угрюмый режиссер с бру-

клинским выговором отдаст, наконец, последние распоряжения ассистенту и поднесет к губам мегафон, чтобы скомандовать: «Мотор!»

Его постоянно торопили с графиком, требовали снимать быстрее, а он флегматично отвечал: «Я хочу именно так». И продолжал снимать два-три кадра в день, когда продюсеры настаивали на тридцати. В результате сошлись на семи.

Заработав репутацию монстра, Кубрик отбыл в Англию снимать «Лолиту» (1962 г.) по скандально знаменитому роману Владимира Набокова. Ближко знавшие его люди говорили, что Стэнли являлся преданным мужем и отцом двух дочерей, а также падчерицы, и что вообще он не был лишен чувства привязанности или сострадания, просто проявлял их на людях крайне редко. Умствен-

ная и физическая самоизоляция режиссера в работе со съемочной группой чаще всего проистекала из сознательного волевого акта. Сжигавшее этого человека внутреннее пламя выдавали лишь его глаза, просвечивавшие собеседника насквозь и исключавшие любого рода уклончивость.

С загадочным русским писателем Набоковым, который в «Лолите» впервые перешел на английский язык, переведя затем роман на родной, и который выступил одним из авторов сценария, американскому режиссеру пришлось нелегко. Набоков был не меньшим перфекционистом, нежели Кубрик, опасался переноса своей вымышленной истории о порочно-притягательной «нимфетке» в грубую реальность и полагал, что Лолиту должна сыграть не юная девушка, а взрослая актриса с под-

ростковой внешностью, обладающая при этом искушенностью зрелой женщины. С подобной концепцией Кубрик был не согласен. В поисках подходящей претендентки режиссер просмотрел 800 фотографий и, наконец, остановил выбор на 14-летней С. Лайон, которая до этого в течение года работала на телевидении и снималась в рекламе. Придирчивый Набоков выбор одобрил. На роль соавтора Лолиты, немолодого университетского профессора Гумберта режиссер и продюсер фильма утвердили британского актера Дж. Мейсона. Рассматривалась также кандидатура Питера Устинова, было сделано предложение и великому Лоуренсу Оливье. Тот, посоветовавшись со своим агентом, от заманчивого предложения отказался.

Фильм сразу же получил «запретительный» рейтинг от Общества добродетельных католиков. Организация «Католический легион» потребовала, чтобы совращение Гумбертом Лолиты было показано намеком и не в постели. Окончательная версия фильма избежала судебных разбирательств благодаря тому, что еще до выхода на экран подверглась серьезным цензурным исправлениям. Позднее Кубрик заметил, размышляя о фильме: «Я бы усилил эротический компонент их отношений, как это сделал Набоков. Однако эта единственная из областей, которую можно подвергнуть здоровой критике». «Лолита» была номинирована на семь наград «Золотого глобуса», и С. Лайон удостоилась этой престижной награ-

ды в категории «Самый многообещающий дебют молодой актрисы».

После съемок «Лолиты» Кубрик навсегда остался жить в Англии и почти сразу же взялся за проект своей следующей, культовой картины — «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (1964 г.) Сценарной основой фильма послужила книга «Красная тревога», написанная отставным капитаном авиации США П. Джорджом. Подлинная ситуация, которая могла привести к ядерному конфликту, предстала у Кубрика настолько гротесковой и абсурдной, что фильм можно причислить к жанру «черной» комедии. Режиссер беспощадно высмеял военную политику США, считавшуюся непогрешимой до момента выхода картины. Она пророчески отразила назревающие антимилитаристские настроения среди американской молодежи и среднего класса, обозначив прообразы будущих массовых протестных движений в стране.

Если «Доктор Стрейнджлав» явился первым социально ориентированным произведением Стэнли Кубрика, то затем пять лет жизни у него ушли на разработку фильма, который он хотел сделать «хорошей научной фантастикой» по восприятию зрительской аудитории. В результате получился едва ли не самый значительный и знаковый его фильм — «2001: Космическая одиссея». Захватывающая воображение звездная сага и нестареющий «учебник» режиссерского мастерства. □

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ обмен

«Ду-ду-ду...» — молотил о своем радиоприемник. Голову сверлила мысль о том, что дочь спасти надо. Четырнадцатилетняя, не окрепшая. С утра до пяти — школа. И до полуночи — та же школа ... но дома. Предметники заедают с докладами и рефератами. Три тысячи знаков, да отпечатай! К четвергу висит еще один такой: «Предпринимательство, как двигатель прогресса». Благо, Татьяна Михайловна научилась «лепить» их самостоятельно, причем быстро, между делами на кухне.

Размешивая в кастрюле, потянулась к красной кнопке приемника, но что-то остановило. Что-то нужное. Глянув на часы, сообразила: передача по типу давно забытого «рабочего полдня». В их ситуации — кладезь мудрости. Разумеется, все на коммерческой основе, зато доступно. Серьезное чередуется с развлекательным. Недавно повествовали о нашем олигархе, владельце нефтяных корпораций, отелей, кварталов недвижимости, радиостанций и прочего. А еще он пишет романы. Не иначе, как в свой рабочий полдень...

Трель звонка неожиданно скомкала все раздумья. Татьяна Михайловна метнулась к переговорнику:

— Кто?

— Откройте, вам телеграмма.

Дальнейшее пронеслось за пару секунд. Разглаживая клочок серой бумаги, в который раз она перечитывала. Чудаковатая телеграмма была с юга, от одинокой, не менее чудаковатой матери. С несвойственным ей почти де-

моническим сарказмом мать писала следующее: «Ольга моя после тридцати лет совместной жизни подложила мне свинью поменялась теперь у меня в соседях появится семейка аж из четырех человек станет «весело».

Отнюдь не блистая большим уважением к пунктуации, слово «весело» взяли зачем-то в кавычки, но это совсем не веселило.

— Как тебе такое? — Татьяна Михайловна раздраженно протянула мужу листок. — Ей за восемьдесят. К ней подселается семья из четырех человек. Ясно, что дело пойдет на выживание. Спят и видят, небось, когда освободится ее комната. А она шутит...

Юрий Николаевич притворно зевнул. Он настолько изматывался на работе, что в штыки воспринимал любую неожиданность:

— Ты спроси у нее, надо ли нам туда сейчас ехать? Представляю, какая орда там сойдется. Давайте лучше махнем на Волгу, к моим, давно ведь не были?

— Нет, — рассудительно оборвала она мужа. Неуклюжие кавычки жгли ей сердце. — Маша — в спортлагерь. Ты махни на Волгу. Но я поеду к ней. Кто, если не я, обязан ее выручить?..

После изнурительного долгого пути первым, кто их встретил в распахнутых дверях, была голопузая смешливая девочка. Как выяснилось позже, Катька. Заголив оба резца в улыбке и выкрикнув малопонятное «Ууу...» — самая юная, должно быть, из поселенцев негостеприимно развернулась и босыми пятками затрусилась по коридору.

Глаза Татьяны Михайловны тоскливо проследили за дочерью загоревшим задиком, потом остановились на тюках и коробках, закрывших собой всю стену.

— Да-а-а, — изрекла она в ответ тоже не очень вразумительное.

Из кухни, между тем, вытирая руки о фартук, спешила невысокая худенькая женщина. Мамино лицо... самое милое лицо, на сей раз даже не озарилось улыбкой. Скорбно поджатый рот, потухшие глаза. Нет на свете обиды горше, если тебя торопят к выходу...

С последней встречи минул всего год, а как разительны перемены! И даже не в морщинах тут беда. Морщинам свойственно лишь отображать эпоху: и детский дом, и войну, и не одну голодовку. Героика ... подвиг ... трудовой подъем... доблесть эпохи ... самоотречение... Как же много толкует о них наука о прошлом! Однако забыла о главном, об основном. О том, как тягло участи не озлобило, не превратило в мегер. Кураж их поколения и состоял в том, что мир обогатился натурами женственными и впечатлительными. Все они любили собираться в стайки, бегали в оперетту, обожали

крепдешин и пели тонкими голосами. Взять бы с них пример современным девчонкам, только выиграла бы...

Почти недружелюбно разглядывали гости замершую у ног подвижную рожицу с легкомысленным завитком на темени.

— Вот так. Пришли и ни о чем не спросили... — едва улеглись первые впечатления, скупно посетовала старушка. — Обговорили все с Ольгой. А меня поставили в известность, когда уже на прописку сдали паспорта. Сейчас заглядывают ко мне. А сами, не скрывая, облюбовывают мою комнату. Говорят, что светлая очень... не комната, а светлица...

С болью оторвав взгляд от шевелящихся на коленях рук, Татьяна Михайловна обернулась к Юрию Николаевичу:

— Что будем делать?

— Думайте, — не сразу ответил он и, пожав плечами, добавил: — Вы думайте, а я буду делать.

— Давай, мама, меняться к нам, в Питер... Хватит тебе жить отшельницей... так каждый обидит... — Дочь любовно коснулась невыносимо беспокойных рук и подбодрила улыбкой.

Скоро родился план. В укор бессердечию, новоявленных соседей захотелось наказать в духе времени — жестко. Очень захотелось, чтобы те ахнули, когда хорошо обдуманная ими затея обернется бумерангом. Вместо бабушки, подающей большие надежды, явится молодая и не менее притязательная семейка. Даже не заметили, как ступили на скользкую дорожку — мамину комнату пожелали населить по максимуму.

Деятельность с обменом закипела. Среди вариантов приглянулся один: комната на пару метров меньше, зато в самом центре города.

— Я буду иногда уединяться там для работы, а мама перейдет к нам, — размечтался Юрий Николаевич.

На следующий день явилась истая южанка, крепкая и говорливая женщина. С видом знатока оглядела комнату и коротко бросила:

— Развалюха. — Затем оценивающе глянула на переместившуюся на стуле старушку: — Впрочем, сыну на первых порах хватит, мы-то сами с нуля начинали. Вы ведь тоже меняетесь для детей?

— Д-да ... у нас вообще-то есть дочь, — вежливо улыбнулась Татьяна Михайловна.

— Вашей бабушке восемьдесят три, а нашей восемьдесят семь, так что, сами понимаете, надо торопиться.

Глядя, как сидящая напротив нее старая женщина пытается не брать в толк услышанное, гостья вздумала ее поощрить:

— Мы уже перебрали столько предложений! Как шутит мой сын, бабуся начала меняться, когда он ходил в детский сад. А сейчас сыну уже за двадцать.

Дальнейшие дни изуродованного отпуска пролетели еще стремительней. Из ярких событий напоследок врезалась в память сцена на вокзале. Нахохлившаяся мрачная старушка, едва из репродукторов грянула «Славянка», закрыла лицо обеими руками.

— Это — наш марш, — сквозь прерывистые рыдания услышала Татьяна Михайловна.

— Что ты, мамочка, этот марш время от времени включают на всех вокзалах, — словно защищаясь, пробормотала она. А ревнивая догадка шевелилась в голове — мама не хочет, чтобы здесь прощальный марш для нее играли. Не желает она с этим местом прощаться, потому что оно превыше родства. Это место — святыня...

Прошлым вечером успокаивали тем, что ждать предстоит недолго. Месячок суеты с той и с другой стороны, и она будет полноценной хозяйкой их отдельной квартиры. «Вам придется побегать там, а мне здесь», — готовила их недавно обретенная партнерша.

На предсказанную беготню и настраивались. С мыслью о беготне заглянули в квартиру на Фонтанке.

— Дора Андреевна?

Странное имечко у этой горе-дворянки.

— Да... — Седая, строгая, как сама старина, женщина, поддерживая равновесие с помощью дверной ручки, посторонилась, пропуская их в свое жилище.

Взгляд бегло охватил трухлявую мебель, полусгнивший паркет, облупившиеся рамы.

— Вообще-то меня зовут Дарьей, но друзья когда-то прозвали Дорой. — Худощавая бабушка в потертом махровом халате доверчиво улыбнулась, чем-то сразу напомнив мамину соседскую девчонку. Без опеки в столь же трудном возрасте, вот и ластится.

— Вам привет от дочери. Она скучает по вам, — соврала Татьяна Михайловна и мужественно отвернула лицо от обвязанной бечевкой ножки стула.

— Веронька? — отозвалась старушка. — Да, Веронька у меня всегда была очень добрая. Что ж это я все стою, да стою, — вдруг встрепенулась она. — И вас не приглашаю присесть. Может, мы посмотрим фотографии? Муж мой больше хотел сына, но дочка ведь ближе к матери?

— Да-да, — припомнив что-то, кивнул Юрий Николаевич. — Но мы, Дора Андреевна, пришли по вопросу обмена. Вам дочь сообщила об этом?

— Да, Верочка звонила. Верочка звонит мне иногда... — Она отрешенно переставила с места на место наполненную водой кружку и, чуть не свалив при этом упаковку с таблетками, махнула рукой: — Ничего, посмотрим фотографии в другой раз. Мы ведь никуда не торопимся?

— Вы неплохо выглядите для такой зрелой дочери, — неожиданно для самого себя проговорил Юрий Николаевич.

— Я? Правда? — чуть улыбнулась Дора Андреевна и, резко поднявшись, засеменяла по комнате: — Я вам по яблочку сейчас дам.

Выбрав два яблока из тех, что были разложены на подоконнике, она протянула их супружеской паре.

Юрий Николаевич умоляюще приложил руку к груди. Но старушка и сама успела отвлечься. Положенные на стол яблоки были тотчас же забыты.

— Знаете, сколько мне лет? — неожиданно повернулась она к нему.

— Нет, не знаю.

— А сколько бы вы мне дали?

— Ну, ... лет семьдесят, наверное, есть?

Жилистые руки схлестнулись в восторге:

— Вот видите! А мой врач так и советует говорить, что мне столько лет, насколько я выгляжу. Знаете, сколько мне на самом деле?!

Ей захотелось, во что бы то ни стало, проявить искренность, и пришлось доигрывать все до конца. Попросить ее не стесняться никогда своего возраста, потому что возраст — всего лишь жизненная метка. А сама жизнь кончается не здесь и не нами.

— Как же невзыскательны наши старики, — с грустной улыбкой подытожила Татьяна Михайловна, едва они вышли на площадку. — Если бы мамыны соседи проявили больше интереса к ней, чем к ее комнате, думаю, и она растаяла бы, попросила бы их не торопиться.

«Но машина пущена», подумал Юрий Николаевич. Торопиться заставляли сроки действия справок, торопила с юга и Верочка. Все свободное время отдавалось посещению неизвестных доселе контор. Старушку по возможности оберегали, возили лишь туда, где необходимо ее личное присутствие. Например, в диспансеры. В тот ненастный дождливый день заранее предупредили, что подъедут к самой парадной.

Еще издали заметив давно высматривавшую их шляпку-панаму, Татьяна Михайловна вышла, чтобы поцеловать старую женщину в щеку. «Доченька», — ласково прошептала та. Сменяя друг друга, «доченька» и «сын» сыпались теперь всю дорогу.

— Дора Андреевна, пора выходить, — повернулся к ней Юрий Николаевич, когда машина остановилась.

Старушка послушно протянула руку, но потом раздумала и самостоятельно развернула обе ноги к раскрытой двери. Жаль, но удали ее хватило ненадолго, и она мешком свалилась на Татьяну.

— А у моей дочери тоже есть машина. «Жигули», — тут же последовало объяснение.

Татьяна Михайловна мысленно передразнила ее: «Вот там ты и научилась лихачить». Вспомнилось, что слово «бабушка» ассоциируется со словом «бабочка». Не без интереса наблюдала она за продолжавшейся возней, представляя легкие взмахи крыльев.

Все-все в их общении складывалось хорошо. До одного, можно сказать, тупикового случая. В субботний день супруги собрались вернуть одолженный для «флюшки» паспорт, ввиду чего была испечена шарлотка с яблоками.

— Дора Андреевна, мы принесли вам пирог к чаю. Он еще теплый.

Старушка выглядела встревоженной и не разделяла их оживления:

— Зачем вы носите мне пироги?

Муж и жена переглянулись.

— Вы паспорт мой принесли?

— Да, — кивнула Татьяна Михайловна и протянула ей документ.

Сухие старческие пальцы стали нервно листать страницу за страницей.

— Дора Андреевна, что вы там ищете?

— А вы ничего тут не вычеркнули?!

Ясное дело... Старушке восемьдесят семь. И не такое бывает... Как можно деликатней навязали ей пирог и поспешили уйти. Оно, может быть, и к лучшему. У них всего лишь общее дело, и ни к чему сближаться.

Следующим утром за завтраком Татьяна Михайловна, усмехнувшись, заметила:

— Я понимаю, она боится уезжать ... волнуется, но все-таки она злючка...

— Как бы не так — злючка! Она не просто волнуется! Этот переезд — это кол в ее горле! Если б не проделанная работа, я бы ...

Резкий звонок в дверь не дал Юрию Николаевичу завершить ответ. Не слишком охотно он направился в прихожую.

— Дора Андреевна? Вы?!

В новостройках, где они недавно поселились, даже молодые приятели дочери с трудом отыскивали их дом и квартиру. Как могла к ним

добраться эта старуха с больными ногами? В уютную чистую кухню проникли беспорядочные удары зонтика, который служил ей при ходьбе палочкой.

— А вы что думали, я вас не найду? — чуть ли не с воинственной интонацией проговорила она с порога. Затем более мирно продолжила: — Я не безграмотная бабка. И свой Ленинград, как свои пять пальцев знаю.

Вынырнув из прихожей, даже не осмотрелась, глаза ее вперились в Татьяну Михайловну. Через стол потянулась хрупкая рука:

— Дай, я за тебя подержусь, дочка. —

Затем, уже деловито, Дора Андреевна обернулась к Юрию Николаевичу:

— Я вот паспорт свой принесла, может, понадобится. — Заметив улыбки на их лицах, она дрогнувшим голосом поинтересовалась: — Комнатка там хорошая?

— Да, Дора Андреевна, хорошая. Не комната, а светлица.

— И у меня, дети, чч-чудесная комната. На солнечную сторону, и теплая. Я вам кровать свою решила оставить. Никелированная. Нигде не поцарапанная...

— Зачем она нам, Дора Андреевна? — пожал плечами Юрий Николаевич.

— Как это — зачем? — невинно посмотрела на него старушка. — Там хороший матрасик. Будет ваша матушка на нем почивать в самом центре императорской столицы. И шкафчик оставлю, может быть ... — издевательски продолжал дребезжать голосок. — Таких сейчас не делают. Дубовый.

— Не надо нам ничего, — решительно воспротивился Юрий Николаевич. — Вся эта мебель, как императорские времена, давно себя изжила. Сейчас модно спать на диванах.

Наблюдая, как обиженно дрогнули черепашьи веки, Татьяна Михайловна тут же возразила:

— Неправда. Мне понравилась ваша кровать, мы ее оставим. И вообще, все-все в вашей комнате будет так, как было при вас, Дора Андреевна.

— Я ведь не из-за денег, доченька, — обрадовалась старушка. — У вас ведь тоже мама, и она могла бы вам рассказать, как мы приучены к скромности. Пенсия у меня хорошая, у людей не занимаю и не прошу. Просто я подумала, зачем вам тратиться, пусть, думаю, послужит еще кому-нибудь.

Потом без спешки пили чай с гренками, после чего проводили Дору Андреевну к трамваю. Оглянувшись на лежавшую на тумбочке книжицу с гербом, старушка скаламбурила: «Пусть лежит, он никуда не убежит».

Следующим вечером, возвратившись с тренировки и едва открыв дверь, дочь Маруся неожиданно объявила:

— Нет, как хочешь, мам, но бабуля точно кукухой поехала. Она позвонила нашим соседям и требует, чтоб ты перезвонила ей от них. Иди, там тебе дверь открыли.

— Та-неч-ка! — раздался в трубке надтреснутый голос.

— Мама? Что это ты?

— Я хочу поговорить с тобой ... с одной... чтобы только ты и я. Как раньше. Понимаешь?

Мамино «понимаешь» сводилось, оказывается, только к одному: кому поручить свои фиалки.

— Как я могу их бросить... — с болью прорывались слова. — ...Кому, кроме меня, они нужны? Жалко... погибнут...

Превосходная тема для разговора без посторонних. Как раньше! Нет уж, определенно, то поколение гораздо больше чувствовало и гораздо меньше думало. Однако у способности ощущать есть, как оказалось, и свои плюсы. Можно, даже не слушая слов, издалека все видеть. Белые, розовые, лиловые цветы словами приветов разметались по широкому подоконнику. «Нагим пришел я в этот мир, нагим и уйду из него» — мелькнула попрунная библейская истина. Дора, и та сумела перецеголять маму: она припасла нечто вещественнее — никелированную кровать.

Стараясь говорить как можно бодрее, Татьяна Михайловна процитировала фразу любимого мамино сериала:

— Миссис Хадсон бросит Бейкер-стрит? Скорее Англия падет. Похоже, ты об этом хочешь мне сообщить, да, мамочка? — В трубке послышалось сопение, и она продолжила: — Тебе не кажется, что с этим обменом мы слегка погорячились? Взались не за свое, будто что-то кому-то доказываем.

Трубка чуть помедлила и отозвалась вызовом:

— Никому и ничего я не доказываю. Я всегда такой была, такой и останусь. А ты, Таня, что ты обо всем этом думаешь?

— А есть тут что-нибудь такое, о чем следует думать, мамочка? Синим огнем пусть горят все обмены и перемены. Оставайся такой, какая ты есть — розовой и нежной, как твои фиалки. □

Владимир Гриньков

ЧТО ЕДАЛИ НА РУСИ 500 ЛЕТ НАЗАД

И ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ

500 ЛЕТ НАЗАД

Своих далеких предков, которые родились, допустим, 500 лет назад, не

знает (за редким-редким исключением!) практически никто из нас — не известны ни имена их, ни внешность, рост или характер нашего

пра-пра-пра-пра-пра... Не разглядишь таких деталей в сумраке веков. И все же кое-какие подробности до нас дошли. Например, какую одежду носили наши уже позабытые родственники, какие пели песни и какие слова использовали в повседневной речи, в каких домах жили и какой у них была мебель. А еще — что они ели и что пили, какие продукты использовали, а каких не знали, потому что появиться им время еще не пришло.

В описываемое столетие в Россию приезжали иностранцы — послы, торговцы, военные, мастеровые люди. Для них быт, привычки и пристрастия местных жителей были внове, и они всматривались в окружающую действительность любопытствующими цепкими взглядами первооткрывателей, замечая даже то, что русским представлялось обыденным и не заслуживающим внимания. Двое из таких гостей побывали в Москве с разницей в сто лет — они приезжали в составе посольств и по возвращении на родину выпустили объемные труды, в которых поведали о своих путешествиях в русские земли. Оба автора были немцами. Их имена — Сигизмунд Герберштейн и Адам Олеарий. Оставленные ими записи позволяют узнать не только о том, какую политику проводили московские великие князья и цари, какие в России были города и какие народы проживали, но и получить сведения о быте русских людей. Да и русские историки впоследствии уделяли этому вопросу немалое внимание.

ЧТО ЕЛИ-ПИЛИ В РОССИИ 500 ЛЕТ НАЗАД

Народная мудрость гласит: «Хлеб — всему голова». Исстари на Руси обеденный стол без хлеба не бывал. И роскошный каравай на свадьбу, и краюха хлеба или сухарь в тяжелый день — все это хлеб, без которого русского человека трудно себе представить. Добравшийся до Москвы Олеарий заметил, что почва в России чрезвычайно плодородна и дарит русским громадное изобилие хлеба. Об этом он поведал в своей книге «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию». Там же он написал, что земли обрабатывалось ровно столько, чтобы зерна хватило до следующего года, а запасов особых не делалось, потому что урожаи бывали богатыми ежегодно. Хлеб в основном употреблялся ржаной, причем он присутствовал на столах и у боярина, и у простолюдина, поскольку считался полезным. Но причина не только в полезности. Белый хлеб в прошлом чаще встречался на столах зажиточных людей, чем у простого люда, для кого ароматный калач из пшеничной муки был праздничным лакомством.

Еще из теста пекли пироги. Они были одним из главных мучных блюд и традиционно подносились гостям, если хозяева желали выказать тем свое расположение. Историк и этнограф А.В. Терещенко в XIX веке писал в своей книге «Быт русского на-

рода»: «Русские весьма любили пироги, отчего произошла поговорка: не красна изба углами, а красна пирогами». Начинки для пирогов делались самые разнообразные. То мясные, то рыбные, а то к мясу или рыбе и кашу добавляли. И обязательно — лук. Иностранцы отмечали, что русские люди потребляли необыкновенно много лука и чеснока. И все это — на растительном масле. Были пироги с грибами, с горохом, с маком, с творогом, с капустой, с яйцом, с ягодой. А еще выпекали блины, оладьи, хворост, пряники. Так что тут за 500 лет мало что изменилось, нам хорошо знакомо то, что ели и наши далекие родственники. Это и называется — вековые традиции.

Ежедневная еда простолюдинов была, впрочем, незатейлива. Уже упомянутый этнограф А.В. Терещенко отмечал, что человек низкого звания «питался довольно умеренно: хлеб, квас, соль, чеснок и лук составляли обыкновенную его пищу». Еще на столе у бедноты были каши (овсяная, гречневая, и — намного реже — пшенная), репа, редька, огурцы, свекла, капуста, которую и свежей ели, и квасили на зиму. Привычной едой было толокно — это жидкая кашка из растолченных в ступе овсяных зерен, залитых холодной водой.

В жаркие дни готовили окрошку и ботвинью. Окрошка нам и сегодня знакома, а вот ботвинья давно стала редкостью. Это холодное первое блюдо из множества ингредиентов, в

число которых входили белый и красный квасы, разные виды красной рыбы, свекла с ботвой, щавель, крапива, хрен, свежие огурцы, зеленый лук, и это далеко не полный список.

Много ели рыбы. Из нее и уху варили, и жарили, и, разделав на куски, начиняли пироги, а главное — солили и вялили, поэтому рыба присутствовала на столе круглый год. И икра нашим давним родственникам была знакома. «Икра была в числе обычных кушаньев», — сообщал в XIX веке этнограф М.М. Забелин в своем труде «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». А вот раков не ели. Не принято было тогда.

Обычной едой была и птица — домашняя (куры) и дикая — полевая и лесная (глухари, рябчики, тетерева), причем дикой, добытой на бескрайних русских просторах, продавалось так много, что иностранцы отмечали: цена на птицу в России значительно ниже, чем у них на родине. В богатых домах подавали жареных лебедей, и если при приеме важных гостей такое угощение отсутствовало — быть обиде.

Подобная же картина наблюдалась и с мясом. Готовили блюда как из свинины, говядины и баранины, так и из мяса диких животных — кабанов, лосей, зайцев, оленей. Оленина и лосятина были достаточно дороги, и блюда из них присутствовали только на столах великих князей и бояр. Практически не упот-

реблялось в пищу мясо медведей, волков и лисиц — оно считалось не самым лучшим.

Фрукты и ягоды были распространены повсеместно. Яблоки, груши, вишни, сливы, смородина, земляника, брусника — их и в свежем виде ели, и запекали в пирогах, и делали из них то, что иностранцы называли «сухим вареньем» — это знакомая и нам пастила. Плодовые деревья высаживали в садах, а вот ягоду русским людям дарил дикая природа — леса и поля были поистине бескрайни и богаты вкусными дарами. Иностранцы нахваливали местные дыни, нередко упоминая о том, что таких вкусных дынь, как в России, в других местах есть им не доводилось. Удивительным может показаться то, что дыни выращивались даже в Москве. Чтобы получить урожай в достаточно суровом климате, русским людям приходилось проявлять смекалку и прилагать много усилий. Сначала семена дыни вымачивали — либо в дождевой воде, добавляя туда овечий помет, либо даже в парном молоке. Затем прокапывались канавы, которые заполнялись смесью лошадиного навоза и соломы, это делалось для удобрения почвы. Сверху канава засыпалась землей, непременно хорошей, а в ней в неглубокие углубления помещались семена. Чтобы уберечь их от низких ночных температур, на ночь эти углубления накрывали крышками со слядой — такой при-

родный материал по прозрачности близок к современному матовому стеклу. Кстати, в России слядой издревле «стеклили» окна домов, но подобное могли себе позволить только зажиточные люди. Так что выращивание дынь в Москве и ее окрестностях было делом весьма затратным и со временем сошло на «нет». Но главной причиной было даже не это. После того как стараниями Ивана Грозного территория России расширилась до Каспийского моря, а впадающая в это море река Волга из пограничной превратилась во внутрироссийскую, дыни уже можно было в больших количествах везти с солнечных полей под Астраханью в центральные районы страны, что сделало эти плоды доступным лакомством всех, а не только зажиточных людей, как было прежде.

Можно сделать вывод, что в старину русские люди ели и пили в основном то, что давала им природа России. Это были местные продукты. В реках и озерах было много рыбы — поэтому было много рыбных блюд. В лесах водились звери и дичь — наши предки ели много мяса и птицы. Там же, в лесах, было много грибов, меда, орехов и ягод — и их использовали для изготовления пирогов, из ягод еще делали напитки и варенье. Кстати, меда в лесах было так много, что в те времена и не требовалось создавать пасеки. Историк и этнограф А.В. Терещенко так написал об этом: «Разведением пчел не занима-

лись тогда, они сами водились в лесах». На лугах в хорошем климате вырастала высокая трава, которой кормили коров — поэтому всегда было много молока и творога, из которого русские хозяйки уже тогда выпекали сырники. Этнограф М.М. Забелин писал: «Сырники готовились из творога, яиц, молока, с небольшим количеством крупчатой муки». Как видите, рецепт приготовления весьма схож с тем, что мы используем и сегодня.

Из напитков широко был распространен квас. Славянские народы знали рецепты его приготовления

много веков, еще даже Киевская Русь не сформировалась, а квас славяне уже готовили. Поэтому приготовить в деревянной кадке вкуснейший напиток умели в каждой русской избе. Издревле напиток этот был хмельной, крепкий, но постепенно превратился в безалкогольный — для всех, чтобы жажду в летний день утолить. Как писал в XIX веке в своей книге «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» отечественный историк Н.И. Костомаров, в давние времена квас на Руси пили все — «от царя до последнего крестьянина».

500 лет назад водка в России уже была известна, но широкого распространения она еще не получила. Но спустя сто лет кабаки уже были в каждом русском городе. Пили пиво. В богатых домах были знакомы и с вином, исключительно привозным — испанским, рейнским, французским. Но и свой напиток был, поистине волшебный. Помните строчки из русских сказок — «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попадало»? Вы можете себе представить, чтобы знакомый нам мед наши давние родственники когда-то пили кубок за кубком? Трудно поверить в такое. А дело в том, что мед был совсем не тот, какой мы сегодня знаем. И вообще многое 500 лет назад было не такое, хотя и называлось зачастую так же.

ТО, ДА НЕ ТО. ЧТО БЫЛО ПО-ДРУГОМУ 500 ЛЕТ НАЗАД

Если бы мы с вами попали в прошлое на пятьсот лет тому назад, мы с удивлением обнаружили бы, что многие продукты и блюда, даже знакомые нам по названию, имели тогда иной, не привычный нам вкус, а какие-то блюда и готовились иначе.

Вот тот же мед, например. Пили тогда не пчелиный мед, а напиток, из такого меда приготовленный, и был он таким же жидким, как и квас, но только намного-намного вкуснее. По способу приготовления мед был простой (это одна из разновидно-

стей), а были еще боярский, княжий, белый, красный и отдельно — белый паточный... Рецептов в старину придумали множество. Вот как готовился, например, ягодный мед. Ягоду могли взять почти любую — ежевику, вишню, смородину, малину. На дно бочонка вываливали несколько корзин свежесобранной малины, а сверху заливали водой. Малина настаивалась так несколько дней, вода становилась малиновой и по цвету, и по вкусу. Получалось некое подобие известного нам морса. Затем от отдавших свой аромат ягод избавлялись, переливая «морс» в другой бочонок, и вот теперь в него добавляли мед в определенной пропорции: на каждые две-три кружки жидкости — кружка вкуснейшего пчелиного меда. Еще в бочонок бросали хлебную корку, обмазанную дрожжами, и хмель. Напиток ожидается начинал бродить. Тогда корку с дрожжами удаляли. Давали настояться будущему «меду» около недели в теплом месте. Добавляли гвоздику, кардамон и имбирь. Бочку плотно закрывали крышкой, обмазывали смолой и ставили в холод. Лет на пять! Как минимум. Известны были случаи, когда к праздничному столу по поводам совсем уж торжественным распечатывали бочонки с медом тридцатилетней выдержки. Напиток тот был поистине божественный. И недаром историк Н.И. Костомаров отмечал, что иноземцы, «посещавшие Московию, единогласно

признавали достоинство нашего меда и расславили его в далеких странах».

Многое еще было не такое, как сегодня. Даже хлеб. Уже упоминалось про ржаной, что ели в старину, вроде бы и сегодня есть такой. Такой — да не такой. Тот хлеб, который мы сегодня называем ржаным, таковым в большинстве случаев уже не является. Свыше половины его массы составляет пшеничная мука, в него зачастую добавляют отруби, солод, патоку, разрыхлители — вкус настоящего ржаного хлеба ныне мало кому знаком. Ржаной хлеб наших далеких предков был тяжел, поскольку имел высокую плотность, корка у него была твердая и в трещинках, так что вид имел весьма неказистый. И на вкус был кисловатый. Но все же вкусный и полезный. Правильный был хлеб.

Ели и икру. Но если сегодня это недешевый деликатес и привычная нам тара — небольшая баночка, то в старину икры было много, продавали ее на рынках, зачерпывая из бочек, и доступна она была всем — и богатым, и бедным. Правда, у тех и других она была разная. Богатые ели зернистую и свежую, икринка к икринке, а беднякам доставалась паюсная, переработанная, мятая. (Сегодня, кстати, паюсная икра ценится куда выше зернистой. Поменялись пристрастия за пять веков.) Вкус у икры, впрочем, был в прошлом не такой, как сегодня, потому что готовили ее иначе. В боч-

ку с икрой добавляли много мелко нарезанного лука, а также перец и уксус.

Отличался вкус и у многих других блюд. Например, у тех, при приготовлении которых использовалось растительное масло. Как уже упоминалось, на таком масле готовились некоторые начинки пирогов и пирожков. Да и мясо жарилось подобным образом, и рыба, и овощи. Так вот пятьсот лет назад растительное масло в России могло быть льняным, маковым, ореховым или конопляным, но не могло быть ни подсолнечным, ни оливковым, ни кукурузным — таковых в то время в России еще не знали. А другое масло — это и другой вкус. Иностранцы зачастую сетовали на то, что приготовленная на конопляном масле еда у русских горчит. Еще одно отличие: готовили блюда русские хозяйки в основном без соли и перца, а соль, перец, уксус и горчица выставлялись на стол отдельно, каждый добавлял их в свою тарелку по собственному вкусу.

Некоторые блюда в прошлом готовились с использованием известных и сегодня продуктов, но в таком сочетании, что в целом получалось нечто нам непривычное. Было, например, когда-то первое блюдо, называемое «рассолом». Куски мяса варились в огуречном рассоле, в который добавлялись разнообразные пряности. Как аналог в современной кухне вспоминаются рассольник и солянка, но сходство будет явно

отдаленное. Отличалась от сегодняшней и уха. В ней зачастую было только три составляющих: рыба, вода и чеснок, причем последнего традиционно использовали так много, что из-за чесночного запаха иностранцы воротили нос от такого угощения.

И продукты были те — да не те. Тех сортов овощей и фруктов, которые ели в старину, мы уже не знаем. Хороши сегодня огурцы в Суздале, слава о них далеко распространилась за пределы древнего города, даже День Огурца там празднуется ежегодно. Но когда разговариваешь с местными жителями, они скажут, что еще 40–50 лет назад огурцы в Суздале были другие, ароматные и вкусные, не чета сегодняшним. Можно было бы списать все на осо-

бенности человеческого восприятия — раньше все, мол, было лучше, и масло было маслянистее, и вода водянистее... Но остались свидетельства людей, живших четыреста пятьсот лет назад. Вспоминали они, например, о яблоках, которые им довелось отведать в России. Один из сортов был столь нежен, что невозможно было его хранить хоть какое-то непродолжительное время, а если сквозь то яблочко смотрели против солнца — были видны зернышки внутри. И вкус яблока описывали как необыкновенный. Возможно, где-то такой сорт и сегодня сохранился, но большинству из нас он неведом.

Уже упоминалось о том, что русские люди ели в старину много рыбы. Намного больше, чем мы едим се-

годня, и ассортимент и качество доступной рыбы были другие. Иностраный путешественник и дипломат Олеарий, въехав в Великий Новгород, отмечал, что город стоит на берегах богатой рыбой реки Волхов, рыба там самая разная, и среди прочих он выделил больших, жирных и вкусных окуней, которые, к его удивлению, продавались очень дешево. Поразили его и впечатляющие размеры, и дешевизна карпов, которых он позднее увидел на юге, в Астрахани. Кстати, тот факт, что Волга, на которой стоит Астрахань, стала при Иване Грозном русской рекой, весьма добавила рыбных богатств подданным царя. Еще Олеарием упоминались судаки, стерлядь, осетры, причем осетров он особенно выделял из-за их изумительного вкуса. Там же, в реках, озерах и морях, ловили семгу и форель. Много было белуги, ценной рыбы семейства осетровых, и некоторые экземпляры были поистине огромны: длина рыбы могла составлять четыре метра и более, вес тонны полторы, и из одной такой рыбы порой добывали до двухсот килограммов ценнейшей черной икры, а это целая бочка. (Кстати, белуга, столь распространенная пятьсот лет назад и на Волге, и в Каспийском, Черном и Азовском морях, ныне стала такой редкостью, что ее вылов запрещен.)

И еще некоторые продукты, еда и напитки выпали из нашего с вами обихода, а вот нашим предкам это

было хорошо знакомо. Например — сбитень. Этот напиток пили горячим в холод и студеным — в жару. Поэтому способы его приготовления различались, но в состав неизменно входили пчелиный мед, травяные сборы (зверобой, шалфей) и пряности (перец, имбирь).

Но главным отличием в еде между нами и нашими предками можно назвать отход от царивших пять столетий назад чтимых всеми традиций православия. В те далекие времена православные люди в строго оговоренные периоды соблюдали пост, и одним из основных его условий было воздержание от принятия еды и питья — когда полностью, а когда избирательно. На протяжении года было четыре многодневных поста, которые были связаны с православными праздниками, и продолжительность некоторых из этих постов могла составлять сорок дней. Еще соблюдались еженедельные посты — по средам и пятницам. Таким образом, общее количество дней поста превышало половину года — их могло быть до двухсот. Ограничения в еде были различны. Были дни, когда нельзя было принимать пищу вообще, только пили воду. В другие дни то можно было съесть только свежих овощей и фруктов, то приготовленных на растительном масле овощей, а в отдельные дни допускалось и употребление рыбы. Но мясо и молочные продукты были в дни поста под запретом. Строгости были таковы, что в дни поста не по-

зволялось даже использовать сахар, потому что однажды иноземный купец поведал русскому патриарху о том, что сахар при производстве якобы очищался яичным белком. Впрочем, соблюдение поста облегчалось кулинарными талантами русских людей. Как отмечал Олеарий, русские «умеют из рыбы, печенья и овощей готовить многие разнообразные кушанья, так что ради них можно забыть мясо». Историк Н.И. Костомаров писал: «Хранение поста было для всех безусловно обязанностью. Начиная от царя и доходя до последнего бедняка, все строго держались употребления пищи по предписаниям церкви в известные времена». Следует отметить, что священники и монахи придерживались более строгих правил, чем миряне.

ЧЕГО ПЯТЬ ВЕКОВ НАЗАД НЕ ЕЛИ НАШИ ПРЕДКИ

За 500 прошедших лет русская кухня традиции сохранила, но и изменения в ней случились немалые. В частности, потому, что многие продукты, известные сегодня, были нашим предкам попросту незнакомы. Вот краткий список таких продуктов.

Подсолнечное масло и семечки. Подсолнечник произрастал в Южной Америке, поэтому до открытия Америки Колумбом это растение в Европе не знали. Колумб совершил четыре путешествия из Европы в

Америку в период с 1492 по 1504 годы, когда Россией правил великий князь Василий III, отец будущего царя Ивана Грозного. Позднее подсолнечник в нашу страну завез император Петр I, но сначала это было декоративное растение — его выращивали как цветок. Поэтому при Иване Грозном и при Михаиле Федоровиче ничего не жарили на подсолнечном масле. И семечки, сидя на завалинке, не лужгали. Подсолнечное масло широко распространилось в России только в XIX веке.

РИС. В России 500 лет назад про рис не знали, а в Восточной Азии он появился еще семь-девять тысяч лет назад. Культура эта своеобразная. Для выращивания риса требуется много воды, он растет буквально в воде, а при малейших заморозках погибает. Поэтому в Россию рис пришел с большим запозданием, более менее известным этот продукт стал при Петре I, но был он дорогим, потому что — привозной. В промышленных масштабах рис в России стали выращивать только на рубеже XIX–XX веков.

КАРТОФЕЛЬ. Продукт, который мы сегодня называем «вторым хлебом» и без которого уже трудно представить русскую кухню, был неведом нашим предкам. Его родина, как и подсолнечника, — Южная Америка, откуда он и попал в Европу после открытия Америки Колумбом.

Правда, поначалу в Европе картофель в пищу не использовали, а выращивали как цветы. В Россию его привезли лишь триста с небольшим лет назад, при Петре I. Тогда этот продукт был экзотикой, и только позднее, при императрице Екатерине II, картофель получил распространение в России. Но не сразу. Крестьяне, которые называли картофель «чертовым яблоком», не любили его, потому что много людей отравилось им из-за неопытности. В те времена в картофеле было много ядовитого вещества соланина, вызывающего отравление. Это вещество наиболее

часто встречалось в недозревших клубнях, а также у картофеля, имеющего зеленый цвет (подобное явление и сегодня можно наблюдать). Это происходит, когда клубни хранятся на свету. В первой половине XIX века, уже после Отечественной войны 1812 года, картофель стали буквально насаждать в стране, и по России прокатилась волна «картофельных бунтов». Чтобы их подавить, даже задействовали войска. Только представьте себе: не так давно закончилась Отечественная война 1812 года, произошло восстание декабристов, создавали свои

бессмертные произведения Пушкин и Лермонтов, между Санкт-Петербургом и Москвой начиналось железнодорожное сообщение, в скором времени император подпишет Манифест об отмене крепостного права — а крестьяне бунтуют против посадок картофеля. Так что продукт этот в России получил широкое распространение века полтора назад.

ВИНОГРАД. Ни 500 лет назад, ни даже в более близкие к нам времена русские люди винограда не знали. Это значит, что отведать сочных ягод не довелось ни великому князю Василию III, ни его сыну, царю Ивану Грозному. И лишь 400 лет назад, в 1613 году, при правлении царя Михаила Федоровича, в России был заложен первый виноградник — на юге, под Астраханью. Виноградные лозы были доставлены туда персидскими купцами. Долгие годы виноград оставался недоступной большинству русских людей диковинкой и поставлялся только к царскому столу, да и то в небольших количествах. Но уже во второй половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, виноградники появились и в Москве — в царской усадьбе Измайлово.

ПОМИДОРЫ. Не было 500 лет назад ни помидоров, ни томатного сока, ни томатной пасты — ничего. Потому что родиной томатов явля-

ется Латинская Америка, и до путешествий Колумба через Атлантический океан эти плоды в Европе были неизвестны. Только в XVI веке томаты через Испанию и Португалию распространились по Европе, но более века эти плоды считались ядовитыми, в пищу не употреблялись, и выращивались в горшках как декоративные растения. Лишь в начале XIX века помидоры можно было купить на овощных рынках уже как съедобный продукт. Еще в XVIII веке семена этой культуры из Европы в Россию привез талантливый русский агроном А.Т. Болотов. Первое время и в России, как и за границей, томаты считались несъедобными. Дело в том, что в нашем климате помидоры просто не вызревали, оставаясь зелеными. А.Т. Болотов предложил свой способ выращивания томатов, благодаря чему в огородах уже можно было собирать урожай этих краснобоких ягод, и в XIX веке помидоры стали широко известны в России. Кстати, томатный сок в нашей стране массово стали производить только незадолго до Великой Отечественной войны.

СЫР. Слово «сыр» было известно еще в Древней Руси, но обозначало оно не тот продукт, который нам известен сегодня под этим названием, а творог и брынзу. Долгое время твердых сыров в России просто-напросто не было. Никако-

го тебе «Российского», «Костромского», «Пошехонского» или «Голландского». Наладить изготовление твердых сыров попытался побывавший в Европе Петр I, он даже привез в 1698 году в Россию швейцарских сыроделов (по другим сведениям — голландских), но что-то не заладилось, и первое настоящее производство появилось в нашей стране лишь спустя 100 лет, накануне Отечественной войны 1812 года. Тогда князья Мещерские в принадлежащем им селе Лотошино (в то время — Тверская губерния, сегодня — Московская область) открыли сыродельный завод, главным специалистом на котором был швейцарский сыровар Иоганнес Мюллер. Лотошинский сыр весьма ценился. Стали появляться и новые сыроварни, но сыр все еще оставался изысканным угощением для богатых людей. В 1866 году старший брат художника-баталиста В.В. Верещагина Н.В. Верещагин открыл в Тверской губернии артельную крестьянскую сыроварню, но прежде посетил Швейцарию и другие европейские страны, где обучался сыроварению. Вскоре при поддержке Н.В. Верещагина сыроварни открылись в Ярославской, Вологодской и других губерниях, в том числе и в Сибири. В 1871 году его стараниями в селе Единоново (Тверская губерния) открылась первая в России школа молочного хозяйства, где бесплатно готовили специалистов. Кстати, немало помог Н.В. Верещагину наш

знаменитый ученый Д.И. Менделеев, но не своими познаниями в области химии, а как соратник по Императорскому Вольному экономическому обществу — он неутомимо поддерживал усилия Н.В. Верещагина по развитию молочного производства в стране. Но даже накануне XX века, в 1894 году, издававшийся в столичном Санкт-Петербурге журнал «Наша пища» сетовал: «У нас потребление сыра сравнительно очень слабо распространено. Сыроварение как народное производство в России не существует, сыр народу не известен, и потребляется он почти исключительно привилегированными классами». Поэтому если наши предки принадлежали к непривилегированному сословию, были бедными людьми, то твердые сыры на их обеденном столе отсутствовали. По-настоящему народным продуктом такие сыры стали в нашей стране только в XX веке, в СССР.

БАКЛАЖАН. Родина баклажана — Индия и Бирма, где он был известен с глубокой древности. Предполагают, что первыми европейцами, познакомившимися с этими продуктами, стали воины Александра Македонского, которые предприняли походы в Персию и Индию в IV веке до нашей эры. В VII–VIII веках, когда арабские завоеватели дошли до Испании и Южной Италии, баклажаны попали уже непосредственно в Европу. Но распро-

странения не получили, поскольку этот плод не только оставался экзотикой для европейцев, но порой был весьма опасен. При неправильном выращивании в нем накапливался соланин, то же самое ядовитое вещество, вызывавшее отравление и галлюцинации, что встречается и в картофеле. До начала XIX века баклажан в Европе почти не употребляли в пищу. В Россию эта ягода (да-да, баклажан — это ягода!) могла проникнуть через Среднюю Азию и Кавказ. Произошло это в XVII веке, то есть немногим более трехсот лет назад. Выращивали плоды в южных губерниях, поскольку это теплолюбивое растение. Эти традиции соблюдаются и сегодня — в открытом грунте баклажаны высаживают преимущественно в южных регионах России.

ЧАЙ. Как и упомянутого выше винограда, чая не довелось отведать ни великому князю Василию III, ни сыну его, Ивану Грозному. Потому что не было в России такого напитка. Хотя в далеком Китае чай был к тому времени известен уже более тысячелетия как минимум. Впервые в России чай появился только в XVI веке — его привезли в подарок царю Михаилу Федоровичу. И на протяжении следующих трехсот лет чайный лист в Россию привозили из Китая — долгим сухопутным путем, что делало чай весьма дорогим напитком. В основном его пили дворяне и купцы. Такое положение изменилось

только в середине XIX века, когда его стали доставлять по морю и железной дороге. Тогда же к китайским сортам чая добавились индийские и цейлонские. Все это привело к удешевлению чая и превратило его в подлинно народный напиток. В СССР в XX веке выращивали и собственные сорта — на территории Азербайджана, Грузии и Краснодарского края.

КОФЕ. Кофе появился в России еще позже, чем чай. Побывавший в Голландии Петр I познакомился там с этим напитком и так его полюбил, что по возвращении на родину взялся насаждать культуру потребления кофе едва ли не принудительно. Русские люди встретили нововведения враждебно. Но императоры, а вслед за ними и аристократы кофе распробовали и полюбили. В XIX веке в столичном Санкт-Петербурге этот напиток уже был весьма распространен, но его по-прежнему употребляли только люди далеко не бедные. В отличие от чая народным напитком кофе тогда так и не стал, а после 1917 года вообще просто исчез. Он стал большой редкостью и появился в нашей стране вновь в значительных объемах только в 1960-е годы. Особую популярность он приобрел тогда, когда стал доступен растворимый кофе, цена на который остается вполне демократичной, несмотря на то, что это один из тех продуктов, который является стопроцентно импортным — в России кофе не выращивался никогда.

АРБУЗ. Родина арбуза — Южная Африка. И его путь в Россию оказался долог. Предполагают, что первые арбузы могли появиться в Киевской Руси, когда туда приезжали купцы из Индии и Персии. Но даже в более поздние времена в Москве арбуз был неведом, хотя после присоединения Астрахани в XVI веке их уже можно было доставлять с юга. Доставка и составляла основную сложность. Путь на подводах был долог, он мог растянуться и на месяц, при этом в дороге часть арбузов приходила в негодность, так что «золотыми» они получались. Их в Москву и доставляли только к царскому столу, вот и закрепилась за арбузом слава «царской ягоды». Даже при правлении Алексея Михайловича из Астрахани в год привозили около 500 арбузов. Чтобы укоротить путь, царь повелел устроить бахчу на Украине, под Чугуевом — так и оттуда получилось привезти лишь немногим более 400 плодов. Когда при Петре I столицей стал Санкт-Петербург, арбузы продолжали поставлять к столу российских самодержцев, но путь еще более удлинился. Нам сегодня трудно себе представить, чем был арбуз в России в XVIII и первой половине XIX веков. Известен случай, когда императрица Екатерина I, правившая после кончины своего супруга Петра I, одарила доставленными с астраханской и царьцынской земли арбузами своих ближайших родственников и самых

высокопоставленных вельмож. Две племянницы царицы получили шесть арбузов на двоих, светлейшему князю А.Д. Меншикову было отправлено два арбуза, соратнику Петра I генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну, главе Тайной канцелярии А.И. Ушакову, тверскому архиерею и иноземным послам — по одному. С середины XVIII века арбузы выращивались в московских и петербургских оранжереях, но ценились они куда менее астраханских и царьцынских — солнца и тепла им не хватало. Поэтому даже в начале XIX века аристократ мог бы заплатить в Санкт-Петербурге до 25 рублей за один арбуз — столько стоили в столице лучшие из них. Надобно пояснить, что в те годы в российской глубинке целый баран мог стоить 5–10 рублей, пуд говядины — 4 рубля, пуд муки — полтора, фунт чая — пятьдесят копеек, курица — от пяти до десяти копеек. Арбуз был недоступной для большинства роскошью. Положение круто изменилось только к концу XIX века, когда в Российской империи были проложены железные дороги. Теперь арбузы можно было везти не подводами, а целыми вагонами, и на весь путь требовались уже не недели, а дни. Так что только к началу XX века, когда в домах появились электричество и телефон, а по улицам поехали первые автомобили и трамваи, арбуз в России превратился в копеечный товар, приобрести который мог всякий. □

Андрей Дышев

БУХТА

Глава 20

Конечно, я пижон. Я люблю выглядеть эффектно. Мне нравится удивлять людей, огорошивать их каким-нибудь неординарным поступком. Но в данном случае я вообще не думал о том, какое впечатление произведу на Лешу. Я сам был шокирован неожиданным выводом, к которому пришел. Так, оба пребывая в шоке, мы сидели на бордюре у «барабана» автостанции и внимательно изучали днища своих пивных кружек.

— Так, значит, что же это получается? — наконец выдал Леша.

— Помнишь, мы перечисляли людей, которым была бы выгодна смерть Милосердовой? — спросил я. — Мы назвали несколько имен, но самого главного человека забыли. Смерть Милосердовой выгоднее всего была самой Милосердовой, потому что смерть — блестящее, ни с чем не сравнимое по убедительности алиби. Мертвому деньги не нужны, он в могилу с собой их не унесет. И Эльвира Леонидовна приговорила саму себя к высшей мере. Сегодня с почестями, музыкой Вивальди, под плач тысяч осиротевших вкладчиков она похоронила свое имя, свой образ, имидж преуспевающей бизнесменши, которая намеревалась сделать человечество богатым и счастливым.

Продолжение. Начало в №8, 2021.

— Ты уверен, что гроб был пустым? — спросил Леша.

— Неужели ты не догадываешься, кого в нем похоронили? — усмехнулся я. — Ту самую девушку-наркоманку, Татьяну Васильеву, которую убили и обезобразили на Диком острове. А Милосердова, дружище, живет, здравствует и пересчитывает свой капитал.

— Ты говоришь страшные вещи!

— А страшные вещи уже стали нормальным атрибутом нашей жизни. Пора привыкнуть к ним и даже чувствовать дискомфорт, когда долгое время не происходит ничего страшного.

Леша пытался понять, шучу я или говорю серьезно.

— И кто, по-твоему, это сделал?

— Организатор и идейный вдохновитель преступления — Эльвира Леонидовна. Она, полагаю, щедро заплатила убийце, который растерзал ее светлый образ. В тот день, девятнадцатого августа, она, несомненно, на яхту не поднималась и, скорее всего, вообще была далеко от моря. Пассажирами «Ассоли» были только два человека — Татьяна и ее любовник, поставлявший ей наркотики. Они отправились на Дикий остров — место достаточно безлюдное, но в тот злополучный день именно там ловил крабов один болван по имени Кирилл. Возможно, любовник предварительно накачал Татьяну омнополом, после чего на живописном берегу расколол ей булыжником череп.

Леша вскочил с бордюра и нервно выкрикнул:

— Но кто, кто первый поднял шум, что убили Милосердову? При чем тут вообще Милосердова, если убили совсем постороннюю девушку? Откуда всплыло имя Эльвиры?

— Слушай дальше, — как ни в чем не бывало, ответил я. — Убийца раздевает труп Татьяны, нечаянно обронив на камни «фенечку», ее выпачканные в крови шорты и майку топит в море, а тело переносит на борт яхты. Он идет по грудь в воде, отмывается сам и отмывает свою несчастную жертву. На борту надевает на тело заранее приготовленный костюм Милосердовой, в карманах которого могли быть документы, в том числе и паспорт. Белую накидку Эльвиры он подкидывает мне в лодку, которую сталкивает в воду.

— Чудовищно, — произнес Леша, — и очень правдоподобно. Ты кого-нибудь подозреваешь?

— Я не только подозреваю. Я почти с уверенностью могу назвать имя убийцы.

— Блеск! — Леша восхищенно покачал головой. — Ты превзошел самого себя. Я в восторге! И ты можешь назвать этого человека?

Я колебался. Фамилия Моргуна ничего Леше не скажет — он не был знаком с ним и мог видеть начальника лодочной станции лишь эпизодиче-

ски, случайно. Зато теперь, назови я его, Леша при любом удобном случае станет пялиться на Диму, как на экзотическое животное. А того это может насторожить и даже спугнуть.

— Пока нет. Боюсь ошибиться. Я суеверный.

— Но скажи хотя бы, кто он? Откуда? — настаивал Леша.

— В некотором роде мой давний приятель.

— Я догадываюсь, о ком ты. Тот белобрысый мент. Володя, кажется, его зовут?

— Ты что, спятил?! При чем тут Кныш?! С какой стати он должен убивать эту девчонку?

— А с какой стати следственная бригада закрыла дело? Значит, полиция и Милосердова действуют заодно. Ты думаешь, что, имея такие огромные бабки, ей трудно купить с потрохами твоего лейтенанта?

— Да, ей нетрудно нанять киллера, но что ты привязался к Кнышу?

— Подозрительный он парень, вот что, — ответил Леша.

Пока мы ехали в автобусе, я недолго думал над словами Леша и незаметно уснул. Где-то в районе Грушевки, когда мы мчались уже не по унылой степи, а среди пологих, покрытых лесами гор, Леша растолкал меня и сунул мне под нос газету.

— Читай! — сказал он, тыча пальцем в небольшую заметку.

Буквы плясали и двоились перед моими глазами, и я не столько читал, сколько рассматривал буквы и слова, не особенно вникая в смысл. Только на третьем абзаце до меня дошло, что речь шла об убийстве Милосердовой.

«ДЕНЬГИ «МИЛОСЕРДИЯ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ» — так была озаглавлена заметка. «Органы правопорядка, — писал журналист, — снова блестяще продемонстрировали свою беспомощность и трусость. Закрывание дела об убийстве Эльвиры Милосердовой «за отсутствием состава преступления» — не просто насмешка над правосудием, а настоящее издевательство над чувствами тысяч вкладчиков, которые потеряли все свои сбережения и вместе с ними надежду на то, что власти восстановят справедливость. Допустим, что следственные органы и в самом деле не нашли состава преступления, что Милосердова погибла в результате несчастного случая, однако странным представляется то, что «отсутствие состава преступления» было выявлено только после недвусмысленного заявления Виктора Гурули о вкладах в АО некоторых руководителей органов правопорядка. В настоящий момент коммерческий директор АО получает естественное удовольствие от того, как ему удалось схватить за ухо правоохранительные органы, особенно если принять во внимание, что эти уши уж слишком явно и все чаще торчат из-за каждого куста, посаженного криминальными колючками. Вряд ли можно предположить, что господин Гуру-

ли испытывает какие-либо опасения, но на всякий случай хочется успокоить его: Виктор Резоевич, оформляйте загранпаспорт спокойно, вас не посадят».

— Здорово он высек ментов, правда? — спросил Леша. — Вот тебе, кстати, еще одна версия относительно Гурули.

— Мы уже обсуждали ее, — ответил я, возвращая газету Леше. — Фиктивный счет на мое имя, конечно, открыт не без его помощи. Но не думаю, что он лично занимался убийством Васильевой.

— Если не ошибаюсь, завтра ты встречаешься с ним?

— Не ошибаешься.

— Ты не должен идти туда ни в коем случае! — твердо сказал Леша. — Выкинь это из головы!

— Видишь ли, мне уже самому кажется, что нет смысла в нашей встрече. Я хотел, чтобы бомж опознал в нем любовника Татьяны. Но бомжа уже нет, значит, очная ставка отменяется.

— Вот это правильно, — кивнул Леша.

— Решено, — произнес я, прерывая затянувшееся молчание. — Я не пойду туда. Гурули от нас никуда не денется. Нам надо кинуть приманку для другой, более крупной рыбки.

Леша понял, кого я имел в виду.

— Считаешь, что Милосердова в этой истории — самая крупная фигура?

— Ты правильно сказал — фигура. Милосердова, как и Гурули, как еще кое-кто, — всего лишь фигура. А есть еще гроссмейстер... Так когда, ты говоришь, у тебя заканчивается отпуск?

Об отпуске Леша ничего не говорил, это я нарочно сменил тему разговора. Пора было выводить Лешу из этого водоворота. Туман рассеивался, и теперь более или менее четко я видел поле предстоящих баталий и абрис позиций противника.

— Дня три еще есть, — ответил Леша, не совсем ясно понимая, для какой цели я об этом спросил.

— Вот и хорошо! За эти три дня ты просто обязан наловить не меньше дюжины крабов. И в прощальный вечер мы с тобой закатим пир.

Леша смотрел на меня. Глаза его были наполнены грустью, как у пса, которому предстоит разлука с хозяином. Все правильно. Человеку должно быть грустно, если он перестает вдруг быть кому-то нужным.

Глава 21

— Вашей рукой, Аркадий Федорович, только отдыхающих по вечерам пугать, — сказал я, пожимая белую, в гипсе, ладонь ваятеля, словно поздоровался с ожившей статуей.

Скульптор и художник Аркадий Демчук зимой жил в Питере, а с апреля по ноябрь находился в Судаке. Здесь у него был свой дом, доставшийся в наследство от отца. Дворик, обнесенный сеткой-рабицей, напоминал то ли музей под открытым небом, то ли площадку для съемки какого-то авангардистского фильма — он оцетинился всевозможными гипсовыми статуями, словно бор корабельными соснами. Чтобы пройти к крыльцу и не задеть какого-нибудь каменного атлета с диском, надо было ловко лавировать, уподобляясь лыжнику на трассе слалома. Насколько мне было известно, в Питере хорошо шли его морские пейзажи, а здесь Демчук работал для души, почти что бесплатно. Правда, недавно он получил крупный заказ от какого-то дома отдыха и теперь лепил декоративные вазы для парка и обнаженных Венер — для парадной лестницы.

— Ну что, Кирилл? — спросил он, опуская свои сильные руки в таз с водой. — Шпионов ловим? Давно не видел тебя. Как насчет чашечки кофе? Ты ко мне по делу или так, потрепаться?

— По делу, Аркадий Федорович.

— Кирилл Вацура всегда приходит по делу, — хмыкнул скульптор, высоко над мангалом поднимая джезву с бурлящей коричневой пеной. — Никогда не зайдешь ко мне просто так. Из-за этого я немного чувствую себя бездельником.

— Вы смогли бы вылепить мою физиономию? — спросил я.

— Ты хочешь установить себе при жизни памятник? — рассмеялся Аркадий Федорович, не ожидавший такого вопроса.

— Можно сказать, что так.

— Хочешь бюст или скульптуру в полный рост?

Я призадумался. Надо было как-то сформулировать свою просьбу, не рассказывая того, о чем нельзя было говорить. Это неожиданно оказалось для меня непростым делом.

— Видите ли, мне надо... В общем, мне нужен мой двойник. Такой, чтобы в вечерних сумерках за двадцать шагов нельзя было заметить, что лицо у него не живое, а гипсовое.

— Я так понимаю, — задумчиво проговорил Аркадий Федорович, — что ты хочешь кого-то надуть?

— Вы отгадали.

— Но видишь ли, в чем проблема. Гипсовую маску невозможно принять за живое лицо. Разве что в сильном подпитии. Она ведь будет белой, как облако.

— А если ее раскрасить масляными красками?

— Раскрасить? Что ж, тогда, пожалуй, можно. Но это будет что-то среднее между скульптурой и живописью... Ну, хорошо. Допустим, вылеплю я твою голову, раскрашу. И что ты будешь с ней дальше делать?

— Мне нужен будет какой-нибудь каркас, на который я эту голову и прикреплю. А сверху надену костюм.

— А как придашь форму рукам и ногам? Наполнение какое у тебя будет? Без наполнения сразу станет понятно, что это костюм на вешалке, а не человек.

— Наполнение? Может быть, песком?

— Нет, это так не делается, — покачал головой Демчук. — Ничего у тебя не выйдет. Розыгрыш не получится... Если, конечно, ты решил разыграть, а не...

Он не договорил и стал рассматривать узоры на следах кофейной гущи, явно давая понять, что ничем не сможет помочь, если я внятно не объясню ему, для чего мне нужна такая «кукла».

— Я не столько хочу разыграть кого-то, сколько спасти свою жизнь, — объяснил я. — По мне будут стрелять... Пусть лучше уж по гипсовому, чем по живому.

— Ты по-прежнему играешь в опасные игры, Кирилл?

— Увы, Аркадий Федорович.

— Не лучше ли вообще обойти опасное место, чем совать туда «куклу»?

— Конечно, лучше было бы обойти. Но тогда меня пристрелят в другом месте.

— И как срочно тебе нужна такая фигура?

— Завтра к восьми вечера... Я вам заплачу, сколько потребуете.

— Нет, с тебя я денег не возьму. Ты мне потом отработаешь своей головой. Она у тебя светлая... Ну-ка подойди!

Демчук протянул руку и коснулся пальцами моего подбородка, повернул голову в одну сторону, потом в другую и сказал:

— Хороший череп. Только стрижка коротковата. У меня таких париков нет... Да ладно, что-нибудь придумаем. Пойдем-ка в дом.

Мы вошли в комнату, которая мало чем отличалась от двора. Аркадий Федорович усадил меня в глубокое кресло, запрокинул голову назад, зачесал волосы наверх, потом налил в таз воду и предупредил:

— Не дергайся, не у стоматолога.

Мне на лицо легла теплая влажная марля.

Глава 22

Наверное, все же не стоило отказываться от помощи Демчука, которую он мне предлагал. Будь он со мной, спокойно и быстро собрал бы чучело. У меня же, как назло, все получалось из рук вон плохо. Целый час я провозился за кустарником на склоне, ведущем к морю, и когда водрузил раскрашенную гипсовую голову на стержень и осмотрел своего двойника, мне

стало так плохо, что я даже тихо застонал. Опершись о ветку, передо мной стоял какой-то урод в костюме, с распухшими руками и ногами, впалой грудью и плоским задом. Физиономия его, наполовину скрытая большими черными очками и рыжеватым чубом, зачесанным на лоб, лоснилась, словно ее намазали салом, и отсвечивала неестественным бронзовым загаром, как будто он только что вернулся из зоны испытания ядерного оружия.

Вытаскивая чучело на шоссе, я уже сильно сомневался, что из этой затеи выйдет что-нибудь путное. Солнце уже скрылось за горами, и вся надежда была на сумерки, которые должны были скрыть многочисленные недостатки моего двойника.

Я приставил фигуру к постаменту, согнул ее руку в локте и прижал гипсовую щеку к рукаву — так не было заметно, что рукав пустой, без кисти. Конец второго рукава сунул в карман пиджака. Последним штрихом была сигарета, которую я воткнул в специальное отверстие между губами моего двойника. Затем отошел на шоссе, чтобы посмотреть, как чучело смотрится со стороны, и облегченно вздохнул. Неплохо. Даже здорово!

Я взглянул на часы — четверть восьмого. Еще раз проверил, достаточно ли устойчива фигура, опалил кончик сигареты, перекрестил чучело и, подхватив рюкзак, стал подниматься по сыпучему склону вверх. Там нашел промоину, на дне которой сплелись между собой коричневые корни крымской сосны, и стал готовить позицию.

Трофейный, отлично смазанный пистолет «ТТ» с глушителем, который достался мне в Таджикистане, я взвел, поставил на предохранитель и спрятал в нагрудный карман куртки. Наручники, одолженные у Кныша, повесил на поясной ремень. Разгребая обеими руками землю перед собой, сделал небольшой бруствер, а в нем — узкую бойницу. Эти меры предосторожности наверняка окажутся лишними, но я не мог сидеть без дела. Без четверти восемь, когда в сгущающихся сумерках начали блекнуть краски и физиономия чучела в солнцезащитных очках стала выглядеть нелепо, я замер на дне своего окопа, глядя в сторону Морского.

Я был уверен, что машина приедет именно с той стороны, потому что водителю, сидящему у левого окна, так будет намного удобнее стрелять. В момент, когда она поравняется с постаментом, мы с водителем окажемся практически на одной линии, и я буду видеть его плечи и спину. Главное — не промахнуться и нечаянно не угодить ему в затылок или позвоночник.

Мимо, в сторону Морского, подняв клубы пыли, прогрохотал грузовик с прицепом. Как только он покатил вниз, ухая тормозами, я различил ровный гул легковой машины, а через пару секунд на подъеме вылетела светлая иномарка — кажется, это была старая «тойота», — притормозила у памятника, и я отчетливо увидел незнакомого человека за рулем, кото-

рый сидел у правой дверцы, высунув локоть в открытое окошко. Рулевая колонка была с правой стороны! С такого положения невозможно было выстрелить.

Как будто согласившись с моими мыслями, водитель ударил по газам, и машина, увеличив скорость, быстро умчалась прочь. И снова стало тихо.

Я выругался в полный голос, вышел из своего укрытия и спрыгнул с обрыва на шоссе. «Тойота», подмигивая красными огоньками, катилась по спуску. «Что его насторожило? — думал я, глядя то на удаляющуюся машину, то на чучело. — Почему он был на машине с правосторонним управлением, ведь через всю кабину стрелять не только неудобно, а практически невозможно?»

Тут я, издав сдавленный звук, быстро присел и на полусогнутых побежал к постаменту. «Тойота» разворачивалась, она возвращалась! Все правильно! Водитель первый раз проехал мимо, чтобы убедиться, что я один и жду его. Теперь постамент окажется от него по правую руку, и выстрелить на ходу через открытое окно будет совсем несложно.

Я подскочил к своему двойнику. Надо было для большей убедительности сменить позу. Повернул его на пол-оборота, прислонил к постаменту. Водитель — если он, конечно, вообще будет стрелять — наверняка станет метить в висок.

Машина тем временем взлетела на перевал на большой скорости, но за два десятка метров до постамента снова пригасила скорость. Я видел, как водитель повернул голову вправо, глядя на чучело. Свободная рука ушла вниз, затем — резко вверх. Он выпрямил ее, высунув в окошко. Матово блеснул ствол пистолета. Один за другим прозвучали три выстрела. Я успел увидеть, как гипсовая голова разорвалась на куски, словно внутри ее сработала граната. Крошки защелкали по бетонной поверхности постамента, и рядом со мной упал отвратительный розоватый нос. «Тойота» взвыла мотором. Я сделал какой-то несуразный прыжок и упал на шоссе перед машиной, мчавшейся прямо на меня. У меня уже не оставалось времени, чтобы вытащить пистолет и, вытянув руку, направить его на цель. Рукоятка зацепилась за край кармана, а палец уже давил на спусковой крючок. Две пули ушли выше кабины в небо. Третья выбила лобовое стекло, и оно осыпалось мокрым сахаром. Завизжали тормоза. Киллер машинально рванул руль в сторону, пытаясь меня объехать. Он все еще держал в правой руке пистолет, сжимая его рукоятку вместе с рулевым колесом. Четвертый раз я смог выстрелить, хорошо прицелившись. Машина съехала на обочину и сразу же сбила оградительный столбик. Деформированное правое крыло острым клином вонзилось в колесо. Раздался скрежет, дверка раскрылась с такой силой, словно по ней изнутри ударили ногой. «Тойота» с намертво закли-

нившим правым колесом пробороzdила метр юзом и, развернувшись боком, замерла в нескольких шагах от меня.

Я вскочил на ноги и кинулся к машине. У самой двери на земле лежал револьвер с коротким тяжелым стволом. Я откинул его ногой и заглянул в кабину. Согнувшись вдвое, на сиденье стонал и корчился молодой человек в джинсах и бордовой майке. Обе руки, выпачканные в крови, он прижимал к верхней части груди, словно что-то прятал и боялся, что я отниму это у него.

Я придавил его коленом, рывком отвел окровавленную руку и, приставляя ствол своего «ТТ» к голове убийцы, приказал:

— Вылезай!

Парень застонал, когда я, поторапливая, дернул его за руку. Он не симулировал: пуля, кажется, угодила ему под левую ключицу, и рана доставляла сильную боль. Опасаясь, как бы он сейчас не отдал концы, я выволок его наружу, положил на землю и стал сдирать с него майку.

К счастью, все оказалось намного проще, чем я предполагал. Рана, на мой неискушенный взгляд, была пустяковой, точнее — не смертельной. Над плечевым суставом чернела дырочка, и из нее тонкой струйкой текла кровь. Возможно, моя пуля раздробила киллеру сустав, но сострадать убийце по этому поводу я не стал. Он знал, на какое дело шел, — значит, пусть теперь выгребает по полной программе.

Я перевернул его животом вниз, встал ему на спину и завел обе руки назад. Парень заорал и, пока я не очень умело надевал ему наручники, скрипел зубами.

С каждой минутой тьма сгущалась, и это было мне на руку. Пока киллер, сидя у постамента, плевал себе под ноги и морщился, я сходил на противоположную сторону, поднял с земли несчастное обезглавленное чучело, снял с каркаса костюм, проволоку скинул с обрыва, а газетные комки, сложив в кучу, поджег. Огонь вспыхнул на минуту и быстро погас. Я переоделся в костюм, а камуфлированные брюки и куртку кинул в рюкзак. Револьвер убийцы поднял с земли при помощи обрывка бумаги, чтобы не оставить на нем свои отпечатки, и опустил в полиэтиленовый пакет. Затем перевязал его самого куском ветоши, которую предусмотрительно прихватил с собой, открыл дверцу и сказал:

— Садись, стрелец.

Он не заставил меня повторять, с трудом поднялся на ноги и сел на сиденье слева от места водителя.

«Тойота» завелась не сразу, но после пятой попытки мотор заурчал, и я вырулил на шоссе.

— Куда везешь? — глухим голосом спросил киллер.

— В полицию, конечно, — ответил я, счищая с приборной панели стеклянные крошки.

— Не надо к ментам. Давай договоримся.

— Давай, — охотно согласился я.

Честно говоря, я понятия не имел, что буду делать с этим человеком. Какой-либо ценности для Гурули он наверняка не представлял, и использовать киллера в качестве заложника вряд ли мне удастся. Скорее всего, этот начинающий «мокрушник» в глаза не видел Гурули, а задание и деньги получил от какого-нибудь третьего лица. Значит, доказать причастность Гурули к моему убийству практически невозможно, как, собственно, и сам факт преступления. В кого стрелял этот парень? В гипсовую куклу. А вот я стрелял в него. И попал.

— Разговор наш, надеюсь, будет коротким, — сказал я, демонстративно покачивая стволом пистолета у лица киллера. — Я задаю вопрос, ты отвечаешь. А потом посмотрим, что с тобой делать. Первое: кто тебе приказал меня убить?

— Я ее не видел. Мы только раз говорили по телефону.

— Ты говоришь — ее. Это была женщина?

— Да.

— Ее зовут Эльвира?

— Не знаю, она не представлялась.

— Твоя фамилия?

— М-м-м... Лепетиха. Артем Лепетиха.

— Как она тебя нашла, Лепетиха?

— Раньше я работал в Ялтинском клубе моряков, потом меня уволили, но остались связи... Три года я провел на зоне...

— За что сидел?

— Квартирная кража... В общем, когда вернулся, места для меня не нашлось, но я сказал своим ребятам, что ищу хорошую работу, оставил домашний телефон. Обещали помочь. Пару раз брали на разборки — выбивать долги. Но это так, мелочь... Потом позвонила эта женщина и предложила дело. Я сразу по ее намекам понял, что от меня требуется. Твою фотографию и деньги мне передали на алуштинском автовокзале.

— Кто передал?

— Не знаю. В почтовый ящик мне подкинули жетон камеры хранения. Там выдали небольшую сумку.

— И ты сразу поехал в Морское?

— Не сразу. У меня еще оставалось полдня. Я «засветился» в нескольких кафе, чтобы обеспечить себе алиби.

— Ты не подумал о том, что тебя могли подставить? Звонит какая-то неизвестная баба, заказывает убийство, а ты сразу соглашаешься. Мало ли на кого она работает.

— Нет, здесь я ошибиться не мог, — усмехнулся Лепетиха. — Она к ментам не имеет никакого отношения. У меня телефон с определителем, и эту бабу я сразу просчитал. Таких номеров, которые начинаются с девятки, на нашей АТС всего пара десятков. Они обеспечивают дачи на Барсучьей поляне — бывшие обкомовские гнезда. Сейчас там живут авторитеты, иностранцы и предприниматели.

— Ты номер запомнил?

— А на кой черт он мне сдался? Меньше знаешь — спокойнее спишь.

— Где находится Барсучья поляна?

— В горах. Точно не знаю, я там никогда не бывал и не хочу быть.

— Ты будешь докладывать о выполнении задания?

— М-м-м... Да.

— Как? Когда?

— Сегодня в полночь мне снова позвонит эта женщина.

— Тебе домой?

— Да, в алуштинскую квартиру.

— Что ты должен ей сказать?

— Теперь уже ничего, — скривился парень.

— А если бы ты все же продырявил мне голову?

— Тогда бы я сказал, что все в порядке.

— Вот так и скажешь. Ясно, стрелец? А теперь погнали к тебе в гости. Там я тебя и подлечу малость.

— Не довезешь, — сквозь зубы произнес Лепетиха.

— Довезу, — заверил я его, разворачиваясь в обратную сторону.

Глава 23

Мы въехали в город. Светофоры из-за позднего часа уже были переведены в дежурный режим, мигали желтым светом, и я, не снижая скорости, вылетел на перекресток у автовокзала. Напротив лестницы подземного перехода, прижавшись к бордюру, стоял желтый «уазик». Меня словно ледяной водой окатили. Опершись о капот, на проезжей части скучал полицейский и постукивал регулировочной дубинкой по кожаной перчатке. Увидев нас, он шагнул и лениво махнул ею, приказывая остановиться. В моем рюкзаке, лежащем на заднем сиденье, два пистолета, в том числе и тот, которым я ранил человека, сидящего рядом со мной. Плюс к этому — отсутствие лобового стекла, помятое крыло, окровавленная повязка на плече Лепетихи. С таким «набором» даже самый ленивый гаишник вцепится мертвой хваткой. А потом последует целая череда крупных неприятностей.

Все это промелькнуло в моем сознании в одно мгновение, и решение созрело гораздо раньше, чем Лепетиха успел прохрипеть сдавленным голосом:

— Сваливай!

Я вежливо объехал полицейского и погнал во всю прыть, на которую была способна старая «тойота».

— Сейчас направо! — орал Лепетиха. — Теперь налево... Опять направо! Стой! Стой! Бросай машину к чертовой матери! Давай пешком!

Я надавил на тормоз, заглушил мотор, подхватил с заднего сиденья рюкзак, наскоро протер носовым платком руль и набалдашник рычага скоростей и помог Лепетихе выбраться из кабины.

В течение нескольких минут, запутывая следы и уходя от преследования, мы с моим убийцей были единомышленниками и союзниками.

— Я боюсь слежки, — сказал он, когда мы спустились на бульвар и быстро скользнули в тень огромных букв. — И не хотел бы, чтобы около дома меня увидели с тобой. Это вызовет подозрение у моих заказчиков.

— Хорошо, — после недолгой паузы согласился я. — Ты пойдешь впереди, а я метров на сто сзади. Но учти...

— Я все понял, — перебил он меня. — Не надо угроз. Я устал сегодня от них... Смотри вперед. Вон башенкой стоит девятиэтажка. У нее единственный подъезд. Я зайду первым, и буду ждать тебя у лифта.

— Хорошо, — кивнул я. — Ждешь меня у лифта. А ключи пусть пока побудут у меня. Какой номер квартиры?

— Шестнадцатая. Четвертый этаж.

Лепетиха повернулся и заковылял к дому. Я подождал, когда дистанция между нами станет достаточной, и, прижимаясь к кустам, пошел следом за ним. Он поднялся по ступеням подъезда, со скрипом открыл дверь и вошел внутрь. Я выждал минуту-другую, сделал приличный круг по соседним дворам, подошел к дому с противоположной стороны, пригибаясь, пробежал вдоль стены и заскочил в подъезд. На площадке, где находилась дверь лифта, света не было, и я, предупреждая возможный удар по голове, медленно обошел угол на расстоянии, прижимаясь спиной к почтовым ящикам.

— Лепетиха! Где ты там прячешься?

Никто не ответил. Я встал ближе к мусоропроводу, чтобы оказаться напротив двери лифта и в то же время подальше от нее, и почти без удивления, словно так оно и должно быть, увидел лежащего на полу человека. У меня не было с собой никакого иного источника света, кроме зажигалки. Я высек пламя. Лепетиха лежал лицом вниз, широко раскинув руки и ноги, будто летел в затылочном прыжке. Две пули вошли ему в спину, чуть ниже левой лопатки, третья пуля — в затылок. Этим выстрелом его, скорее всего, добились —

так называемый контрольный выстрел, отличительный признак работы профессионального киллера, которым Лепетиха, к моему счастью, не являлся.

Я осторожно обошел труп, стараясь не наступить на лужу крови. Увы, этот парень сделал свое дело, точнее, попытался сделать, и на том его роль в большом криминальном спектакле закончилась. Убийца дождался его в подъезде, убедился, что Лепетиха вернулся один, и в несколько секунд начал свинцом.

Я, судорожно сглатывая, еще раз посмотрел на распостертое на полу тело. Рана от моего выстрела подсохла, и вокруг нее расплзлась малиновым пятном гематома. Следователи будут долго ломать голову над ее происхождением и наверняка очень быстро закроют это дело, выдав привычное для нашего времени резюме: жертва очередной криминальной разборки. И, в общем-то, будут правы.

Кто-то быстро привыкает к смерти. Я не могу. За прошедшую неделю рядом со мной погиб четвертый человек. Меня преследовало чувство, что я выпачкан в чужой крови с ног до головы, что за мной все время следят киллеры. Когда же очередь дойдет до меня? Пот струйками стекал по телу и щекотал между лопаток. Я едва сдерживался, чтобы не вынуть из рюкзака «ТТ».

С тихим воем вниз заскользила кабина лифта. Труп или уже обнаружили, или сейчас обнаружат. Поднимется шум, нагрянет полиция. Оперативная бригада станет осматривать подъезд, двор, прилегающую к дому улицу, задерживая подозрительных лиц...

Я замер, прижавшись к стене, и затаил дыхание. Было слышно, как на первом этаже раскрылись створки лифта, возникла недолгая пауза, затем по ступеням неторопливо зацокали каблук. Это женщина. Сейчас она закричит, поднимет тревогу, вызовет полицию. Сколько у меня осталось времени? Минут пять от силы?

Я не услышал скрипа входной двери, значит, женщина еще не вышла. Что она делает около трупа? Неужели рассматривает его?

Любопытство оказалось сильнее чувства предосторожности. Придерживаясь руками за стену, я медленно приблизился к тому месту, где лежал Лепетиха, и одним глазом заглянул за угол. Рядом с трупом никого не было. Я сделал еще шаг, проскочил мимо дверей лифта и увидел молодую женщину в черном коротком сарафане и широкополой шляпе. Она сделала какое-то движение рукой у почтовых ящиков, закрыла замок-«молнию» на сумочке, похожей на саквояж, повернулась на каблуках-шпильках и быстро вышла на улицу. Откуда она вышла, из какой квартиры? Куда пошла в такое позднее время? Может быть, проститутка от клиента? Очень похоже.

Я стал подниматься наверх. Четвертый этаж. Шестнадцатая квартира. Без семи минут полночь. Я стоял перед дверью, сжимая во влажной ладо-

ни связку ключей, и, подавляя в себе желание побежать вниз, выскочить из этого дома в ночь и раствориться в ней, приставил ключ к замочной скважине. Замок, как мне показалось, слишком громко клацнул. Будь что будет, отступить поздно. Я зашел в темную прихожую и неслышно прикрыл за собой дверь. Приложился к замочной скважине ухом. Тихо.

Через кухонное окно в коридор проникал свет уличного фонаря, и я видел очертания шкафа, дивана и телевизора в комнате. Чтобы не налететь сослепу на какой-нибудь предмет, я выставил вперед руки и зашел в комнату. Телефон заметил сразу — он стоял на журнальном столике, и на его панели светились красные цифры: 23-57. Это встроенные часы. Верхние желтые кнопки — вызов памяти исходящих и входящих номеров. Чтобы не оставить отпечатков, я коснулся ногтем кнопки «FIRE». Высветился телефонный номер, но не тот, который был мне нужен. Я принялся «листать память» и на шестом или седьмом по счету номере остановился. Вот он: 90-00-04.

Я возвратил индикатор в режим часов, подошел к окну и посмотрел вниз. У подъезда по-прежнему безлюдно и тихо. Время — полночь. Лепетиха верил, что в это время ему позвонит все та же незнакомая женщина, и он доложит ей о выполнении задания. Нет, не позвонит по этому телефону Милосердова. Она уверена, что Лепетиха, как и я, убит. Все концы, значит, обрублены. Все следы смыты. И душа Милосердовой спокойна.

В прихожей я некоторое время стоял у двери, прислушиваясь к тишине. Потом открыл замок и, уже не оглядываясь, не прислушиваясь, не таясь, быстро вышел на площадку и побежал по ступеням вниз.

Как только я очутился на бульваре, где-то вдалеке завывала сирена. Ее звук нарастал с каждым мгновением. Пучки голубого света выхватили из темноты деревья и кусты. Я кинулся в ближайшие заросли, сел на землю, дожидаясь, когда две полицейские машины промчатся мимо меня. Значит, женщина в черном сарафане все-таки вызвала полицию...

Глава 24

Вернулся я в Судак, когда только начало светать. Улицы еще были пустынными, и от автовокзала я шел пешком, не беспокоясь, что меня случайно увидит Дима Моргун. Он наверняка был уверен, что меня уже нет в живых, и мне не хотелось разубеждать его в этом. Пусть Моргун, Гурули и Милосердова считают, что Лепетиха выполнил задание и отправил меня на тот свет. В этом случае мой последующий шаг будет для них неожиданным, а внезапность, непредсказуемость — большое преимущество.

Зайдя в дом, я прошел на кухню, сделал себе бутерброд с колбасой и сыром и, жуя, направился в комнату, сел в кресло и стал размышлять.

Я знаю многое, знаю почти все о мошенниках, называющих себя акционерным обществом. Но у меня практически нет доказательств. Я знаю, что Моргун причастен к убийству на Диком острове, к «самоубийству» капитана яхты Караева, но не могу это доказать. Я знаю, что Милосердова живет на бывшей номенклатурной даче в районе Барсучьей поляны, но не располагаю доказательствами этого. Я знаю, что Гурули и Милосердова наняли киллера, чтобы убить меня, и Лепетиха стрелял в моего гипсового двойника, но даже это нуждается в доказательстве.

Доказывать каждую версию по отдельности можно до конца века. Я должен был найти оригинальный, непредсказуемый ход, который поставил бы Милосердову в безвыходное положение, вынудил бы ее раскрыть себя. Когда выяснится, что Эльвира жива-здоровая, то сразу встанет вопрос: а кого в таком случае хоронили с такой помпой? Следственная группа обязательно проведет эксгумацию и начнет выяснять личность убитой. Причастность Эльвиры к этому убийству будет установлена без особых затруднений. А следом за ней потянутся и Гурули, и Моргун, и все остальные «шестерки», которые выслеживали, подставляли, убивали...

Оригинальный, непредсказуемый ход. Легко сказать — найти, но где его найдешь? Я знаю номер телефона — этого вроде бы достаточно, чтобы найти дачу, где сейчас скрывается Милосердова. А что дальше? Я никогда не видел Милосердову, разве что на фотографии школьных лет. Что я скажу женщине, живущей на той даче? Здравствуйте, я знаю, что вы не умерли, вы — живая. В лучшем случае она вызовет «Скорую психиатрическую помощь». В худшем — ее телохранители закопают меня на территории дачи с дыркой в черепе.

Идея витала где-то рядом, но мне все никак не удавалось за нее ухватиться. Для начала надо выяснить адрес дачи. Не откладывая дела в долгий ящик, я тотчас позвонил в справочную.

— Девушка! Телефон есть, а вот адреса не знаю.

— Называйте номер вашего телефона и номер, по которому ищете адрес. Я продиктовал.

— Ждите, я позвоню, — ответила девушка на том конце провода.

Ждать пришлось недолго.

— Алло! — услышал я в трубке. — Вы заказывали адрес по телефону девяносто три ноля четыре?.. Адреса нет, этот номер закрыт и в справочнике не значится.

Я мысленно выругался и зачем-то спросил:

— А счет?

— Счет мы вам пришлем...

И короткие гудки.

— Чтоб ты провалилась со своей платной услугой! — дал волю я своим чувствам.

Этого следовало ожидать. Телефонные номера номенклатурных дач, как и кабинетов высоких государственных чиновников, всегда шли в секретных списках и разглашению не подлежали.

— Хорошо спряталась Милосердова–Васильева, — пробормотал я. — С наскака не достанешь.

И тут меня осенило. В самом деле — Васильева! Наверняка Милосердова взяла паспорт Татьяны и живет под ее фамилией. Возраста они примерно одного, а внешность для молодой женщины — понятие относительное. При помощи макияжа, стрижки и укладки можно без особого труда добиться сходства с фотографией на паспорте. Она выбрала в качестве своей жертвы девушку, которую, как могло показаться, никто особенно разыскивать не станет. Бродяжка, наркоманка — кому она нужна? Но надо сымитировать ее розыск. Скажем, Татьяну Васильеву начал искать бывший любовник, друг или родственник. Надо припугнуть Милосердову, вынудить ее срочно отмазаться от фамилии Васильевой, как от кровавого пятна на своей одежде. А если на эту фамилию уже заказан авиабилет за границу, оформляются документы на вывоз валюты, если она уже крепко влипла с чужой фамилией?

Я даже притопнул от возбуждения и предчувствия удачной охоты. Милосердова никогда не видела меня в лицо, как, собственно, и я ее. А что, если мне самому сыграть роль родственника Татьяны Васильевой и, встретившись с Милосердовой, сделать вид, что я признал в ней, скажем, двоюродную сестру? А чтобы это выглядело убедительно, придумать правдоподобную легенду: мол, никогда тебя, голубушка, не видел, всю жизнь мечтал встретиться, да вот выпал удобный случай — с другом приехал отдохнуть в Алушту, случайно узнал, что живешь недалеко — на Барсучьей поляне, и решил зайти. Убивать меня, тем более, если я буду с Лешей, люди Милосердовой не станут — нет смысла вешать на себя лишний криминал из-за какого-то восторженного родственника. Выставить сразу же за дверь тоже не смогут — с родственником так не поступают. Им придется принять игру, которую я им навяжу. Рано или поздно Милосердова с головой зароется во лжи и выдаст сама себя...

Глава 25

Мне показалось, что чем громче кричишь, тем легче войти в образ и тем убедительнее получается.

— Алло! — до хрипоты в голосе кричал я. — Танюха, это ты?! Это Костик тебя беспокоит! Что значит — какой Костик? Васильев Костик, брательник твой! Мы здесь с дружкой моим, с Лешиком, отдыхаем. А я о тебе совсем случайно узнал. С девчонкой одной из Кемерова познакомился, так она мне про тебя и рассказала. Говорит, Танька в Крым переехала, год уже там тащится. Ну а как я твой телефон раздобыл — это вообще долгая история. Так сколько мы с тобой не виделись? Лет пятнадцать будет? Последний раз — это когда я после десятого класса к тетке Людке в Кемерово заезжал. Ты тогда еще в штанишки писала. Но ты меня хоть немножко помнишь? Смутно? А я тебя тоже не очень. Ну, ты как? Замуж вышла? Детишек нарожала? Еще нет?..

Милосердова понемногу раскачалась. Умная женщина и умеет собой владеть — этого у нее не отнимешь. Она стала смеяться, тонко сыграла, что наконец-таки вспомнила меня, а ее мама, то есть тетя Люда, много рассказывала ей обо мне, и так далее. Я с восхищением воспринимал этот бред, удивляясь артистическому мастерству Милосердовой. А чему, в общем-то, я удивлялся? Женщина, сумевшая навесить лапшу на уши населению Крыма, обязательно должна быть талантливой актрисой.

— Так ты где живешь, сестричка? — спросил я, с трудом найдя паузу в бурном потоке ответной речи моей «сестрички». — Квартира или отдельный дом?

Я был уверен, что сейчас Милосердова начнет под любым предлогом отказывать мне во встрече, уклончиво отвечать на вопрос о месте своего жительства, но она неожиданно повела игру рискованно.

— Я живу на даче с друзьями, — ответила она. — Это, к сожалению, довольно далеко от моря, на Барсучьей поляне. Не слышал о такой?.. Но это все ерунда. Какие у тебя планы, дорогой Костик?

— Может, давай встретимся на берегу, посидим в кафе, вспомним молодость, — начал, было, я, но «сестричка» меня перебила:

— Все ясно. Ты, как все мужчины, не оригинален. «Кафе», «посидим», «вспомним молодость», — передразнила она. — Где вы со своим Лешей остановились?

— В гостинице «Алушта», — мгновенно соврал я.

— Значит, так. Сдавайте номер, собирайте вещи и спускайтесь вниз. Через два часа за вами заедет мой шофер. Серебристого цвета «БМВ», номер — три тройки два ноля. Все очень просто. Запомнил?

— Три тройки два ноля, — весело повторил я, задним умом прикидывая, что они со мной и Лешей сделают: скинут в пропасть по дороге на Барсучью поляну или расстреляют прямо у входа в гостиницу?

Я повесил трубку и, все еще победно улыбаясь, вопросительно посмотрел на Лешу: мол, оцени мою находчивость. Но он не разделил моего по-

казушного оптимизма и с равнодушием обреченного озвучил мои потаенные мысли:

— Ты сумасшедший. В ближайшие три часа нас пристрелят и сбросят в пропасть.

— Точно! — кивнул я. — Именно пристрелят, а лишь потом сбросят. А я все голову ломал, что они сначала сделают.

— Пока не поздно, надо уносить ноги.

— А ты, оказывается, страшно нелюбопытен. Сейчас начнется самое интересное.

— Ну-ну, братишка, — покачал головой Леша. — Кажется, тебе надоела жизнь.

— Неужели ты меня оставишь одного?

— Дать бы тебе по физиономии за подобные вопросы! — вздохнул Леша.

— Не сердись. Меньше всего мне хотелось бы рисковать тобой. Но кто знал, черт возьми, что она начнет играть по-крупному и пригласит нас к себе! Зато какие у тебя останутся впечатления от отпуска! Твои эскулапы от зависти позеленеют, когда ты им расскажешь, как раскусил саму Милосердову.

— Прежде чем они позеленеют, мой труп посинеет, — мрачным голосом ответил Леша. — Ладно, сколько той жизни! — махнул он рукой. — Давай руководи, великий комбинатор.

По пути к гостинице «Алушта» мы с Лешей договорились, как будем себя вести. Чтобы сильно не усложнять «легенду», Леша представится врачом-анестезиологом, работающим в одной из московских районных больниц, а я — водителем троллейбуса. Ладони у меня мозолистые, при желании могу перейти на крутой шоферский жаргон — словом, эту роль я сыграю без особого труда.

В первом же отделении связи, которое попало нам по пути, я отправил на домашний адрес Володи Кныша телеграмму: «28 августа, 12.30, г. Алушта. Я и Леша едем в дачный поселок на Барсучьей поляне, где под именем Татьяны Васильевой скрывается Э.М. Ее телефон — 90-00-04. Если вечером не выйду на связь — считай меня коммунистом».

По мере нашего «восхождения на эшафот» нервы наши, казалось, напрягались до струнного звона. Когда мы подошли к гостинице, Леша был хмур и скучен, и единственной умной инициативой его стало предложение врезать коньячка, чтобы, как он выразился, расслабиться и потрясти шарлатанов блестящим актерским мастерством и наглостью.

Мы потягивали «Белый аист» из пластиковых стаканчиков, сидя на горячих ступеньках парадного подъезда, и рассматривали людей, мельтешащих перед нашими глазами яркими цветными пятнами, как бабочки на лугу.

Так прошло не меньше часа. Я уже стал думать, что никто за нами не приедет, и тут увидел, как на малом ходу к стоянке приближается серебристый «БМВ». Три тройки два ноля!

Автомобиль остановился в тени большого бука. Водитель — худощавый мужчина средних лет с рыжими усами — некоторое время еще сидел за рулем, поглядывая по сторонам, затем вышел, сунул руки в карманы, поплевал, постучал ногой по колесу. Он явно видел нас, но не показывал виду, что наблюдает за нами.

— Надо подойти, — зашептал Леша.

— Сидим! — приказал я.

Наконец водитель медленно направился в нашу сторону и недовольным тоном проговорил:

— Не надо делать вид, что меня только что заметили. Поехали!

— Никак не пойму, почему моя сестричка взяла себе такого сердитого крокодила, — сказал я Леше, поднимаясь со ступенек.

Мы с ним сели на заднее сиденье и буквально утонули в нем. Я не видел даже водительского затылка — он был спрятан за высокой спинкой сиденья. Машина с приглушенным гулом рванула с места.

Минут пятнадцать мы кружили по алуштинским улочкам, и я не преминул съязвить:

— Похоже, дружище, что ты забыл дорогу.

Водитель никак не отреагировал на мой выпад.

Некоторую часть пути мы ехали молча. С правой стороны дороги мелькнул указательный знак: «Барсучья поляна — 7 км».

Внезапно водитель свернул с шоссе на грунтовую дорогу. Под колесами захрустел гравий. Переваливаясь с боку на бок, «БМВ» на низкой скорости преодолевал глубокие промоины. Я даже не заметил, как машина подъехала к мощной, покрытой мхом стене, сложенной из крупных камней. Такую стену в десяти шагах от себя не увидишь. Откуда здесь этот древний крепостной бастион?

Водитель посигналил. Между могучими буками дрогнули глухие железные ворота, беззвучно распахнулись створки. Он остановил машину и, не приглашая следовать за собой, вышел наружу.

— А мы чего сидим? — спросил я, глядя, как он вразвалочку идет к едва заметному среди деревьев деревянному двухэтажному дому с широкой верандой и мансардой. — Пошли, расцелуемся с сестричкой.

— Тут нас и прикончат, — вслух подумал Леша и, толкнув меня в бок, показал глазами вперед.

Перед верандой, на площадке, обозначенной угловатой кладкой из красного кирпича, красовался бело-голубой джип «мицубиси». Прислонившись

к нему спиной, скрестив на груди руки и кокетливо поставив каблук на широкое колесо, стояла молодая женщина, одетая в плотно облегающие кожаные джинсы, напоминающие брюки для верховой езды, и в просторную белую рубашку. Ее темные волосы были аккуратно зачесаны назад и свернуты тугим клубком на затылке. На бледном, лишенном какой бы то ни было косметики лице огнем полыхали ярко-красные губы.

Я узнал ее. Это была та самая женщина, которую я видел у почтовых ящиков в подъезде, где убили Лепетиху.

Глава 26

— Наконец-то! — воскликнула Эльвира, глядя то на меня, то на Лешу, и не очень решительно остановила взгляд на мне. — Объявился мой голубчик, родственничек!

Она раскинула руки в стороны, принимая меня в свои объятия. Мы довольно тепло потискались друг друга.

— Ну, — сказала она, — дай же тебя рассмотреть как следует.

Она здорово играла и тем самым помогала мне. Я стал забывать, что передо мной хитрая преступница, и уже почти воспринимал Эльвиру в самом деле как свою дальнюю родственницу.

— По-моему, мы с тобой похожи, — сделала вывод она, насмотревшись на меня вдоволь.

— А ты сильно изменилась.

— Надеюсь, в лучшую сторону?

— Конечно! Такая красавица! Ты была совсем другой.

Я помогал ей. Было заметно, что, несмотря на мастерство перевоплощения, Эльвира первую минуту волновалась: как я отреагирую, увидев ее? Ведь в ее понятии я действительно был неожиданно свалившимся на голову двоюродным братом Татьяны Васильевой. А вдруг сразу пойму, что передо мной чужая женщина, самозванка?

— А это, — перевела она взгляд на Лешу, который тенью стоял рядом со мной, — надо понимать, твой друг Лешка?

Леша изобразил какую-то ужасную улыбку, протянул Эльвире руку и сотворил уродливый реверанс.

Мы поднялись на веранду и оттуда через широкие двустворчатые двери из красного дерева вошли в просторный холл. Покрытый лаком дорогой паркет, мягкая мебель, обитая кожей, напольные вазы с цветами. На второй этаж вела деревянная лестница, перила которой поддерживали резные амурчики.

— Неплохо ты устроилась, — произнес я. — Это я сюда тебе звонил?

— Не совсем, — ответила Эльвира. — Ты звонил в офис на Барсучьей поляне, а в этом доме я живу. Идем наверх, я покажу вам ваши комнаты.

— Наши комнаты? — удивился я. — А для чего нам нужны комнаты?

— А вы разве ко мне только на день приехали? Поживете несколько дней, подышите горным воздухом, отдохнете от курортной жары и суеты.

Я понял, что сопротивляться бесполезно. Мы с Лешей стали подниматься за Эльвирой по сверкающей лаком лестнице.

— А где, кстати, ваши вещи? — спросила она, не оборачиваясь.

Леша хотел что-то вякнуть, но я опередил его:

— А какие вещи могут быть у двух бродяг? Два старых рюкзака с рыболовными снастями — так мы их в камере хранения гостиницы оставили.

— Мы ведь не знали, что вы нас у себя оставите, — наконец вставил Леша.

— Давай сразу на «ты», — предложила Эльвира. — Терпеть не могу, когда меня называют на «вы» или по имени-отчеству... Сейчас налево.

Мы зашли в коридор, и она открыла первую дверь. Маленькая, уютная комната со скошенным потолком, обитым мореной вагонкой, диван, два кресла, телевизор.

— Это комната для Леша, — пояснила Эльвира.

— Как для Леша? Мы разве будем жить в разных комнатах? — спросил я.

— Конечно! Это в своей гостинице будете жить в одном номере. У меня достаточно места. И никаких протестов не принимаю. Пошли, покажу твою комнату.

Она находилась самом конце коридора и мало чем отличалась от Лешаиной.

— Оставляю тебя на полчаса, — сказала Эльвира. Душ на первом этаже в правом крыле. Мойтесь, отдыхайте, а потом спускайтесь в гостиную. Там и поговорим обо всем.

Через две минуты, наскоро исследовав комнату и то, что находилось под окном, я уже был у Леша.

— Как тебе моя сестричка? — спросил я, заглядывая под диван и кресла.

— Красивая женщина, — сдержанно оценил Эльвиру Леша.

— Не то слово... — Я выглянул в окно, посмотрел вниз, по сторонам, наверх, сел на подоконник, достал блокнот, ручку и написал: «ПОД НАШИМИ ОКНАМИ КАРНИЗ», а вслух добавил: — Она просто красавица!

Леша прочитал, тоже выглянул в окно и показал мне большой палец. Он понял: в случае необходимости мы можем перейти друг к другу по карнизу.

— А не прогуляться ли нам по лесу перед обедом? — предложил я.

— Отличная идея! — поддержал Леша.

Мы вышли из комнаты и, стараясь идти тихо, спустились по лестнице в холл. Никого. Лесная тишина царствовала в этом роскошном лаково-деревянном доме.

— Вот как все просто, — сказал я, направляясь через веранду к выходу, но явно поторопился обрадоваться. В дверном проеме неожиданно выросла фигура водителя. На плече его висела винтовка «гаранд», напоминающая гобой.

— Вернитесь назад, — сказал он спокойно.

— Разве мы не можем выйти?

— Не создавайте себе лишних проблем.

— Это арест?

— Это в целях вашей личной безопасности, — ответил водитель и предупредительно качнул прикладом.

— Вопросов больше не имеем, — ответил я и дал задний ход.

Глава 27

— Это Альгис, наш охранник, по совместительству — водитель. Он будет заботиться о вашей безопасности. Это Самуил, он ведет все хозяйственные дела. Это Роза. Она помогает готовить и следит за парком... — представляла нам Эльвира собравшихся за столом обитателей особняка. — А теперь накладывайте. Самуил, налей гостям! Что будет пить мой дорогой братик?

— Водку!

— А Леша?

— Винца бы неплохо, — не совсем уверенно отозвался Леша.

— У меня есть тост! — сказал я, поднимаясь из-за стола. — Друзья! Так уж получилось, что мы с Танюхой живем далеко друг от друга. Она — в Кемерове, я — в Москве. И потому мы так непростительно редко встречаемся. Последний раз это случилось, если не ошибаюсь, пятнадцать лет назад... — Я врал без запинки, с пафосом и выражением и завершил свою речь словами: — За тебя, дорогая Танюха! За то, что ты превратилась в прекрасного лебедя, уверенно идешь по жизни и не забываешь своих родных!

— Ты намекаешь на то, что раньше я была гадким утенком? — подняв глаза, спросила Эльвира.

Опасный вопрос. Эльвира пыталась выяснить, насколько хорошо я запомнил ее в школьные годы.

— А разве не так? Тебя даже твоя мама утенком называла.

— У шестнадцатилетних мальчиков, каким ты был тогда, извращенное понятие о красоте, — ответила Эльвира, пряча улыбку в бокале с шампан-

ским. — Мама меня действительно называла утенком, но она вкладывала в это слово совсем иной смысл.

— А меня в детстве мама называла воробышком, — сказала Роза, хохотнула и качнула бюстом.

— А я был Робин Гуд, — с сильным акцентом произнес Самуил. — Старший брат так говорил, папа так говорил, мама так говорил, бабушка с дедушкой...

— Ну, рассказывай! — сказал я Эльвире, энергично работая челюстями. — Как твоя маманя поживает? Она все еще работает акушеркой?

— Мама умерла.

— Правда? — Я чуть не поперхнулся. — А я не знал.

— Ты много чего еще не знаешь, — добавила Эльвира.

— И давно умерла?

— Месяц назад.

— Надо же! А мои предки неделю назад от нее письмо получили.

— Это у нас так почта работает.

— Нет, почта здесь ни при чем! Это письмо передали с проводницей поезда. Ты что-то путаешь.

— Мне жаль, — не меняя тона и выражения на лице, ответила Эльвира. — Жаль, что ты узнал правду. Я не хотела травмировать твоих предков. Мать написала это письмо три месяца назад, а я отправила его только после ее смерти.

Мы несли полную чушь, но делали это с достоинством и завидным самообладанием.

— Рассказали бы вы лучше о себе, — пришла на помощь хозяйке Роза.

— О себе? — переспросил я, делая вид, что мой взгляд уже плывет. — О себе нескромно. Пусть лучше Танюха обо мне расскажет.

— А что я о тебе знаю? — пожала плечами Эльвира. — За пятнадцать лет ни письма, ни открытки.

— Как это — ни письма, ни открытки?! — вспыхнул я. — А бандероль с конфетами «Красный Октябрь» на Новый год? А свитер ручной вязки на 8 марта?

— Врешь ты все, — ответила Эльвира и снова пригубила бокал. — Не было ни конфет, ни свитера. У меня такое ощущение, что ты говоришь не о себе, а о ком-то другом.

Змея! Голыми руками не схватишь!

— Ну вот! — развел я руками и как бы нечаянно скинул на пол рюмку и графин с водкой. Графин лопнул, как маленькая бомба, разбрасывая осколки во все стороны. Подо мной растеклась большая лужа, и резкий запах водки повис над столом.

— Э-э-э-э! — протянул Самуил и покачал головой.

— Костик, ты пьян, — ледяным тоном произнесла Эльвира.

— Господа, у меня есть тост! — заорал я, с грохотом отодвигая от себя стул и протягивая руку за графином, стоящим напротив Самуила. — Я хочу поднять тост за юность Танюхи — те прекрасные годы, которые канули в прошлое безвозвратно... Я хорошо помню, какой она была неуправляемой, взбалмошной девчонкой, как сходила с ума тетка Люда — царство ей небесное! — когда Танюха связалась с хиппи. Я тогда думал, что эта тяга к вольнодумству, к романтике, к бескорыстию и свободной любви останется в твоей душе навсегда. А поэтому позволь мне подарить тебе маленький сувенир, как память о том золотом времени.

Я нетвердой походкой подошел к Эльвире, достал из кармана кожаную «фенечку» убитой Васильевой, встал у ее ног на одно колено и надел «фенечку» ей на шею.

Эльвира, опустив голову вниз, рассматривала сумочку. Вряд ли она видела раньше эту штуку. Только убийца Васильевой мог узнать «фенечку», но среди этих людей его не было.

— Я очень тронута, — сказала она негромко. — Спасибо. Сумочка просто замечательная. Но у тебя, наверное, что-то с памятью, или ты меня с кем-то спутал. Я никогда не была взбалмошной, как ты говоришь. Я была усидчивой и старательной школьницей, любила литературу и информатику.

— Правда? — захолопал я глазами. — Что время делает с человеком!

— А чтобы ты почаще вспоминал меня, — тем же вкрадчивым голосом произнесла Эльвира, — хочу подарить тебе очень дорогую мне фотографию.

Она встала и, цокая каблуками по паркету, вышла из комнаты, а быстро вернувшись обратно, протянула мне снимок:

— Смотри, вот это, в сарафанчике и с бантами, — я, а этот толстяк — кто, не догадываешься?

Я смотрел на снимок, где совсем юная Эльвира стояла рядом с мальчиком, не в меру упитанным, подстриженным почти «под ноль», в майке, туго натянутой на животике, в стоптанных домашних тапочках и спортивных брючках, оттопыренных на коленях.

— Кто? — повторил я и пожал плечами. — Не догадываюсь.

— Это ты, мой дорогой двоюродный братик.

— Правда? Надо же, какой кругленький. А сейчас худой, как сушеная вобла. Что жизнь делает с людьми!

Эльвира вернулась на свое место. Мне нужен был тайм-аут, чтобы разобраться во всей этой мешанине, от которой у меня уже мозги сдвигались набекрень. Кто кого, черт возьми, надувает? Я — Эльвиру или она — меня?

Я снова потянулся за графином, но Леша неожиданно перехватил мою руку и ляпнул:

— Кирилл, тебе уже хватит!

Я чуть под стол не свалился. Какой, к черту, Кирилл? Я же Костик! Такая грубая ошибка не могла остаться незамеченной, но, тем не менее, никто не отреагировал. Эльвира, оттопырив золотоносный мизинчик, с увлечением резала соленый огурчик микроскопического размера. Крокодил скатывал хлебные крошки в шарики и лепил из них пирамидки. Самуил сверлил меня своими черными глазами и, похоже, мучительно отыскивал повод, чтобы ко мне придраться. Роза отмахивалась от маленького волнистого попугайчика, который невесть откуда появился и спикировал на ее пышную прическу. Леша с помертвевшим лицом косился в мою сторону.

Я упал со стула и больше не вставал.

Глава 28

Боюсь показаться нескромным, но во мне, кажется, умер артист. Не думаю, что у кого-нибудь могло появиться сомнение в том, что я единолично выпил литровый графин водки и, что было вполне естественно, оказался лежащим на полу без чувств и совести.

Несколько секунд я прислушивался к восклицаниям, выражающим крайне низкую оценку моему поведению. Затем бритоголовые охранники подхватили меня под руки и поволокли к выходу. Я думал, что они вышвырнут меня во двор, но меня потащили по лестнице наверх, открыли моей головой дверь комнаты, внесли меня внутрь и небрежно свалили на диван.

— К утру оклемается, — сказал один.

— Тем хуже для него, — добавил второй.

И они ушли.

Некоторое время я еще лежал, прислушиваясь к удаляющимся шагам, потом встал, подошел к двери и выглянул в коридор. Никого. Тогда я осторожно направился к комнате Леша. Нажал на ручку, и, к моему удивлению, дверь тут же открылась. Я проскользнул внутрь, пошарил по стене в поисках выключателя и зажег свет. Комната была пуста. Постельное белье, аккуратно сложенное на тумбочке, оставалось нетронутым.

Я выключил свет и снова вышел в коридор. Черт возьми, куда он мог подеваться?

Деревянные ступени лестницы предательски заскрипели под моими ногами. В этом доме, построенном на восемьдесят процентов из дерева, вообще нельзя было передвигаться бесшумно. Я спустился в холл, убедился, что он также пуст, и прошел в гостиную. И здесь та же картина: закончен

бал, погасли свечи, со стола уже убрана посуда и стулья кверху ножками поставлены на стол.

Из окна первого этажа выпрыгнуть было несложно. Я приземлился на кучу прошлогодних листьев, которые приглушили звук треснувших веток. Не выпрямляясь, посмотрел по сторонам, отряхнул со штангин высохшие травинки и пошел в сторону от ярко освещенной веранды. Я не мог найти какой-либо тропы, поэтому продирался через кусты, которые выплывали на меня из темноты. Шума, конечно, было много, но после я уже не обращал внимания на подобные мелочи, потому как был уверен, что через минуту-другую перелезу через каменный бастион, растворюсь в ночном лесу и с рассветом выйду на алуштинскую трассу, где поймаю попутку и не позднее обеда познакомлю Эльвиру с целым отделением полиции.

Занятый своими мыслями, я не сразу заметил белую беседочку с полусферическим козырьком, миниатюрными колоннами и перильцами, торчащую, как гриб, между деревьями. Хотел ее обойти, чтобы не светиться на фоне белых колонн, но вдруг услышал приглушенные голоса и спрятался в тени куста.

— Ты мнительный человек, — говорил голос Эльвиры. — Оттого все твои проблемы.

— Я боюсь. Я все время боюсь... — не совсем внятно отвечал ей некто мужским голосом.

— Перестань... Я устала от тебя.

— Если бы ты когда-нибудь в жизни любила... — начал мужчина, но Эльвира неожиданно грубо перебила его:

— Только не надо ныть о любви!

— Два дня. — Мужской голос. — Только два дня. На большее моего терпения не хватит.

— Да? — усмехнулась Эльвира. — А что будет потом?

Мужчина что-то ответил, но совсем тихо, и я не расслышал. Эльвира же отреагировала весьма бурно.

— Что?! — воскликнула она. — Даже так?

Она соскочила с перил и пошла к особняку. Теперь только я увидел мужчину и чуть не вскрикнул от неожиданности. Леша! Я не мог поверить своим глазам. Мой друг, как побитая собака, плелся за Эльвирой. Они давно знакомы? Или же успели близко познакомиться, пока я находился в своей комнате? Чего Леша боится? Чего будет ждать еще два дня?

Я только задавал вопросы, даже не пытаюсь ответить на них: не было времени. Осторожно привстал и, не распрямляясь, пошел параллельно Эльвире и Леше, чтобы расслышать продолжение разговора. И только прислонился к стволу дерева, чтобы заглянуть за него, как сильный удар в лицо свалил

меня с ног. Мне показалось, что за мгновение до этого перед моими глазами что-то ярко вспыхнуло. Ослепленный мощным фонарем, я тряс головой, не соображая, что случилось. Не успел я встать на корточки, как новый удар опять кинул меня на землю. Рот наполнился кровью, в голове гудело, словно в трансформаторе высокого напряжения. Прикрыв лицо руками, я попытался рассмотреть, кто это так старательно упражняется на мне, но новая вспышка, а за ней еще более сильный удар лишили меня всякой возможности ориентироваться в пространстве.

— Ну что, братишка, не нравится? — услышал я рядом с собой незнакомый голос.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

— Это хорошо. Моя воля, так я бы твои зенки каблуком повыбивал.

— За что ж так жестоко?

— Вяжи его, чего ты с ним беседу завел? — сказал кто-то второй.

Я с трудом различил огни веранды. Затем чья-то тень закрыла их собой. Ударом ноги меня повалили лицом на землю, наступили на спину и туго связали руки...

Глава 29

Второй раз за сегодняшний вечер я поднимался по скрипучей лестнице на второй этаж с помощью двух крепких молодцев. Первый раз парни обращались со мной намного вежливее. Теперь, затащив меня в комнату, кинули на пол, еще пару раз двинули по спине и затылку, после чего вышли и заперли дверь.

Я сразу же стал извиваться, как червь на рыболовном крючке, проверяя, насколько добросовестно меня связали, и после недолгих и безуспешных телодвижений понял, что без посторонней помощи мне не удастся даже слегка ослабить ремни.

Голова все еще болела, а привкус крови во рту вызывал тошноту. Трудно сказать, сколько времени я пролежал на полу, глядя на потолок, по которому скользили тени листьев. Судя по динамике развития событий, надеяться мне можно только на Володю Кныша, который не захочет считать меня «коммунистом» и примчится сюда со всем отделением полиции. Главное, чтобы он успел.

Когда у меня начала мучительно ныть спина, и я сделал несколько попыток встать на колени, в дверном замке заскрежетал ключ, дверь распахнулась, вспыхнул свет, и на пороге выросли фигуры моих «носильщиков».

— Не замерз? — вежливо поинтересовался один из гигантов.

— Нет, благодарю, — ответил я.

— Сейчас замерзнешь, — со скрытой угрозой пообещал второй.

Они рывком поставили меня на ноги и вытащили в коридор. Завертелась привычная карусель, но уже в обратном порядке: коридор, скрипучая лестница, холл. «Носильщики» свернули под лестницу и поставили меня напротив двери, обитой жостью.

Сюрпризы не закончились! Дверь перед самым моим носом распахнулась, и мне навстречу вышел Леша со связанными за спиной руками, невероятно окровавленным лицом и сизыми синяками под глазами. Идущий следом за ним Альгис толкнул несчастного анестезиолога в спину.

— Пшел, козел!

— Привет! — сказал я, силясь улыбнуться. — Давненько не виделись, да?

Леша поднял голову, глянул на меня мутными глазами, слегка разлепил губы, покрытые корочкой крови, но ничего не смог ответить. Альгис снова толкнул его в спину, а один из моих «носильщиков» сказал:

— Еще увидите. Вам по одной дорожке в одну ямку идти.

Меня втолкнули в комнату. Это была бетонная коробка без окон, без мебели, если не считать стола, за которым сидела Эльвира, и табуретки, на которую посадили меня. Очень похоже на тюремную камеру.

— Давай начистоту, братишка, — заговорила она. — Это в твоих интересах. Сознаешься во всем — отпущу на волю. Нет — тогда не обижайся.

— Я сознаюсь, — с готовностью ответил я.

— Кто приказал тебе шпионить за мной?

— Никто. Я сам, — ответил я.

Несильный удар кулаком по голове.

— На кого ты работаешь? — с большей долей угрозы спросила Эльвира.

— На Фемиду.

Второй удар, но уже более чувствительный.

— Кто тебе дал номер моего телефона? — продолжила допрос Эльвира.

Я на мгновение задумался. Если я расскажу все, то они убьют меня очень быстро, возможно, еще до рассвета. А если буду молчать или лгать, то забьют ногами здесь же, немедленно.

— Я выписал его из памяти определителя номера.

— Я тебе не звонила.

— Естественно, — усмехнулся я. — Ты звонила Лепетихе.

— Не знаю никакого Лепетихи. — Эльвира сжала губы. Лицо ее стало еще более жестоким.

— А я тебя видел в его подъезде около полуночи. В десяти шагах от труп.

— Он бредит, — сказала Эльвира носильщикам. — Или принимает нас всех за идиотов. Вы плохо работаете, ребята.

— Плохо, — согласился один из носильщиков и вздохнул. — Будем исправляться, хозяйка. Позволь выбить ему зубы?

— Это надо было сделать до того, как вы приволокли его сюда — процедила Эльвира и снова обратилась ко мне: — Я повторяю вопрос. Что тебе приказали здесь выведать?

— Он ищет здесь Милосердову, хозяйка, — вместо меня ответил один из «носильщиков».

— Кого? — поморщилась Эльвира.

— Генерального директора «Милосердия».

— Так она, насколько мне известно, вроде...

— Так точно, хозяйка. Ее похоронили в Симферополе. Газеты об этом писали.

Эльвира снова посмотрела на меня — теперь уже настороженно:

— Значит, ты принимаешь меня за Эльвиру Милосердову?

— В общем-то, да, — ответил я и кашлянул. — Но если посмотреть с другой стороны, то, скорее, не за Милосердову, а за Татьяну Васильеву.

— Бред! Чистойшей воды бред! Ну, что ты еще расскажешь нам про... как там ее? Тамару Владимирову?

— Татьяну Васильеву, — поправил я. — Странно, что ты переспрашиваешь. Когда я назвал тебя по телефону Татьяной, ты проглотила это и не поправила меня.

— Видишь ли, мой хороший, — улыбнулась Эльвира, — меня в самом деле зовут Татьяной.

— Васильевой, — уточнил я.

— Увы, ни Милосердовой, ни Васильевой.

— Это еще надо доказать, — предположил я.

Носильщики снова заржали.

— Первый раз такого придурка вижу! — сказал один из них.

— Заткнись, Боб! — прикрикнула на него Эльвира. — Отведите его в комнату, дайте что-нибудь поесть и выпить. И поласковее с ним, поласковее. А я пока вызову врачей, кажется, он действительно псих.

История повторялась слишком навязчиво. Меня снова выволокли в холл и потащили по лестнице вверх. Если мне суждено дожить до старости, то до конца дней своих я уже не смогу забыть эти ступени. Затем, традиционно открыв моей головой дверь, вошли в комнату, усадили меня в кресло и тотчас вышли.

Я не мог поверить в удачу. Они забыли связать мне руки!

Некоторое время я рассматривал свои ладони и пальцы, словно это был случайно найденный под креслом крупнокалиберный пулемет, затем стал торопливо освобождать от ремней ноги. «Такая удача случается раз в сто

лет, — думал я, пытаюсь совладать с волнением и дрожью. — Эти олухи подарили мне свободу! Эти бараны преподнесли мне бесценный подарок!»

Опасаясь, что «бараны» могут вспомнить о своей оплошности и вернуться, я запрыгнул на подоконник и глянул вниз. Темнота и высота не пугали меня. Прыжок со второго этажа вслепую в сравнении с перспективой попасть в психиатрическую лечебницу не казался опасным. Какая чепуха — второй этаж!

Свист в ушах, чувствительный удар в ноги, приземление. Я повалился на бок, смягчая удар, уперся руками в кучу влажных листьев, вскочил и, прихрамывая, побежал прочь от этого дома! Добежав до бетонной стены, погладил ее шершавую поверхность, отыскал монтажную скобу, подтянулся и, перелетев через ограду, помчался по лесу с такой скоростью, на какую был способен.

Лес постепенно редел, и вскоре я вышел на альпийский луг, усыпанный белыми горбатыми валунами, напоминающими могильные надгробия. Внизу рассыпалась огнями Алушта, а еще дальше по черному полотну моря медленно скользили разноцветные огни судов.

Я свернул правее, где, как мне казалось, должна проходить дорога, прилегающая к ялтинской трассе, и вдруг остановился как вкопанный, услышав за своей спиной приглушенный лай и рычание. По моим следам неслась стая собак.

Я посмотрел по сторонам, надеясь найти в этой кромешной тьме какую-нибудь увесистую дубинку, но, как назло, луг был чистым, словно здесь недавно прошел субботник. Тяжелый удар в спину повалил меня на землю. Лидер — огромное чудовище в пышной светлой шубе — принялся рвать на мне куртку, а второй волкодав вцепился мертвой хваткой в мою правую ногу. Этот был помельче размером, но такой же свирепый и храбрый, как и вожак. Боль придала мне сил, и я, дернув плечом, словно бил молотом по наковальне, сумел скинуть с себя вожака. Он отскочил назад для разбега, подался вперед и прыгнул вверх, намереваясь схватить меня за лицо, но промахнулся, щелкнул зубами, кусая воздух, и схлопотал обычный боксерский апперкот под нижнюю челюсть. Вожак издал какой-то сдавленный звук, упал на широко расставленные лапы и, мотая большой головой, стал прицеливаться на мою левую ногу. Наконец он схватил меня чуть ниже колена и поджал лапы, притягивая меня к земле всем своим весом, а другой пес вцепился мне в локоть.

Я проигрывал. Силы быстро покидали меня. Третий, самый мелкий волкодав держал меня за штанину и, пятясь назад, пытался стащить с шоссе. Меня шатало из стороны в сторону. Пока еще свободная и здоровая левая рука маятником ходила по собачьим спинам и головам, но одуревшие от

вкуса крови и предчувствия близкой победы псы не обращали на это внимания.

Не в силах больше сопротивляться и терпеть боль, я упал на колени, стараясь подмять под себя жожака, но он успел выскочить и, приближая финал, прыгнул на меня, распарывая клыком кожу на затылке.

Неожиданно в глаза ударил яркий свет а через мгновение я различил звук мотора. Хлопнули один за другим два выстрела, и мои мохнатые палачи в один голос заскулили, жожек упал на спину, задергал лапами и быстро затих. Второй упал на бок и стал делать странные движения головой.

— Ты жив, Кирилл?! — закричал кто-то над самым моим ухом. — Кто на тебя натравил собак? Где они?

Наконец я различил в свете фар знакомый профиль Володи Кныша. Пытаясь поднять меня на ноги, он проворчал:

— Подкидываешь ты нам вводные. Где они?

— Кто? — не сразу понял я.

— Ты давал мне телеграмму?

— Давал, Володя, давал.

— Лезь в машину, по дороге обо всем расскажешь. До Барсучьей поляны еще километра три?

— Мы не туда, в другое место поедем.

«Уазик» объехал труп волкодава и помчался вверх по серпантину.

— Как ты вышел на Эльвиру? — спросил Кныш, когда я вкратце рассказал ему о своих злоключениях.

Пришлось рассказывать о Лепетихе, о его неудачном выстреле у останков памятника морскому десанту, о том, как я нашел его труп в подъезде алуштинского дома, и о телефоне с определителем номера.

Кныш покачивал головой, кашлял, кряхтел, ругался вполголоса и бормотал:

— Занимаешься не своим делом. Я же предупреждал тебя... Как пацан, в самом деле... — А где твой друг? — вдруг спросил он.

На этот вопрос мне было труднее всего ответить. После того как мы встретились с Лешей под лестницей, у обитых жестью дверей, я не вспоминал его ни разу, уходил от мыслей о нем.

— Друг? А друг остался там.

— Ты бежал один? — удивился Кныш.

— Это было самым разумным решением, — начал я нести какую-то ахиною. — Нас заперли в разных комнатах. — А про себя подумал: «Моих мозгов на Лешу не хватает. Не могу, не хочу давать какое-либо объяснение тому, что я видел. Кныш — мент, ему за это деньги платят. Пусть сам разбирается с Лешей, выясняет, как долго тот знаком с Эльвирой, и что его с ней может связывать».

Мы свернули на лесную дорогу.

— Я знаю эти места, — сказал незнакомый полицейский в бронежилете. — Мы едем на дачу, которую года два назад купила фирма, занимающаяся производством компьютерных программ. А офис у них на Барсучьей поляне.

— Охрана у них большая? — спросил меня Кныш.

— По крайней мере, трое.

— Оружие?

— Я видел только у одного. Самозарядная американская «гаранд».

— Она стоит на учете, — заметил мент в бронежилете. — У них есть лицензия.

— У нас нет даже косвенного повода вламываться на дачу, — проворчал Кныш. — Разве что придраться из-за собак?

Тут запищал сигнал вызова на радиостанции, и полицейский ответил:

— Слушаю, «седьмой».

— Ты где сейчас? — раздался надтреснутый голос.

— Подъезжаем к даче компьютерщиков.

— Очень кстати. Оттуда получен вызов.

Полицейские переглянулись.

— Не понял, «первый»! Откуда вызов?

— С дачи компьютерщиков. Это в лесу под Барсучьей поляной. Прием!

— Причина вызова?

— Попытка ограбления.

— От-ты, блин горелый! Ну, есть, приедем — разберемся. Через пятнадцать минут буду на связи.

Глава 30

Перед самой дачей откуда-то из темноты прямо под колеса машины кинулся человек. Я без труда узнал в нем Альгиса.

— Стой! Стой! — кричал он, размахивая рукой, хотя водитель затормозил сразу, как только Альгис показался в свете фар.

Кныш приоткрыл дверцу, и Альгис тотчас просунул голову в кабину. Он еще не видел меня и скороговоркой обратился к водителю:

— Как хорошо, что вы приехали! Прошу за мной! Здесь плохая дорога, будьте осторожны! — И пошел впереди машины, постоянно оглядываясь и махая рукой.

— Ты его видел? — спросил Кныш.

Я кивнул.

— Это один из охранников. Его зовут Альгис.

— Я его знаю, — отозвался алуштинский полицейский. — Он работает в службе безопасности фирмы, регистрировал у нас свою «пушку» и несколько газовых пистолетов.

Тем временем Альгис, непрерывно размахивая рукой, вошел в распахнутые ворота. Мы въехали на территорию бастиона. Ни одно окно дачи не светилось.

«Уазик» остановился рядом с бело-голубым «мицубиси». Сержант вышел первым, следом за ним — алуштинец, затем — Кныш. Я вышел последним. Увидев меня, Альгис вдруг просиял:

— Вы его, голубчика, уже взяли? Какая радость!

— Идите в дом! — оборвал Кныш. Лицо его было мрачнее тучи.

— Мое почтение, Игорь Игоревич! — Альгис театрально поклонился и поднес ладонь к виску, приветствуя алуштинского полицейского.

Они пожали друг другу руки. Кныш сделал вид, что не заметил этой фамильярности, и первым поднялся по ступеням на веранду. Я, пропустив вперед себя Игоря Игоревича, пошел следом за ним.

— Зажгите свет! — распорядился Кныш, оглядывая холл. — Все, кто есть в доме, пусть соберутся здесь.

— Будет сделано, — вежливо ответил Альгис и торопливо пошел вверх.

— Сядь! — бросил мне через плечо Кныш, указывая на кресло.

Я сел и принялся рассматривать свои раны. Кныш расхаживал по холлу, рассматривая картины и макраме. На меня — ноль внимания. Игорь Игоревич тоже сел в кресло, «калашников» кинул на диван, взял с журнального столика какую-то газету и закрыл ею лицо.

Прошло немало времени — так, во всяком случае, мне показалось, — прежде чем заскрипели ступени лестницы, и я увидел Эльвиру в наброшенном на плечи черном платке. Лицо ее было бледным и усталым. Она мельком взглянула на меня, потом на Кныша и остановила свой взгляд на алуштинце.

— Вот, — сказала она холодно, протягивая ему лист бумаги. Игорь Игоревич взял и только начал читать, как Кныш, развернувшись лицом к Эльвире, исподлобья глянул на нее и спросил:

— А вы, простите, кто?

— Я — хозяйка дачи, — ответила Эльвира, высокомерно взглянув на лейтенанта.

— У вас есть какие-нибудь документы?

— Паспорт вас, надеюсь, устроит? — усмехнулась Эльвира и протянула Кнышу паспорт, который держала под платком.

Тот раскрыл его и долго рассматривал первую страницу. Я, вытянув шею, пытался разглядеть фотографию и фамилию.

— Сысоева Татьяна Юрьевна, — вслух прочитал Кныш, кашлянул и кинул на меня недвусмысленный взгляд. — Тэ-эк, — протянул он, пряча паспорт в карман. — Кто еще проживает в доме?

— Сотрудники моей фирмы. Прикажете всех поднять с постелей?

— Татьяна Юрьевна, — заискивающим тоном проговорил Игорь Игоревич, протягивая лист Кнышу, — это в ваших же интересах. Мы должны допросить всех свидетелей.

— Можете начать с меня, — вызывающе произнесла Эльвира-Татьяна. — Остальные пусть пока отдыхают. У нас и без того была сумасшедшая ночь.

— Суть вашего заявления нам ясна, — сказал Игорь Игоревич. — Хотелось бы выяснить некоторые детали. Первое: зачем вы пригласили двух незнакомых людей к себе?

— Этот оборванец по телефону представился моим двоюродным братом. К сожалению, я сначала поверила ему и послала к гостинице «Алушта» машину.

— Когда же вы поняли, что вас обманывают?

— Сразу, как только мы встретились. Мой братец раза в три толще этого самозванца.

— Почему же вы сразу не сказали ему, что произошла ошибка, и вы — не его сестра? — спросил Кныш. Он пытался мне помочь.

— Видите ли, — усмехнулась Эльвира-Татьяна, — мы сразу поняли, что перед нами воры и аферисты. Если бы я сказала, что произошла ошибка, то они бы спокойно ретировались. А отпускать жуликов без наказания — не в моих правилах.

— И тогда вы решили подыграть им? — подсказал Игорь Игоревич.

— Совершенно верно. Один из них — этот, — она показала пальчиком на меня, — нажрался как свинья, и его пришлось унести в комнату, а второй, забыв, что он вор, попытался крутить со мной любовь. Они выдали сами себя. А еще он принял меня за покойную Эльвиру Милосердову.

— За Милосердову? Какая чушь! Что вы на это можете сказать? — повернулся ко мне Игорь Игоревич.

— Я все уже рассказал вам в машине, — парировал я.

— Володя! — обратился Игорь Игоревич к Кнышу. — Можешь не сомневаться, Татьяну Юрьевну я знаю уже лет пять...

— Семь, — поправила «сестричка».

— Правильно, семь. Мы познакомились, когда я помогал Татьяне Юрьевне регистрировать кооператив «Информатика». В общем, это порядочная деловая женщина, и претензий к ней у нас нет.

«Вот ты и по горло в дерьме, Кирюша, — сказал я себе. — Причем без лопаты».

Снова заскрипели ступени лестницы. Мы все как по команде подняли головы вверх. В холл спускались Роза в каком-то вульгарном малиновом пеньюаре и Самуил — в спортивном костюме. Мне показалось, что глаза Розы заплаканы, а щеки Самуила неправдоподобно черны от щетины, словно он нарочно вымазал лицо в саже.

— Присядьте, — сказала им новоявленная Татьяна Юрьевна. Похоже, что теперь она командовала парадом. — У вас есть вопросы к моим сотрудникам? — обратилась она к Игорю Игоревичу.

— Лично мне все ясно, — не поднимая головы, ответил тот.

— У меня вопрос, — неожиданно для меня проявил признаки жизни Кныш. — Скажите, — обратился он к Розе, — что в этом доме делал этот человек? — И он кивнул в мою сторону.

— Этот человек? — рассеянно переспросила Роза, оглядывая всех присутствующих и теребя края пеньюара на груди. — Он представился братом Татьяны Юрьевны, но мы все понимали, что он обманывает.

— А как вы думаете, для чего он вас обманывал?

— Думаю, что он хотел что-нибудь украсть.

— И потому напился, как мне сказали, до бесчувственного состояния?

— Он притворялся пьяным, — устало произнесла Татьяна Юрьевна. — Дешевый трюк: все думают, что человек невменяем, а тот тем временем чистит карманы и шкафы.

— Вы обнаружили пропажу каких-либо вещей?

— Я еще не проверяла..

— Где его сообщник?

Татьяна Юрьевна кивнула Самуилу. Тот нырнул под лестницу, клацнул замком, и в холл вышел Леша. Я не смог сдержать улыбки: на лице моего друга не осталось и следа от недавних побоев. Везет же некоторым! Все зажило за несколько часов, как в сказке!

— Что касается этого гражданина, — сказала Татьяна Юрьевна, показывая кончиком сигареты на Лешу, — то могу сказать, что он в отличие от своего коллеги вел себя не агрессивно и, насколько я поняла, представился своим собственным именем. Я не вижу в его поступках какого-либо криминала.

— Разберемся, — многообещающе ответил Игорь Игоревич и перевел сонные глаза на меня и Лешу. — В машину, оба!

— Его-то за что? — спросил я, поднимаясь с кресла. — Сказали же ясно: криминала нет.

Игорь Игоревич неожиданно зло рявкнул:

— Молчать!

Татьяна Юрьевна кивнула мне напоследок и певуче произнесла:

— Чао, братишка!

«Может быть, это вовсе не она была в подъезде Лепетихи? — подумал я, выходя из холла на веранду. — Нет, не может быть, ошибка исключена, к тому же у меня отличная зрительная память. И номер телефона — самая веская улика. Лепетиха сказал мне: начинается на «девяносто». В памяти определителя другого такого телефона не было. Значит, кем бы ни была эта женщина — Эльвирой или Татьяной, с ее офисного телефона кто-то звонил Лепетихе и заказывал убить меня. И это есть истина...»

С такими мыслями я вышел из особняка, с наслаждением вдыхая свежий утренний воздух. Кныш на секунду поравнялся со мной и едва слышно произнес:

— Ну и дурак же ты, батенька.

Я с чистым сердцем пожал ему руку.

Глава 31

Нас с Лешей посадили рядом на заднее сиденье, и я не преминул посмаковать ситуацию.

— Слушай, дружище, а тебя били намного аккуратнее, чем меня!

— Да ну, перестань, — стушевавшись, ответил Леша и тронул себя за скулы. — Все болит.

— Разговорчики! — повернулся к нам Игорь Игоревич, и мы дружно замолчали.

На кругу перед алуштинским автовокзалом машина остановилась, Игорь Игоревич вышел из нее и пожал Кнышу руку.

— Довезешь их до Судака и сразу назад. А мне дочь из школы забирать надо, — сказал он сержанту и захлопнул дверь.

Я очень кстати вспомнил о школе. Сегодня первое сентября — начало занятий.

— Фу-ты ну-ты! Володя, а интересная у нас была ночь, да? Чего ж ты такой безрадостный? — хлопнул я его по плечу. — Отделались легким испугом. Так ведь?

— Мне твои легкие испуги, — сквозь зубы ответил Кныш, — слишком дорого обходятся. Учти, в последний раз я вытаскиваю тебя из дерьма.

— Не зарекайся! — улыбнулся я и наклонился к сержанту: — Послушай, братан, тормозни-ка у троллейбусной остановки.

— Куда тебя еще понесло? — устало бросил Кныш.

— Мне с вами не по пути. — Я открыл дверцу и помахал на прощание Леше. Тот как-то жалостливо глянул на меня, словно я оставлял его на тонущем корабле, и без всякой надежды спросил:

— Может, я пойду с тобой?

— Увы, мой друг! К любимой женщине вдвоем не ходят.

«Эх, Леша, Леша, — подумал я, глядя вслед «уазику», — что ж ты натворил!»

Троллейбусы на Симферополь отправлялись каждые пятнадцать минут, и мне не долго пришлось томиться от предгрозовой духоты. Я привалился к окну и уснул, а когда открыл глаза, мы уже выруливали на площадь железнодорожного вокзала.

Отыскать в малознакомом городе среднюю школу номер двадцать три оказалось делом более сложным, чем мне представлялось сначала. Люди, к которым я обращался с вопросом, пожимали плечами или же утверждали, что они не здешние. У меня сложилось впечатление, что в Симферополе в сезон практически невозможно найти коренного жителя.

Через час утомительных поисков я вошел в прохладный школьный вестибюль, поднялся по лестнице на второй этаж и заглянул в учительскую.

— Что вы хотите? — спросил меня молодой мужчина в легкомысленной футболке — преподаватель физкультуры, наверное.

— Я ищу Наталью Ивановну.

— Наталью Ивановну, Наталью Ивановну, — забормотал физкультурник, подходя к стенду с расписанием. — А у нее сейчас урок.

— И скоро он закончится?

— Он только начался. Присаживайтесь, подождите. Хотя вы можете заглянуть к ней в класс, если у вас срочное дело.

— Очень срочное, — подтвердил я.

— Десятый «Б». Это на третьем этаже, по центральному коридору.

Я поблагодарил физкультурника, поднялся наверх и приоткрыл дверь с табличкой 10-й «Б».

Пожилая женщина, сидя за столом и подперев щеку рукой, устало говорила классу:

— Что вы понимаете в любви? Любовь — это вовсе не чувство. Это не порыв, не страсть, если хотите...

Она обратила внимание, что все ученики с любопытством смотрят на дверь, и тоже повернула голову.

— Вам что?

— Извините, Наталья Ивановна. У меня очень срочное дело к вам. Мы с вами недавно встречались...

— Да, я отлично вас помню! — перебила она меня. — Вы же из газеты, я права? Зайдите, не стойте в дверях, а то меня продует сквозняком. Сядьте за последний стол и послушайте. Мы говорим о нравственных ценностях, о любви к ближнему и сострадании. Считайте, что это будет преамбулой к нашей с вами беседе.

Я едва досидел до конца урока. Когда грохочущая лавина учеников очистила класс, Наталья Ивановна протянула мне полиэтиленовый пакет, набитый тетрадями.

— Поухаживайте... Для учителя литературы и языка самое трудное — разбирать почерк и носить домой сочинения. Потому у меня плохое зрение и хронический остеохондроз. Как, простите, вас величать?.. Ну что ж, Кирилл Андреевич, идемте ко мне, будем пить чай и говорить об Эльвирочке.

Перед дверью своей квартиры Наталья Ивановна нагнулась, откинула половичок и подняла с пола ключи.

— А вы не боитесь?.. — удивленно спросил я.

— Не боюсь. У меня ровным счетом нечего красть. А ключи я могу по рассеянности потерять или забыть в школе... Проходите! Только не надо так старательно вытирать ноги, все равно вы нанесете мне столько грязи, что придется мыть пол.

Когда я вошел в прихожую и оттуда осмотрел единственную комнату, то понял, что у Натальи Ивановны в самом деле красть было нечего. Старенький диван, какой-то допотопный буфет, заставленный рюмками и разнокалиберными чашками, большой сундук и круглый стол на одной ноге. Вот и вся мебель.

— Присаживайтесь, — сказала она, кивая на сундук. — На нем очень удобно. Это когда-то смастерил мой дед.

Она скрылась на кухне, а я стал рассматривать многочисленные фотографии в рамках, висящие на стенах.

— Это мои ученики, пятьдесят восьмой год, — сказала Наталья Ивановна, зайдя в комнату и проследив за моим взглядом. Она стала расставлять на столе чашки, сахарницу, маленькие вазочки для варенья, тарелку с пряниками. — А вот это, правее, мой класс на практике. Сборка черешни в деревне Дрофино... А чуть повыше — этакая сборная солянка. Все медалисты, которых я выпустила.

Я рассматривал лица, глаза, прически, кофточки, пиджаки. На меня смотрела целая эпоха.

Наталья Ивановна подошла к стене, сняла групповой снимок в рамке и провела по нему пальцем, словно стирала пыль.

— Вот она, Эльвира. Перед выпускным балом. Красивая, юная...

Я взял из ее рук фотографию. В кругу одноклассников Эльвира выглядела не по годам взрослой девушкой. Ровный овал лица, слегка обозначенные скулы, выделяющиеся губы, спокойный, какой-то умиротворенный взгляд. На шее цепочка с крестиком. Для того времени это был вызов, провоцирование скандала. Прическа пышная, украшенная живой или искусственной

розой. Нет, Эльвиру Милосердову, даже если она с годами изменилась, я никогда не видел.

— Давайте, голубчик, пить чай, а то остынет, — вздохнула Наталья Ивановна. — Чего вы там еще увидели?

Мой взгляд вдруг словно приклеился к фотографии, которую я держал в руках. Рядом с Эльвирой в белой рубашке, с каким-то легкомысленным бантиком, пристроенным на лацкане пиджака, улыбался во весь рот... Леша.

— Кто это? — спросил я.

Наталья Ивановна взяла фотографию, отвела ее подальше от глаз.

— Это Алеша Малыгин. Тоже, кстати, один из ее поклонников. Бедный мальчик, совершенно сходил по Эльвирочке с ума! А сколько раз ему драться за нее пришлось! И что? Где он? Как исчез после выпускного бала, так больше я его ни разу и не видела. Кажется, поехал учиться в Москву. Даже на похороны не приехал... Садитесь же, Кирилл Андреевич! Вы словно указку проглотили.

«Да, милая Наталья Ивановна, — подумал я, опускаясь на сундук. — Очень хорошо, что вы не были моей учительницей. Потому что в настоящей любви вы равным счетом ничего не понимаете. Как, собственно, и я».

Глава 32

Букет чувств переполнял меня, когда я возвращался полуденным рейсом в Судак. Самые сильные из них — усталость и горечь от мысли, что предательство и двуличие — вечные пороки людей. «Я считал Лешу другом? Я слишком много доверял ему? Мне больно его терять? Нет, нет, нет. Почему же тогда мне так грустно? Почему я не хочу поверить тому, что уже ясно как день?»

С автовокзала я пешком отправился к морю. Берег моря притягивал, а моя квартира, с вечной горой засохших грязных тарелок в раковине, с альпинистскими веревками, подводными очками, ластами всех цветов и размеров, пневматическими ружьями представлялась мне сейчас камерой смертников, где мне суждено было тыкаться в стены в каком-то полубредовом состоянии, в котором не проглядывалось ни будущего, ни прошлого.

Виртуозно лавируя между изможденными морем и солнцем отдыхающими, я бодро зашагал по кипарисовой аллее на набережную, откуда дул крепкий морской бриз и обрывками доносилась музыка.

«Для начала я зайду к Аруну. Этот приветливый армянин готовит шашлык так, как никто на побережье, — думал я, не в силах совладать со звер-

ским аппетитом, разгорающимся во мне. — Затем загляну в «Парус». Надо будет напомнить о себе и уже с завтрашнего дня возобновить ловлю крабов. А потом, потом...»

То, что я намеревался сделать потом, я сделал в первую очередь — пошел к пирсу. Недалеко от берега прыгали на волнах две «Ямахи», сверкая оранжевыми бортами. Дима Моргун следил за мной из-под зонтика, и его тонкие усики растянулись во всю ширину лица, напоминая математическую скобку.

— Будешь кататься? — спросил он, не поворачивая головы.

— Я хотел предложить тебе бокальчик холодного шампанского.

— Как ты мне надоел! — вздохнул Дима.

— Неправда, — ответил я, опускаясь на песок рядом с ним. — Ты только делаешь вид, что я тебе надоел. На самом деле тебе очень хочется со мной поговорить.

— Черт с тобой! — беззлобно ответил Моргун. — Беги за шампанским.

Когда я вернулся с бутылкой под мышкой, Дима взял у меня из рук бутылку, посмотрел на этикетку и поморщился:

— Сухое! А почему Гульке не сказал, что для меня? Дала бы полусладкое.

— Сухое в жару идет лучше, — отвертелся я.

— Ну, тогда открывай!

Пробка взлетела в небо, вращая белыми боками, словно миниатюрная чайка, и, спикировав вниз, шпокнула по зонтику. Моргун пригубил бутылку. Пузырящаяся пена поползла по его подбородку, съехала на грудь и застряла на золотом кресте с распятием. Затем он передал бутылку мне и мученическим голосом произнес:

— Ну, о чем ты хочешь меня спросить?

— Я уже спросил.

— Эх, Кирилл, Кирилл, — вздохнул Моргун, отобрал у меня бутылку и снова пригубил. — Мне-то не надо лапшу на уши вешать! Ты хочешь узнать, кто брал в прокат акваланги девятнадцатого августа.

— Да, ты прав, — признался я. — Я это хочу узнать.

— Тогда запоминай. В десять часов утра — молодая женщина. Фамилия ее тебе ничего не скажет. Она поплескалась минут двадцать у пирса, собрала в пакет мидий и сдала аппарат. Около двенадцати акваланг взял молодой мужчина... — Моргун сделал паузу, предвкушая мою реакцию. — Да, вторым был мужчина. Алексей Малыгин. Твой знакомый, если не ошибаюсь? Он пользовался аквалангами долго, почти до четырех часов. Должно быть, далеко плавал. Есть еще вопросы?.. Пользуйся случаем, следопыт, сегодня я даю для тебя пресс-конференцию по полной программе.

— Ты сможешь повторить все, что сказал мне сейчас, под протокол?

— Смогу, — не совсем охотно ответил он. — Завтра утром. Но в обмен на одну маленькую услугу.

— Какую же?

— Ты дашь мне слово, что больше никогда не станешь цепляться ко мне, как банный лист.

Глава 33

Я давно заметил: мои дни делятся на удачные и неудачные, причем неудачные начинаются с того, что я поздно просыпаюсь.

Так случилось и в этот раз. Я вылез из спального мешка в двенадцатом часу, еще час ушел на холодный душ и смазывание многочисленных следов собачьих зубов чудодейственным бальзамом, который мне дала Наталья Ивановна. В итоге я вышел из дома в час полуденной сиесты и Володю Кныша на работе не застал. Дежурный сказал мне, что он на выезде и сегодня вообще не появлялся в отделении.

Надо было предупредить Моргуна, что наша беседа «под протокол» переносится на вторую половину дня, и я пошел на набережную.

Зонтик и шезлонг стояли на своем обычном месте, только вместо Моргуна в тени расслаблялся незнакомый молодой мужчина.

— А где Моргун? — спросил я его.

— Все, — ответил мужчина и зевнул. — Моргуна больше не будет.

— Что значит — не будет?

— Уехал Моргун.

— Надолго?

— Навсегда.

Я выпрямился и поискал глазами Сергея. Парень подкачивал помпой «банан», а группа людей в полосатых спасательных жилетах сосредоточенно следила за его ногой.

— Где твой шеф? — спросил я его, подойдя вплотную.

— Здравствуйте, — узнал меня Сергей. — Вы Моргуна ищете? Так он уехал в Москву.

— По делам или как?

— Навсегда уехал. Сдал все дела и технику новому начальнику, рассчитался с нами и вчера в ночь уехал.

— Почему так срочно? Как он это все объяснил?

— Никак не объяснил, — пожал плечами Сергей. — Он еще давно говорил, что его берут в одну крутую московскую фирму... этим... менеджером, что ли?

— И теперь у тебя новый шеф? — Я кивнул в сторону шезлонга.

— Да, — не совсем радостно ответил Сергей. — Теперь у меня новый шеф.

Мне ничего другого не оставалось, как вернуться к себе домой. Зайдя во дворик дачи, я закрыл калитку на защелку, снял развешанный на проволоке после стирки горный комбинезон и надел его. Он не облегал тело, был достаточно просторным для того, чтобы спрятать в его карманах оружие.

Потом я закрылся в душевой, приподнял ванну за края, сдвигая ее в сторону, разобрал открывшийся под ней квадрат кафельных плиток и вынул из тайника завернутые в промасленную тряпку трофейный «ТТ» и наручники, которые мне подарил на день рождения Кныш.

В восьмом часу, когда на поселок опустилась прохлада, я вышел на улицу, поднялся по Новосветскому шоссе до улицы Морской и подошел к дому, во дворе которого стоял небольшой фанерный флигель. Дверь его была не заперта, и я, пригнув голову, зашел в комнату, пробежал взглядом по койке, тумбочке, журнальному столику, на котором стояла глубокая тарелка, доверху наполненная вареными креветками, и сел в старое продавленное кресло.

Ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура Леша. Он вытирал голову махровым полотенцем и заметил меня не сразу.

— Очень кстати, — сказал он, протягивая мне руку и с каким-то настроженным вниманием глядя мне в глаза. — А я креветок купил, сейчас ужинать будем.

Я молчал. В комнате повисла напряженная тишина..

— Ты чего молчишь? — не выдержав, спросил Леша.

— Думаю.

— О чем?

— С чего начать.

— Начинай с середины, — посоветовал Леша. — Чего ты морщишься?

— Пистолет мешает.

— Так вынь его и положи на стол.

— Ты прав, — кивнул я, — так и сделаю.

«ТТ» ударился тяжелой рукояткой о поверхность стола. Я положил его с таким расчетом, чтобы Леша мог дотянуться до оружия так же легко, как и я.

— Заряжен? — поинтересовался он.

— А как же!

— Надо было все-таки взять его с собой, когда мы на Барсучью поляну полезли. Тогда бы эти жулики разговаривали с нами иным тоном.

Тут уж я не сдержался и хлопнул ладонью по колену.

— Ну ладно, хватит! Я все знаю!

- Все? — после недолгой паузы уточнил Леша. — Смелое заявление.
- Сам понимаешь, я долго шел к тому, чтобы сказать это.
- Мы долго шли, — поправил Леша, делая ударение на первом слове.
- Не мы, а я. К сожалению, наши пути оказались разными.
- Ну, это еще вопрос спорный... Да ладно! Я готов тебя выслушать.

Валяй, к какому умозаключению ты пришел?

Если бы я не располагал двумя последними фактами, то, глядя на самоуверенного и спокойного Лешу, отсекся бы от своей версии. Он нравился мне даже сейчас — своим умом, талантом перевоплощения, своим обаянием.

— Самое грустное в этой истории заключается в том, что я потерял друга, — начал я. — Ты сыграл роль прекрасного человека, романтика, искателя приключений, который одновременно мог быть и верным другом, и авантюристом. Такого мне всегда не хватало в жизни. Я привязался к твоему герою. Он был нужен мне... Но спектакль закончился. И вместо Леша передо мной сейчас сидит артист, которому по своим качествам никогда не подняться до уровня своего героя... Такое, наверное, случается у артистов. Конечно, все можно списать на твою безумную любовь к бывшей однокласснице, — продолжал я. — Но это пусть делает кто-нибудь другой. Я человек примитивных старых взглядов на чувства мужчины к женщине и считаю, что любовь побуждает мужчину на сильные и благородные поступки, а не превращает его в труподела, «мокрушника»...

— По-твоему, я кого-то... э-э-э... убил? — осторожно поинтересовался он.

Я сделал глубокий выдох и уже спокойно сказал:

— С Эльвирой Милосердовой вы учились в одном классе. Должно быть, у тебя были к ней сильные чувства. Я думаю, что Эльвира, зная об этом, держала тебя на коротком поводке и навязывала свою волю. Не по годам умная и хитрая, она предложила тебе совершить вместе с ней дьявольскую аферу. Она создала акционерное общество, пообещала вкладчикам высокие проценты, раскрутилась, открыла несколько филиалов. Деньги потекли на счета «Милосердия» рекой, а когда пришло время массовых выплат по процентам, она придумала, как красиво выйти из игры.

— А в чем же заключалась моя роль? — спросил Леша. Мне показалось, что в его голосе прозвучала ирония.

— А ты тем временем крепил со мной дружеские отношения, готовясь подставить меня, — жестко ответил я. — Ты знал, что каждый день по несколько часов я нахожусь рядом с Диким островом. Лучшей кандидатуры, на которую можно было бы свалить убийство, трудно было найти. Вы открыли на мое имя фиктивный валютный счет, чтобы потом можно было обосновать

мотивы убийства банкирши, состряпали поддельное письмо, которое якобы я написал Эльвире, договорились с Караевым о прокате яхты, а между делом активно сажали на иглу свою жертву — Татьяну Васильеву из лагеря хиппарей, благо что тебе, как анестезиологу, несложно было достать наркотик...

Девятнадцатого августа, ближе к полудню, когда я нырял за крабами у берегов Дикого острова, ты взял напрокат у Моргуна комплект аквалангов и пригласил Татьяну на морскую прогулку. Думаю, что она была в состоянии глубокой эйфории и полностью подчинялась твоей воле. Ты взял курс на остров, поставил «Ассоль» на якорь недалеко от берега... Затем вы с Татьяной вышли на берег. Ты стал раздевать ее. Не думаю, что она сопротивлялась. Повалил на гальку, прижал ее голову к большому плоскому камню и тяжелым бульжником размозжил ей череп...

Леша немного побледнел и стал покусывать губы.

— Продолжать? — спросил я.

— Да, — глухо ответил он.

— Ты утопил ее одежду — это, собственно, лишь короткие шорты да майка на тонких бретельках. Но, видимо, впопыхах обронил «фенечку», которую несколько часов спустя я нашел. Перенес труп на яхту, надел на него заранее приготовленный деловой костюм Эльвиры и сбросил тело в трюм. Затем отнес в мою лодку акваланг и кожаную накидку Эльвиры с вложенным в нее письмом, отогнал лодку подальше в море и в акваланге нырнул в воду. В принципе вы все неплохо рассчитали: я оказался на безлюдном острове один на один с убитой, ее накидка с письмом в моей лодке и крупный валютный счет превращались в серьезные улики. Но, видимо, не учли, что Моргун сумеет уладить конфликт с пограничниками и прикроет меня... Тогда вы решили подставить меня еще раз. У тебя было заметное преимущество: ты без напряжения контролировал ход моих мыслей и знал обо всех моих ближайших планах. Когда я пошел в Морское к Караеву, вам стало ясно, что старик с легкостью выдаст тебя. Ты последовал за мной и убил капитана в тот момент, когда я покупал вино в магазине. Оставался последний свидетель, который видел тебя рядом с Васильевой, — бомж, тусующийся на пляже хиппарей. Вы не трогали его до того момента, пока я им не заинтересовался. Когда в своем расследовании я зашел слишком далеко, догадавшись, кто именно похоронен вместо Эльвиры, вы решили поставить на мне точку. Но жадность наказуема, дорогой Леша. Сэкономив на опытном киллере, вы крупно обломились с этим жалким Лепетихой. Я сумел узнать номер телефона, с которого звонила киллеру Эльвира, и засек сообщницу Милосердовой Сысоеву, которая, скорее всего, и убила Лепетиху.

У меня не было бы никаких шансов вернуться живым из особняка «се-стрички», если бы я на твоих глазах не отправил телеграмму Кнышу. Ты успел предупредить банду об опасности; Эльвира резко ретировалась и спряталась в более надежном месте, а оставшиеся сотрудники так называемой компьютерной фирмы договорились, что разыграют спектакль по обезвреживанию двух аферистов. Я прикинулся мертвецки пьяным, чего ты почему-то не понял, а потому слишком и не старался соблюдать конспирацию. Ночью я выбрался из особняка и подслушал твой разговор с Сысоевой. Скорее всего, вы говорили с ней об Эльвире. Ты настаивал, чтобы она позволила тебе с ней встретиться, угрожал, ставил условия, что будешь ждать еще два дня. Мне кажется, ты начал понимать, что Эльвира и тебя тоже стала водить за нос. Женщина с бешеным состоянием несколько иначе смотрит на школьную любовь, чем мы с тобой...

— Да, — произнес Леша после долгого молчания. — Ты действительно знаешь многое. Но странно то, что любовь стоит в основе поступков этих людей.

— Да какая любовь! — усмехнулся я. — Банальная жадность и кощунство, не знающее границ. Молодая женщина похоронила свое имя, чтобы спокойно присвоить деньги обворованных ею старух. А ты, Леша, лапоть. И мне тебя жалко, потому что Эльвира не любит тебя. Ты напрасно надрывался и пачкал руки в крови.

— Ты в этом уверен?

— Да, Леша. Я в этом уверен.

— Знаешь такую поговорку: победителей не судят?

— Ты считаешь себя победителем?

— Нет, — вздохнул Леша. — Себя пока не считаю.

Мы замолчали. Я должен был подвести итог всему сказанному. «Господи, господи! — произносил я в уме молитву. — Ты ли дал мне на это право? Ты ли меня на это надумил?»

Он мне помог.

— Ну и что ты думаешь делать дальше?

— Надеюсь, — с трудом произнес я, не в силах поднять глаза, — ты понимаешь, что между нами уже не будет тех отношений, что были прежде... Но я не могу, не в моих правилах, не по моему нутру помахать тебе ручкой, уйти, чтобы потом просто избегать встреч с тобой. На тебе слишком много крови. Даже за каплю пролитой невинной крови человек должен отвечать. Ты умервил троих... Четвертой, по твоей наводке, была расстреляна гипсовая фигура, напоминающая меня... Собственно, тебе приговор выносит покойник от имени троих убитых... И мне очень бы не хотелось силой тащить тебя в полицию. Это было бы смешно... словно провинившегося мальчишку...

Ты знаешь, что заслужил. Я даю тебе шанс самому... — Я показал глазами на пистолет. — Возьми.

— А если я не возьму? — медленно проговорил он.

— Тогда придется тащить тебя в полицию силой.

— И у тебя есть на это право? — вкрадчиво спросил Леша.

— У меня есть безумное желание сделать это.

— Но это всего лишь твое желание.

— Это закон справедливости.

— А мне плевать на твои обвинения и приговор.

— Ты убийца! — выкрикнул я.

— Это надо еще доказать, — парировал Леша. — Ты за руку меня не хватал.

Мы одновременно начали привставать со своих мест. Меня переполняло нестерпимое желание дать ему чем-нибудь тяжелым по лбу. Леша оперся о стол, и его руки оказались рядом с пистолетом. Я чувствовал, что всего несколько мгновений отделяют нас от крутой развязки. Если он схватит оружие и выстрелит, я вряд ли успею увернуться. Но первым браться за пистолет все равно не буду. Несколько секунд, едва не соприкасаясь лбами, мы нависали над столом. У меня начали неметь пальцы — с такой силой я сжал кулаки. Вдруг Леша медленно убрал руки со стола, затем отошел на шаг назад и опустился на койку.

— Давай не будем сходить с ума, — произнес он, откидываясь на подушку. — Не хватало нам еще открыть здесь стрельбу. Спрячь свой дурацкий пистолет.

Я, облегченно вздохнув, тоже сел в кресло.

— Может быть, нам выпить по стаканчику? — неожиданно предложил Леша.

— С удовольствием. Горло начисто пересохло! — признался я.

Мы вышли во двор. Леша запер флигель на ржавый висячий замок и пошел вперед, показывая, что доверяет мне и не опасается оказаться ко мне спиной. Но я не захотел исполнять роль конвоира и, когда мы вышли на улицу, поравнялся с ним.

Глава 34

Ближайшее к нам кафе «Встреча» располагало всего тремя круглыми столиками, но в это время там редко когда было много народу. На этот раз оно вообще пустовало. Леша застрял у запотевшей витрины, разглядывая пирожные и напитки в бутылках, а я, раз он взял инициативу в свои руки, сел

за ближайший к выходу столик. Я не думал над тем, что скажет мне Леша, потому как не ждал никакой сенсации. Скорее всего, сейчас Леша пытается выдумать себе какое-нибудь алиби. Именно для этой цели он тянет время, неторопливо стоит у витрины, делая вид, что рассматривает ценники, а сам же напряженно думает, как бы выкрутиться.

Тут рядом с кафе остановился новосветский автобус. Через передние двери по одному стали выходить пассажиры, расплачиваясь с водителем. И вдруг произошло событие, которого я даже предположить не мог. Леша как-то боком наехал на столик, опрокидывая его вместе со мной на пол, а затем молниеносно выскочил на улицу. Пока я выбирался из-под стола, он в несколько прыжков достиг автобуса и за мгновение до того, как закрылись дверцы, нырнул внутрь. Автобус будто только этого и ждал, он резко сорвался с места и погнал в Новый Свет.

— Ну ладно, — произнес я сквозь зубы, задыхаясь от бешенства. — Я тебя достану! Посмотрю, как ты еще будешь со мной шутить... — и отправился обратно к себе домой.

Я даже предполагать не мог, какой меня там ждет сюрприз. У ворот маячила темная иномарка, передняя дверца ее была открыта, и из салона выглядывал какой-то мужчина в светлой рубашке. Заметив меня, он вышел из машины, держа в руке кейс, и, подойдя ко мне, заговорил:

— Простите, что беспокою. Вы случайно не Кирилл Андреевич Вацура?

— А вы кто такой? — спросил я его. — Я вас не знаю.

— В этом нет ничего странного, — усмехнулся незнакомец, — мы ни разу не встречались, хотя... Хотя однажды говорили по телефону.

— Секундочку! Вы, наверное, Виктор Резоевич Гурули? Так сказать, генеральный директор АО «Доброе сердце», или как там — «Сердечная забота»?

— Я действительно генеральный директор акционерного общества. Только называется оно «Милосердие». Может, вы пригласите меня в дом?

— Заходите, — кивнул я и, открыв ключом дверь, сделал приглашающий жест рукой.

Войдя в комнату, Гурули присел на диван, расстегнул пуговицы темного двубортного пиджака, запустил пальцы в маленький карманчик на боку жилетки и достал изящные золотые часики на цепочке.

— Сейчас двадцать два семнадцать... Я отниму у вас от силы десять минут. — Затем положил кейс себе на колени, щелкнул замками и проговорил: — Для начала распишитесь в ведомости. — Он достал лист, надел очки. — Восемьсот семьдесят миллионов плюс проценты. Сумма, разумеется,

указана в купонах, но это всего лишь для проформы. Я выдам вам долларами... Что вы на меня так смотрите? Что-нибудь не так?

Началось! Что-то давненько никто не пытался втянуть меня в очередную грязную историю.

— Вы хотите, чтобы я подписал эту ведомость? — спросил я.

— Так положено, — пожал плечами Гурули.

— Если положено, то почему «Милосердие» не выдало мне какой-нибудь бумажки, подтверждающей, что я внес деньги?

— Не выдало? — Гурули неплохо сыграл удивление. — Что вы говорите! Но этого быть не может!

— Может. Ни квитанции, ни расчетной книжки, никаких других документов.

— Безобразия! — покачал головой генеральный директор, снял очки, положил их в кейс и тише добавил: — Я вам вот что скажу. Конечно, о покойниках не принято говорить плохо, но Эльвира в последние месяцы совсем запустила работу с вкладчиками. Одних финансовых нарушений было не меньше десятка. В то же время она совершенно не воспринимала критику в свой адрес. Я был не в силах повлиять на нее. Но, поверьте, больше этого не повторится. «Милосердие» вернет себе былую славу и доброе имя.

— Вы решили рассчитаться со всеми вкладчиками?

— А как же иначе, голубчик? Я играю с открытыми картами. Многим вкладчикам мы уже вернули деньги. Сегодня дошла очередь и до вас. Пожалуйста, пожалуйста! Не желаете расписываться в ведомости — не надо! У нас все строится на доверии к клиентам...

— Послушайте, Гурули... Я никак не могу понять, зачем вы притворяетесь передо мной? Вы многое знаете обо мне, а я — о вас. Не лучше ли нам объясниться открыто?

Гурули защелкнул кейс, поставил его между ног и поднял голову.

— Простите, я не совсем понял вас.

— Скажите, а почему вы не приехали на встречу, которую сами назначили мне? — спросил я.

— Очень, очень виноват перед вами, — вздохнул Гурули. — Но именно в тот день я срочно вылетел в Москву. Министерство финансов России, знаете ли, привыкло, что люди вроде меня к ним являются по первому вызову, и повторно встреч не предлагает. Это была грандиозная удача, Кирилл Андреевич! Но, надеюсь, вы получили мою телеграмму?

— Телеграмму? Какую телеграмму? — не понял я.

— Ну вот! — с досадой сказал Гурули и хлопнул ладонью по крышке кейса. — Безответственность какого-то почтового клерка может стать причиной конфликта между добропорядочными партнерами.

— Гурули! — едва сдерживаясь, сказал я. — О какой телеграмме вы говорите? Не надоело вам напрягаться и демонстрировать передо мной ваше умение лгать?

— Будьте добры, еще разок. Что-то я не успеваю за ходом ваших мыслей.

— Хорошо, я буду говорить медленнее. Вместо вас к месту нашей встречи подъехал наемный убийца. Он стрелял по мне из окна автомобиля и разнес мне голову на крохотные кусочки. Никто, кроме вас, Гурули, не знал, где я буду находиться в тот день в восемь часов вечера.

— Кирилл Андреевич, — прошептал Гурули, — вы говорите страшные вещи. Вас хотели убить? В вас стреляли? Но... Простите, я не все понимаю...

— Прекратите сейчас же, Гурули! — вскрикнул я и поднялся на ноги. — Хочу вас предупредить, что у меня здорово чешутся руки...

— Что вы себе позволяете? — возмутился мой визави. — Разве я давал вам повод так разговаривать со мной? Да, я уведомил вас телеграммой, что наша встреча отменяется, но я не сделал ничего, что... что причинило бы вам зло. — Он тоже поднялся и процедил сквозь зубы: — Будьте здоровы! Имею честь откланяться.

Я встал перед ним, заслонив собой дверь.

— Заберите деньги!

— Я вас опять не понимаю, — вскинул вверх кустистые брови Гурули.

— А я устал от вашего притворства! Вы же прекрасно знаете, что счет на мое имя фиктивный!

— Я так не думаю, — покачал он головой. — Все документы в порядке, и у меня нет оснований считать их фиктивными... У вас, голубчик, семь пятниц на неделе. Совсем недавно вы звонили мне и говорили совсем другое. Вы требовали немедленно вернуть деньги, угрожали, ругались. Было это?

— Ну, хорошо, — усмехнулся я. — Пусть будет так. Я требовал, угрожал и ругался. И вы вынуждены были принять игру, которую я вам навязал. Почему вы пытались меня убить — легко объяснимо. Но для чего вы принесли мне эти деньги — не пойму. Я не прикоснусь к ним, потому что они украдены, и вы, Гурули, вор.

— Они не украдены, — жестко ответил Гурули. — Это добровольные взносы вкладчиков. И с каждым из них я рассчитаюсь в ближайшее время.

— Что вы говорите? Никогда бы не подумал!

— Напрасно. К вам, между прочим, я шел с интересным и выгодным для вас предложением.

— Ну-ка, ну-ка, озвучьте!

— Мне удалось получить крупный кредит на социальные нужды в одном российском коммерческом банке под личную недвижимость и недвижимость акционерного общества. Это миллионы наличной валюты. Денег этих вполне достаточно для того, чтобы полностью рассчитаться с вкладчиками.

Я недоверчиво смотрел на Гурули:

— А вам-то это зачем надо? Вы решили заняться благотворительной деятельностью?

— Нет, благотворительностью пусть занимаются другие. А я бизнесмен. Но бизнесмен честный. — Моя цель — возродить «Милосердие». Без лицемерия скажу — от этого выиграют все: и новые вкладчики, и, разумеется, я. Не вижу в этом ничего аморального.

— Очень благородная цель, — не преминул заметить я. — И в чем же заключается ваше предложение ко мне?

— Вы мой клиент. Нас с вами связывают хоть и несколько странные, но не самые худшие отношения. Я прошу вас оказать мне одну небольшую услугу. За хорошее вознаграждение, разумеется.

Я кивнул головой: мол, против хорошего вознаграждения ничего не имею против.

— Вы сами должны понимать, что транспортировка большой суммы денег — мероприятие непростое и в какой-то степени рискованное. Я решил перевезти валюту не традиционным путем, а по морю. — Он сделал паузу и добавил: — На яхте «Ассоль».

Кажется, я догадался, что он хотел от меня.

— Вам должно быть известно, — продолжал Гурули, — что бывший капитан этой яхты недавно покончил с собой. Его место пока никем не занято. Вы живете на побережье, общаетесь с моряками, рыбаками, знаете, кто на что способен. Словом, я прошу вас подобрать капитана и двух матросов надежных парней.

Очень интересный поворот!

— Еще раз повторяю: дело это очень ответственное и в некоторой степени опасное. Я вас не тороплю. Подумайте хорошенько. Дату мероприятия, по понятным причинам, я вам пока сообщить не могу. Если подберете кандидатов, время для них определите так: в течение ближайшего месяца, но не исключено, что и через несколько дней.

— Конечно. Так и скажу, — ответил я. — Все будет хорошо. Я немедленно начну думать. Можно сказать, я уже думаю.

Гурули улыбнулся краешком губ:

— На такой ноте намного лучше заканчивать беседу. Будьте здоровы! Через несколько дней я сам вас найду.

Он отклонялся и вышел в прихожую. Я открыл дверь и проводил Гурули почти до самой машины. Водитель завел мотор. Генеральный директор помахал мне на прощание рукой.

Вернувшись во двор, я остановился у почтового ящика и открыл его. Просмотрел стопку бесплатных рекламных газет и уже хотел отнести их в мусорный бак, как из них выпал сложенный вдвое лист бумаги. Я поднял его и развернул. «Кирилл Андреевич прошу прощения наша встреча не состоится срочно вылетаю в Москву по возвращении дам знать о себе Виктор Гурули».

На телеграмме была обозначена дата — отправлена из Ялты за день до того, как Лепетиха расстрелял моего гипсового двойника у останков революционного памятника.

Глава 35

Предложение Гурули подвалило очень кстати. Мозгу надо было отдохнуть, переключиться на иное направление. Леша и Эльвира, эти Ромео и Джульетта современного криминального мира, исчезли, растворились в знойной эйфории бархатного сезона, и я почувствовал приблизительно такое же облегчение, какое испытывает цепной пес, на время освобожденный от ошейника. Они оба мне надоели..

Успокаивая себя подобными доводами, я кое-как вернул себе ровное настроение и некоторую уверенность. Хотя, положив руку на сердце, такого крупного провала я не знал за все время своего частного сыска.

Влюбленные аферисты, исчезнув из поля моего зрения, не оставили за собой ни одной нити, которая могла бы вывести на них. Но даже не это главное. У меня не было заказчика. Я раскручивал это преступление из-за какого-то известного только мне принципа. Я его раскрутил, и теперь эта раскрутка вентилятором била меня по пальцам. Моя функция закончилась, теперь в дело должны были включиться органы власти.

Да уж, должны. После облома на даче Татьяны Сысоевой Кныш стал шархаться от меня, как от психически больного, и не хотел даже выслушать. Инстанции повыше местного отделения полиции дело о Милосердовой прикрыли за отсутствием состава преступления, и потому выпроводят меня за дверь тотчас, как только я произнесу имя Эльвиры. Я раскопал булыжник, который вытащить мне одному не по силам, а помощников не было и не предвиделось.

Но вот странные телодвижения Гурули рядом со мной начались очень кстати. Гурули. Роль обычного убийцы на него не клеилась — это человек

иного ранга, да и какой смысл ему убивать меня? Это можно было сделать много раз при минимальном риске и затратах. А здесь что-то иное. Деньги, предложение занять должность капитана злосчастной «Ассоли» — это пока лишь прелюдия перед началом серьезной игры. Меня покупают? Предлагают сотрудничество? Или затыкают рот? Вряд ли, рот затыкают пулей, а вот сотрудничество вполне могут предложить. Я владею информацией, у меня есть неплохие связи, я могу быть хитрым и мобильным. С этими мыслями я и лег спать.

На следующее утро я первым делом принял ледяной душ, надел огненно-красные трусы, кроссовки, вставил в уши «таблетки» от плеера и побежал сжигать на новосветской трассе лишние калории. У горы Сокол меня обогнал полицейский «уазик», прижался к обочине и остановился. Володя Кныш, поочередно двигая плечами, вышел из машины и, глядя себе под ноги, вразвалочку пошел мне навстречу.

— Привет блюстителем порядка! — на ходу крикнул я, намереваясь не останавливаться, но Володя умудрился подставить мне ногу.

— В тюремном дворике будешь бегать, — со свойственным ему юмором проговорил он. — Мне сказали, ты меня искал вчера.

— Так ведь ты на эту тему со мной не разговариваешь.

— Ну ладно! — проворчал Кныш. — Не шлифуй мне мозги. Что надо было?

— Хотел сообщить тебе интересную новость.

— Валяй, я слушаю.

— Леша Малыгин, которого ты вчера подвез до Судака, учился с Милосердовой в одном классе. Кроме того, был к ней неравнодушен.

— Откуда узнал?

— Я встречался с бывшим классным руководителем Милосердовой. Учительница показала мне школьные снимки, и на одном из них я узнал Малыгина.

— Это все?

— Моргун рассказал, что девятнадцатого числа, когда на Диком острове убили девушку, Леша брал напрокат акваланги и плавал с одиннадцати до шестнадцати.

— И где сейчас твой друг?

— Сбежал.

— Куда?

— На кудыкину гору. Вчера вечером я рассказал ему все, что мне стало известно. Он молча выслушал, а затем неожиданно дал деру.

— Ну, ты и шляпа! — покачал головой Кныш. — Кто ж так делает?

— Извини, школу МВД не оканчивал, а на мои сигналы и предупреждения отделение полиции не реагировало.

— Остряк, мать твою! За твои сигналы я до сих пор с алуштинцами расплачиваюсь.

— На твоём месте я бы не расплачивался, а хорошенько копнул бы эту компьютерную фирму на Барсучьей поляне.

— Копнул бы! — передразнил меня Кныш. — А на каком основании? Если я там ничего не выкопаю, кто будет возмещать их моральные убытки? Я? Или ты? Начнем лучше с Моргуна.

— Нет, с Моргуна ты не начнешь. Моргун сдал все дела и уехал в Москву.

— Когда уехал?

— Вчера.

— Ну, ты даешь, парень! А впрочем, черт с ним! И ты можешь бежать дальше. Мне это надо? — проворчал себе под нос Кныш. — Мне, с моей получкой, это надо?

— Интересная мысль, — заключил я. — Есть простор для размышлений.

На том мы и расстались. Кныш покатил в Новый Свет, а я сумел осилить лишь половину трассы, так как духота стояла невыносимая. Назад я уже не бежал, а шел. У перекрестка готов был уже свернуть к своему дому, как вдруг стоящая в тени абрикосового дерева у автобусной остановки белая иномарка тронулась с места и беззвучно подкатила ко мне. Через затемненные стекла я не видел, кто сидит внутри, но догадался, что это Виктор Резоевич торопит события.

— Здравствуйте, Кирилл Андреевич! — приветливо крикнул он, высунувшись из окна. — Вас подвезти?

Предложение было несуразным — дом стоял в пятидесяти шагах от меня.

— Что вы, что вы! — ответил я. — Не хочу вас утруждать.

— А холодненькой кока-колы?

Я понял, что в машину придется-таки сесть. Сейчас он спросит, нашел ли я подходящую кандидатуру, а я отвечу, что готов сам исполнить роль капитана «Ассоли». «А стоит ли соглашаться? — думал я, медленно приближаясь к машине. И снова, как очень часто случалось, во мне начали бороться два человека — один спокойный, привыкший тщательно продумывать каждый свой поступок, и авантюрист, который делает все наоборот и вечно лезет туда, где нормальные люди стараются не появляться. И, как всегда, авантюрист легко одержал верх.

В машине было прохладно — замаскированный в обшивке кондиционер незаметно творил свой микроклимат. Гурули повернулся ко мне

с переднего сиденья и спросил: — Ну, как? Вы подумали над моим предложением?

— Подумал, конечно.

— Надеюсь, вы меня обрадуете?

— И я надеюсь.

— Кого-нибудь нашли?

— «Ассоль» я поведу сам.

— Вы? Сами? — На этот раз Гурули сыграл удивление безобразно плохо. Я не перенес такой откровенной фальши.

— Виктор Резоевич, давайте, наконец, говорить друг с другом откровенно: разве вы хотели видеть в этом качестве кого-нибудь другого?

Гурули принял мой вопрос-упрек достойно. Он пригладил пальцем седую щетинку под носом, кивнул, властным движением положил свою тонкую ладонь на спинку водительского сиденья.

— Хорошо. Давайте будем откровенны. Да, я хочу, чтобы капитаном «Ассоли» стали именно вы. Другой кандидатуры на это место я не вижу.

— Только на один рейс, — уточнил я.

— Честно говоря, я желал бы видеть вас у штурвала яхты более продолжительное время.

— Это ваше желание или Артура Пикова?

Гурули ответил не сразу.

— Я не знал, что вам известно имя Пикова.

— Неужели вы думали, что я встану за штурвал яхты, не поинтересовавшись, кто ее истинный владелец?

— Все права по найму экипажа доверены мне.

— И с вами я буду заключать договор?

— Безусловно.

— У вас есть доверенность или какой-либо другой документ, подтверждающий, что Пиков поручил вам сформировать экипаж?

— Есть, — кивнул Гурули.

— Мне нужна его копия.

— Никаких проблем! Какие еще требования, условия, пожелания?

— Помимо договора мы с вами оформим доверенность на яхту на мое имя...

— Это обязательно.

— ...и заверим ее в нашем отделении полиции.

— Как скажете. Я поручу своему референту подготовить все эти документы.

— Я должен знать о дате рейса не позднее, чем за три дня.

— К сожалению, Кирилл Андреевич, это условие я не смогу выполнить. В целях вашей личной безопасности дату рейса и маршрут я сообщу вам непосредственно перед погрузкой денег на «Ассоль».

— Вы не можете сказать даже, откуда и куда я должен буду перевезти деньги?

— Ориентировочно — из Краснодарского края на Южный берег Крыма. Протяженность маршрута — не более двухсот пятидесяти километров.

— С пограничниками вопрос решен?

— Обязательно.

— Досмотр будет?

— Только при погрузке и в конечном пункте.

— Охрана?

— Ориентировочно — три катера на подводных крыльях с профессиональными охранниками.

— Больше вопросов не имею.

Гурули с улыбкой покачал головой.

— Вы забыли спросить о самом главном, — с улыбкой покачал головой Гурули.

— О самом главном? О чем же, интересно, я забыл спросить?

— О сумме денежного вознаграждения.

— Этот вопрос меня не интересует, — ответил я и покинул машину.

— Кирилл Андреевич! — позвал Гурули, выглядывая из салона. — Я прошу вас в ближайшие дни надолго не отлучаться из дома.

Глава 36

Среди ночи меня разбудил телефонный звонок. На улице грохотал гром, трепыхались, мерцая, на ветру листья тополей, верхушки деревьев изгибались, как удочки с тяжелой добычей на крючке.

Я схватил трубку, прижал ее к уху. Мне показалось, что на связь со мной вышла сама стихия, потому что в эту же секунду где-то над балконом ослепительно сверкнула молния.

— Слушаю!

— Кирилл Андреевич, прошу прощения, что в такое позднее время. — Я узнал голос Гурули. — Немедленно одевайтесь и выходите из дома. Машина уже у вашего подъезда.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Просто мы начинаем работу.

— А более удобное время вы не могли выбрать?

— Поторопитесь, Кирилл! Через два часа самолет.

— Странно, что вы не разбудили меня вообще за полчаса до вылета. Куда летим?

— Вы узнаете об этом в аэропорту.

Если бы я знал, что сегодня ночью мне предстоит куда-то лететь, то не ложился бы вообще и с вечера собрал бы все необходимые вещи. Теперь же приходится с дикими глазами бродить по комнате и соображать, что мне может пригодиться.

Как только я закрыл калитку, в меня плеснул луч света: стоящая рядом с домом машина зажгла фары. Спектакль начался. Занавес раздвинулся, и сцену залил яркий свет юпитеров.

Я подошел к уже знакомой мне машине, открыл дверцу, кинул на заднее сиденье сумку и сел рядом с водителем. Когда не противишься судьбе и полностью отдаешь себя в ее руки, наступает облегчение. Это, наверное, оттого, что лень заложена в человеке на генетическом уровне. Когда нет смысла дергаться и думать о том, как решить проблемы, становишься почти счастливым.

В симферопольском аэропорту Гурули оставался все таким же немногословным, и даже когда рейс из-за погодных условий задержали на час, мы практически молча простояли до начала регистрации в буфете, склонившись над кофейными чашечками.

— Летим в Анапу, — только и сказал Гурули.

В самолете, спустя минут пятнадцать после взлета, он извлек из своего кейса и положил себе на колени кожаную папку. Надел очки, открыл «молнию» и стал по одному доставать документы.

— Доверенность на яхту. Разрешение на переход через погранзону. Ложия. Штурманская карта... Маршрут, как видите, уже обозначен и просчитан: Анапа — Алушта, сто пятьдесят миль. Отход от причала Анапы — восемь ноль-ноль, прибытие в Алушту — восемнадцать ноль-ноль. Там я вас встречу. Идти будете в относительной близости от берега, так что проблем с ориентированием у вас быть не должно. Извещение мореплавателям от десятого июня сего года. Договор. Приложение к договору с указанием суммы вашего гонорара...

Я взял приложение, поднес его к глазам и удивленно взглянул на Гурули:

— Десять тысяч долларов?

— Что, мало? — вроде как забеспокоился он.

— Вы щедрый заказчик, Виктор Резоевич. Только я не понял, эти деньги предназначены мне или же на всю команду?

— На команду? — переспросил Гурули и снял очки. — Разве вы подобрали себе команду?

— Я подобрал? Кажется, о матросах должны были позаботиться вы.

— Ну вот, — недовольно пробурчал Гурули, собирая документы. — Перед самым отплытием выясняется, что вы не подобрали себе команду. Я как вам говорил? Мне нужен капитан и матросы. Капитана в своем лице вы мне представили. А матросы где?

— Если бы вы не темнили относительно даты отплытия, то я успел бы найти матросов. Но у вас же все покрыто мраком тайны! У вас же конспирация, черт возьми! — вспыхнул я.

— Не кипятитесь, Кирилл Андреевич! Я вас предупреждал, что отплытие состоится на днях. Любой нормальный человек понимает, что означает «на днях».

— А я ненормальный. Я педант и привык, чтобы люди говорили со мной открытым текстом, а не полунамекami с призрачными сроками. Почему вы написали в договоре: «Десять тысяч долларов США»? Могли же обозначить так: «Достаточно крупная сумма».

— Не передергивайте. Деньги и сроки — разные вещи.

Наша перебранка постепенно становилась все более вялой, но все же несколько скрасила утомительный ночной полет, хоть он был и недолгим.

— В конце концов, мне кажется, что вы сами вполне справитесь с яхтой, — сказал Гурули.

— Естественно, — ответил я. — Это мне было ясно с самого начала. Вся проблема лишь в доверии друг к другу.

Глава 37

Серый и тяжелый от влаги рассвет медленно накатывал на побережье. С моря толчками, словно с боем пробиваясь в глубь берега, дул ветер. Грязные низкие тучи обесцветили и сделали отталкивающими небо и особенно море. Генеральный директор тем не менее находился в приподнятом настроении, и, когда мы подкатили к причалу на машине, встретившей нас в аэропорту, он возбужденно потер руки, вышел и принял от путающегося под ногами референта зонтик.

«Ассоль», пришвартованная к причалу, пропускала под собой волны, поочередно поднимая и опуская корму и нос. Ее борта ударялись об амортизационные покрышки, привязанные к причалу, те стонали, словно чувствовали боль; из щели между судном и опорами взмывали вверх плоские струи раздавленной воды.

Стоя на причале, я обернулся на звук сирены. К нам приближалась вереница автомобилей: стреляющий синим лучом полицейский «уазик», инкассаторский «броневик», два «жигуленка» и одна иномарка. Машины остановились у навеса, а «броневик» на малом ходу поехал по пирсу, обогнал меня и притормозил рядом с яхтой. К машине уже торопился Гурули. Придерживая над ним зонтик, следом семенил референт. Полицейские, накинув на плечи серые дождевики, встали цепью у входа на причал. Из «броневика» вышли два молодых человека в тренировочных костюмах с капюшонами, подпоясанные широкими ремнями, на которых висели кобуры. Глядя на «Ассоль», напоминающую качели какого-то дикого аттракциона, они недолго посовещались, после чего вытащили из машины три металлических ящика и поставили их на асфальт.

— Приступаем! — крикнул им Гурули.

Он подошел к ящикам, склонился над ними, проверил пломбы и печати на замках, приподнял одну сторону ящика за ручку, оценивая его вес, опустил и стал что-то быстро говорить, энергично жестикулируя. Парни стояли истуканами напротив него, скрестив на груди руки. Похоже, они хотели дополнительного денежного вознаграждения за риск. Переговоры длились недолго, Гурули жестом показал, как бы он на их месте закинул ящики на яхту, и, ободряя, похлопал парней по спинам.

Дальше пошла сплошная эквилибристика, но ловкости парней можно было только позавидовать. Один из них, пятась спиной, отошел от края причала на несколько шагов и, как только яхта своим бортом выдавила очередной фонтан, разбежался и прыгнул на корму. На мокрой палубе он не удержался на ногах, упал на спину и, заскользив по инерции вперед, припечатался к переборке.

Гурули нервно прохаживался в стороне, искоса поглядывая на инкассаторов. Обслуживающий персонал, стоя под навесом, кажется, получал огромное удовольствие от зрелища и втайне желал, чтобы хотя бы один ящик свалился в воду. Но этого так и не произошло. Инкассатор, стоящий на причале, поднял первый ящик и, улучив момент, передал его в руки своего товарища. Второй и третий попали на борт яхты столь же благополучно. Куда они затем перенесли ящики, я не увидел.

— Ну что, Кирилл? — подошел ко мне Гурули. — Вам пора. Побеспокойтесь о том, чтобы вовремя прибыть в Алушту. И постарайтесь не нарушить целостность печатей.

Он махнул кому-то стоящему под навесом, и спустя минуту на малом ходу в море вышли четыре моторки. Волны подкидывали их, заливали пе-

редки, разбивались о лобовые стекла, но маленькие суда держались неплохо. В каждом — по два человека, плотно упакованные в непромокаемые штормовки. Значит, восемь человек будут сопровождать меня до конечной точки.

На яхту мне не удалось попасть красиво и эффектно. Сначала меня окатило водой, и из-за этого я потерял долю секунды. Когда я уже был готов приземлиться на палубу, «Ассоль» пошла вверх. Получилось так, что мы с ней врезались друг в друга. Удар был чувствительный, и я тотчас растянулся на мокром лакированном дереве, выронив кожаную папку с лощиями, картами и документами. Ее чудом не слизнуло волной, и я пополз за ней, а затем, не поднимаясь на ноги, ввалился в камбуз.

Чайник, подвешенный над плитой, раскачивался и бился о переборку, как колокол, издавая утробный звон. По полу из стороны в сторону, словно танцуя, перетекали ручьи. Мокрые следы на линолеуме вели в кают-компанию — значит, ящики с деньгами инкассаторы отнесли туда.

Балансируя, я прошел в кают-компанию и на пороге ненадолго задержался. Диваны, ковровая дорожка, журнальный столик с футлярами для бутылок, навесные шкафы. Все, как в тот роковой день, когда я поднялся на эту яхту и обнаружил в трюме обезглавленный труп девушки. Железных ящиков нигде видно не было, и я усмехнулся про себя — все люди мыслят стандартно или же действуют по привычке. Я откинул ковровую дорожку и поднял крышку трюмного люка. Ящики стояли как раз на том же месте, где две недели назад лежало тело Васильевой.

С причала мне кричали и размахивали руками два охранника. Они были готовы отдать швартовы. Я поднялся в рубку, встал у штурвала, посмотрел на качающуюся серую набережную с машинами и людьми. «И мне это надо? — подумал я словами Кныша. — За десять тысяч долларов мне это надо?»

Посмотрел на часы — восемь ноль девять, и кивнул охранникам. Они сняли с кнехтов канатные петли и кинули их на палубу. «Ассоль», оттолкнувшись от покрышек-амортизаторов, стала бочком отходить от причала. Я запустил двигатель и дал задний ход. Яхта на малой скорости попятилась в открытое море, содрогаясь под ударами волн. Когда она отдалилась от причала на достаточное расстояние, я двинул рукоятку подачи топлива вперед до упора и стал вращать штурвал. Накренившись, яхта описала полукруг, быстро набрала скорость и, яростно разрезая узким носом волны, устремилась в беспросветную серую мглу...

По-моему, Гурули сильно лукавил, когда говорил мне, что прогноз погоды на ближайшие дни благоприятный. «Ассоль», несмотря на свои прекрасные

ходовые качества, болталась из стороны в сторону и вверх-вниз с такой силой, что я не мог устоять на ногах, не держась за что-либо, причем мне казалось, что болтанка усиливается с каждой минутой. Я давно не ходил в море, и очень скоро катание на волнах перестало быть приятным.

Закрепив штурвал, я спустился в кают-компанию, сел, а точнее, упал на диван, раскрыл папку и достал штурманскую карту. Собственно, ни карта, ни лоции не были мне нужны. Я шел в трех-четыре километрах от берега, где достаточная для яхты глубина тянулась до конечного пункта, и я мог ориентироваться по берегу без риска сесть на мель или задеть какой-нибудь донный кабель. Доверенность на яхту была заверена в судакском отделении полиции, договор подписан Артуром Пиковым, и на нем стояла печать акционерного общества закрытого типа «PIC-AVTO».

Яхта неплохо придерживалась курса, но волнами ее постоянно сносило к берегу, и через каждые четверть часа мне приходилось выравнивать движение. На ней не было никаких средств связи. Вообще-то радиостанция и навигационное оборудование когда-то занимали свое место под приборной панелью рубки, но кто-то предусмотрительно снял их с крепежных планок, оставив лишь голые провода да севшие аккумуляторы. Наверное, Гурули посчитал, что меня лучше лишить возможности связаться с внешним миром до того, как я пришвартуюсь к причалу Алушты.

К одиннадцати часам, когда я уже перестал замечать болтанку и реагировать на нее, у меня разыгрался аппетит, и я вскрыл картонную коробку с продуктами. Если говорить о запасах продовольствия, то Гурули здорово приукрасил действительность. Запас продуктов на команду из четырех человек заботами генерального директора составил два черствых гамбургера, несколько пакетиков чая и бутылку дешевого молдавского коньяка. Я, не веря в такую унижительную скупость, перерыл все навесные ящики в камбузе и кают-компании, но ничего больше не нашел. Пришлось довольствоваться тем, что было. Отсутствие «харчей», обещанных Гурули, — мелочь, пустяк, эпизодическая неувязка, но в этой неувязке было что-тостораживающее. Забыть о такой прозаической вещи как потребность в пище можно только по отношению к человеку обреченному, отработавшему свое, вычеркнутому из списка живых.

Я посмотрел в иллюминатор. Катера надрывались метрах в пятидесяти от борта яхты, прыгали с волны на волну, с хлопком ударялись днищем о воду, выбивая из-под себя плоские струи. Чего можно ожидать от этих людей? Какую задачу им поставили? Только ли обеспечить сохранность груза, упакованного в железные ящики?

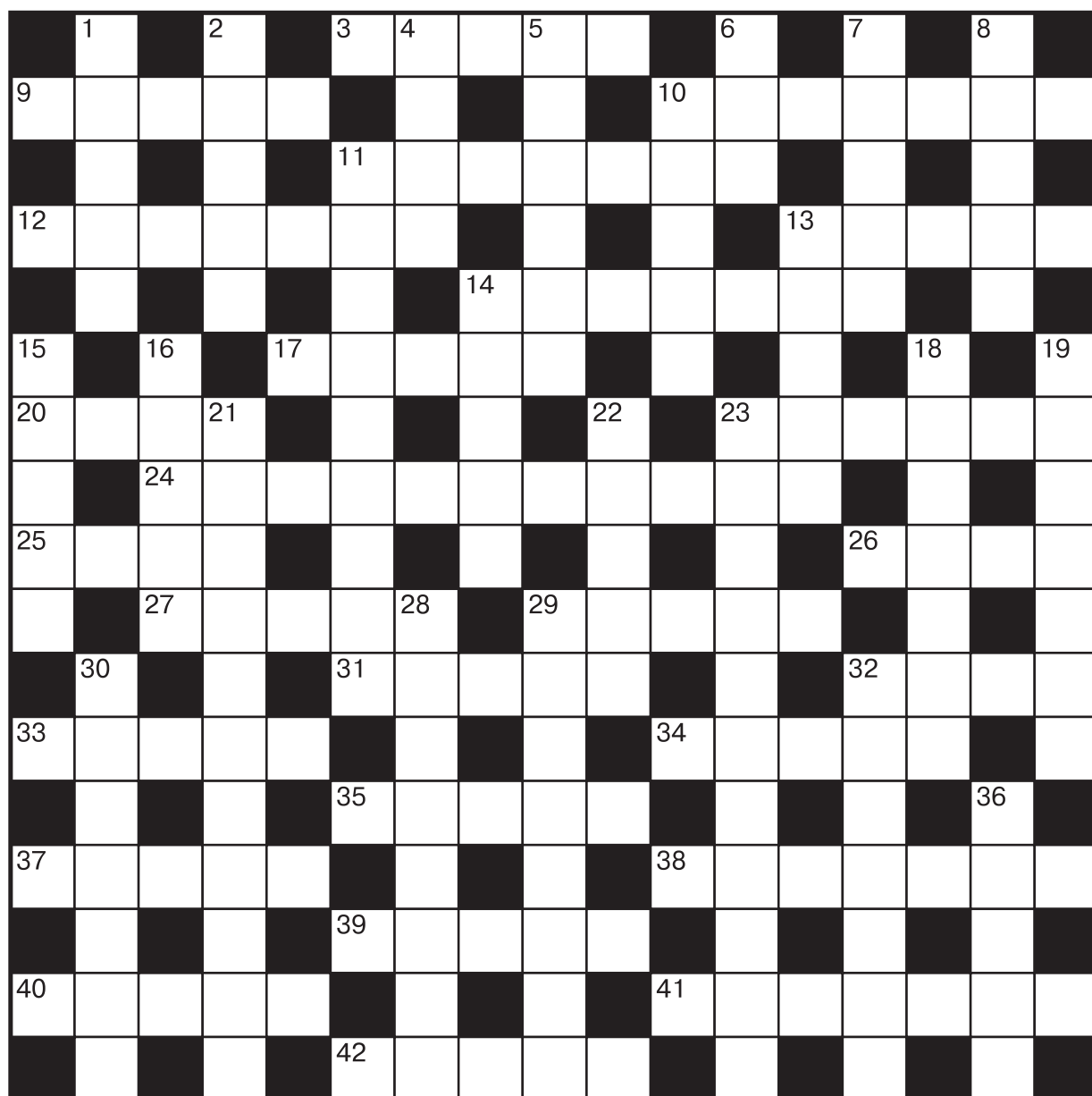
Неожиданно в тучах образовалось окно, и солнечный луч углом упал на берег. Желтая песчаная полоса становилась все тоньше и тоньше, пока окончательно не исчезла. Вокруг меня до самого горизонта плескалось море. Яхта поравнялась с Керченским проливом.

Я уже не отходил от штурвала, маневрируя среди дрейфующих судов. Мой конвой сначала немного отстал — я видел лишь одну моторку, идущую параллельным курсом, — а потом и вовсе исчез из вида. Но я не стал озадачиваться этим, так как справа от меня в мутной дымке уже начинался крымский берег.

«Ассоль» шла на предельной скорости в пятистах метрах от берега. Подойти ближе к берегу было небезопасно из-за надвигающегося шторма, а уходить далеко в море мне не советовала интуиция. Усиливающийся ветер раскачивал яхту до такой степени, что она временами почти ложилась бортом на воду. Ко всему прочему стало необычайно темно, и хотя я с закрытыми глазами мог бы провести яхту вдоль Южного берега, приходилось часто снижать скорость. «Если все закончится хорошо, — думал я, сжимая сверкающие начищенной медью рукоятки, — то в Алуште я буду не позднее восьми вечера. Два часа опоздания при такой погоде — нормальное дело, и Гурули, надеюсь, не станет поднимать раньше времени панику»... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Складной глобус. **9.** «Девушка снова читает письмо, снова с надеждою смотрит в ...» **10.** «Прыжок зайца» в Швеции, «Семь драконов» в Корее, «Девичьи волосы» на Кавказе. **11.** Танковый, но не корпус. **12.** Какую «легенду семи морей» в мультфильме озвучил Брэд Питт? **13.** И живой, и мертвый.

14. Кого задействуют для сбора морских ежей? **17.** Злая ворожба. **20.** «В прах раскидал домашний ... — одни руины!» **23.** Что сменило романский стиль в архитектуре? **24.** Ученый муж в поисках всякой заразы. **25.** Кого из апостолов Христа распяли вниз головой? **26.** Что теряют фигурально? **27.** Под каким псевдонимом акаде-

мик Андрей Сахаров проходил в разработках КГБ? **29.** Протяжный ... парохода. **31.** Марк Захарович. **32.** Думающий орган. **33.** «Неизменно часовым полагается ...» **34.** Кого сыграл Никита Михалков в фильме «Утомленные солнцем»? **35.** Какой скульптор своих жеребцов на Аничков мост загнал? **37.** Провокатор зависти. **38.** Какого рака едят по большому счету? **39.** Ринго из «Ливерпульской четверки». **40.** Ковбойская горилка. **41.** Растворитель памяти. **42.** Голливудская звезда, что помогла наладить агентурную сеть, помешавшую фашистам создать атомную бомбу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Откуда на гражданку увольняются? **2.** Какой классик подсказал сюжет для фильма «Генералы песчаных карьеров»? **4.** Ткань, при производстве которой используют красители из древесного гриба, а потому она и пахнет землей и лесом при влажной погоде. **5.** Из-за чего Коко Шанель в конце жизни «сидела на морфии»? **6.** «Сплю и вижу». **7.** «Зимний удар-

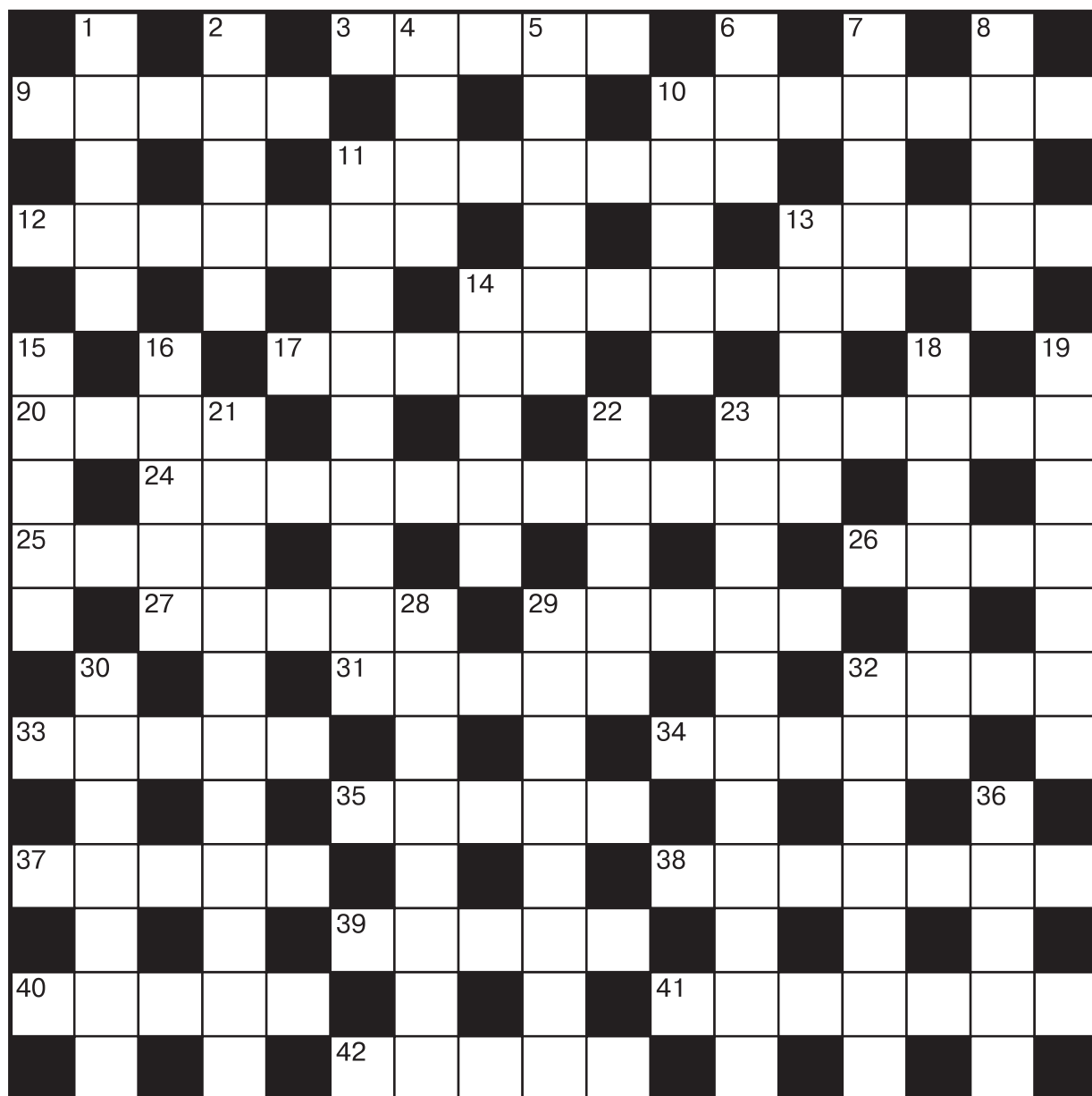
ник». **8.** Самая популярная в мире кукла. **10.** Птица на частокле у избушки Бабы-Яги. **11.** В какой стране, сопоставимой по площади с Мурманской областью, проживает на 20 миллионов больше человек, чем во всей России? **13.** Подо что ссуду выдают? **14.** «Малярный коток». **15.** На что опирается власть «в борьбе с народом»? **16.** В какой игре, как полагал Александр Куприн, «трусам и лентяям» нет места? **18.** Какого генерала Екатерина Великая послала подавлять восстание Емельяна Пугачева? **19.** «Жизнь в муках». **21.** Холостяцкая квартира. **22.** Спуск на лыжах по ледяным буграм. **23.** Повод «пошевелить мозговыми извилинами». **28.** «Пилюля, что в лепешку разбилась». **29.** В каком месте практически у каждой женщины живет «существо по имени Нечего Надеть»? **30.** «Печатание инфляции». **32.** Кого окрестили «Князем Игорем народного танца»? **36.** «Весна его жизни миновала, лета не было, наступила прямо осень». К кому из русских классиков обращены эти слова?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Шуба. **6.** Гермес. **10.** Потомак. **11.** Нектар. **12.** Детсад. **13.** Бобслей. **14.** Севан. **17.** Чат. **18.** Бездарность. **21.** Балаганов. **22.** История. **25.** Варан. **26.** Фумигатор. **27.** «Леон». **29.** Дантист. **30.** Диета. **31.** Кактус. **33.** Грейпфрут. **36.** Роддом. **38.** Сага. **39.** Виноделие. **40.** Киви. **41.** Путч.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шанс. **2.** Беккет. **3.** Тор. **4.** Мороженое. **5.** Рассада. **7.** Елей. **8.** Мост. **9.** Сидр. **10.** Палач. **12.** Депрессия. **14.** Салат. **15.** Коронавирус. **16.** Стоимость. **19.** Казан. **20.** Каракас. **23.** Аутсайдер. **24.** Электрик. **25.** Волкодав. **28.** Старпом. **29.** Дуров. **32.** Ифрит. **34.** Табу. **35.** Матч. **37.** Миф.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какая компания создала первые в мире хоккейные клюшки из титана? **9.** Ночной лемур. **10.** Древняя религия Месопотамии. **11.** Персидская миля. **12.** Личный советник Адольфа Гитлера в вопросах шпионажа. **13.** Как в Вавилоне называли отпрысков, венчавшихся на царство, едва достигнув совершеннолетия? **14.** Золотая змея,

удерживающая пальму первенства по смертельным укусам в Южной и Северной Америке. **17.** Уфимский воевода Михаил ... слывет основателем города. **20.** Всякое знамение у римлян. **23.** Комикс повышенной реалистичности. **24.** Экстремальный прыгун с высоты. **25.** «Бесконечный шарф». **26.** Мааконд в Эстонии. **27.** Переписчик свитков Торы.

29. Мексиканские чипсы, помогающие восстановить артериальное давление. **31.** Галстук с узлом. **32.** Белый вишневый бренди. **33.** Голубь, чей зоб отливает всеми цветами радуги. **34.** Стадия посвящения культа бога Митры. **35.** Грех сквернословия в исламе. **37.** Первая олимпийская чемпионка в истории США. **38.** «Зимний квас» на Руси. **39.** Мебельный шканд. **40.** Сернобык. **41.** Оборотень из литовских мифов. **42.** Традиционный корейский дом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Вышитая шапочка на палестинке. **2.** Подводная пещера. **4.** Какие статуи инопланетяне из фантастической комедии «Марс атакует!» уничтожают гигантским шаром для боулинга? **5.** Парфянский царь, не давший императору Траяну захватить свои земли. **6.** Результат ошибки программиста. **7.** «Летающая рыба», чей ежедневный рацион составляет не менее десяти тысяч килокалорий. **8.** Китайская чемпионка мира, сумевшая после перерыва вернуть себе шахматную корону.

10. О каком из своих героев Льюис Кэрролл «не имел ни малейшего представления»? **11.** Коммунальный дворец, «построенный» французским утопистом Шарлем Фурье. **13.** Какому архитектору поручили привести в исполнение план «Нерон» по уничтожению стратегических объектов на территории Третьего рейха? **14.** Столовая сталкеров у братьев Стругацких. **15.** Какого хищника побеждает лев Алекс из мультфильма «Мадагаскар»? **16.** Дореволюционный журнал, рассказывавший о беседах с духами. **18.** Какой кофейный напиток высоко ценил Александр Дюма? **19.** Какую песню перед стартом насвистывал Юрий Гагарин? **21.** Тот самый «мелкий бес». **22.** Дешифровщик чужих эмоций. **23.** Метод очистки крови от токсинов. **28.** Чилийский танец с платком. **29.** Остров с самым южным антропологическим музеем мира. **30.** Какую пессию Максим Горький «делил с Уэллсом»? **32.** Какой фотоаппарат Ильи Ильфа хранят в Одесском литературном музее? **36.** Верблюжья колючка.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Хэне. **6.** Стовиз. **10.** Бугатти. **11.** Лабрум. **12.** Планео. **13.** Меркель. **14.** Ретба. **17.** Чур. **18.** Штумпфеггер. **21.** Бинтуронг. **22.** Соблазн. **25.** Пуант. **26.** Канистель. **27.** Апоп. **29.** Реддитч. **30.** Кринг. **31.** Сиртос. **33.** Брадисизм. **36.** Диммик. **38.** Майо. **39.** Клезморим. **40.** Кику. **41.** Суго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Халс. **2.** Ниблер. **3.** Зум. **4.** Валентино. **5.** Атакама. **7.** «Тиль». **8.** Венд. **9.** Зроа. **10.** Бумба. **12.** Плюфиовил. **14.** Рупия. **15.** Эгалитаризм. **16.** Верзилина. **19.** Отлуп. **20.** Брандес. **23.** Баптидион. **24.** Рассудок. **25.** Погремок. **28.** Одеризи. **29.** Рорик. **32.** Осмий. **34.** Мару. **35.** Боио. **37.** Кло.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

СМЕНА

индекс П2451 и П2446 полугодовой

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению — ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

